

Скрытое урамя

К.С. ЛИНН

Annotation

Габриэль Мартинес - самый высокомерный и выводящий из себя человек, которого я встречала. От его ухмылки у меня дрожат ноги, и мне хочется поцеловать... нет, влить пощечину по его наглой, сексуальной физиономии. Судя по его эго, можно подумать, что инструмент в его штанах такой же большой, как и шланг, что лежит на его пожарной машине. Не то чтобы я что-то знала об этом, да мне и не хочется. Неа, совсем нет. Он уже забыт, как Michael Kors из прошлого сезона. СиСи Кенсингтон претенциозна и избалована, дальше некуда. Нелепые сумочки, которые она носит, такие же большие, как и ее самомнение. И не вынуждайте меня рассказывать о ее ногах длиною в милю или полных глянцевых губах, которые так и просятся оказаться на... Если бы она только знала, о каких грязных вещах с участием ее нахального ротика я фантазирую, она бы со всех ног умчалась на свою сторону города. Когда в самой неожиданной ситуации встречаются красивая владелица бутика и сексуальный пожарный, сталкиваются два мира, создавая взрыв недопонимания и легковоспламеняющегося тепла, удерживая их в огне, который они никогда не видели.

•

Автор : К.С. Линн

Название : Скрытое пламя

Рейтинг: 18+

Переводчик: Ксюша Попова

Best romance books

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления! Любое копирование и распространение, в том числе размещение на сторонних ресурсах, категорически запрещено.

Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения.

Аннотация:

Габриэль Мартинес - самый высокомерный и выводящий из себя человек, которого я встречала. От его ухмылки у меня дрожат ноги, и мне хочется поцеловать... нет, влить пощечину по его наглому, сексуальной физиономии. Судя по его эго, можно подумать, что инструмент в его штанах такой же большой, как и шланг, что лежит на его пожарной машине. Не то чтобы я что-то знала об этом, да мне и не хочется. Неа, совсем нет. Он уже забыт, как Michael Kors из прошлого сезона.

СиСи Кенсингтон претенциозна и избалована, дальше некуда. Нелепые сумочки, которые она носит, такие же большие, как и ее самомнение. И не вынуждайте меня рассказывать о ее ногах длиною в милю или полных глянцевых губах, которые так и просятся оказаться на... Если бы она только знала, о каких грязных вещах с участием ее нахального ротика я фантазирую, она бы со всех ног умчалась на свою сторону города.

Когда в самой неожиданной ситуации встречаются красивая владелица бутика и сексуальный пожарный, сталкиваются два мира, создавая взрыв недопонимания и легковоспламеняющегося тепла, удерживая их в огне, который они никогда не видели.

Оглавление:

ГЛАВА ОДИН

ГЛАВА ДВА

ГЛАВА ТРИ

ГЛАВА ЧЕТЫРЕ

ГЛАВА ПЯТЬ

ГЛАВА ШЕСТЬ

ГЛАВА СЕМЬ

ГЛАВА ВОСЕМЬ

ГЛАВА ДЕВЯТЬ

ГЛАВА ДЕСЯТЬ

ГЛАВА ОДИННАДЦАТЬ
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТЬ
ГЛАВА ТРИНАДЦАТЬ
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТЬ
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТЬ
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТЬ
ГЛАВА СЕМНАДЦАТЬ
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТЬ
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТЬ
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ОДИН
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДВА
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРИ
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ
ЭПИЛОГ

Всем модным дамочкам,
обожаящим Jimmy Choo
и дизайнерские сумочки,
по размеру такие же большие,
как и их сердца.
Может быть, однажды вы найдете
своего прекрасного принца,
и все ваши мечты станут реальностью.
Даже если этот «принц» понятия не имеет,
кто такой Louis Vuitton.

ГЛАВА ОДИН

CuCu

Пронзительная тревога вырывает меня из блаженного сна. Вдыхая, я сажусь на кровати, и сердце практически выпрыгивает из груди. Стягиваю маску для сна и закрываю уши, пытаюсь заставить этот ужасный звук исчезнуть. И мне не требуется много времени, чтобы понять - это пожарная сигнализация.

Только не снова!

Опускаясь обратно на постель, я проверяю часы у кровати. Черт, сейчас три утра!

Разве эти засранцы не знают, для того, чтобы оставаться красивой, мне нужен сон? СиСи с мешками под глазами выглядит как Барби из Малибу после бурной ночи. Не то чтобы я видела подобную картинку, но могу представить, насколько это было бы отвратительно - я, но с уставшими, припухшими глазами.

Пеппер, мой чихуахуа, карабкается мне на грудь, бедное маленькое тельце дрожит от страха.

— Все в порядке, мальчик, не бойся, — сюсюкаюсь я, прижимая его ближе. — Всего лишь еще одна ложная тревога.

Потому что кучка молодых панков думает, что, портить сон всем, кто спит по ночам - смешно. Даже не сомневаюсь, это дело рук внуков миссис Лэнгли. Эти два четырнадцатилетних братца всегда что-то придумывают. Как раз на днях я поймала их в лифте, когда они пытались заглянуть мне под платье.

Маленькие извращенцы.

Хотя, в действительности, мне не стоит жаловаться, поскольку это единственный интересный случай, что случился со мной за последний год.

Позволяю этой жалкой мысли уйти и пытаюсь заблокировать неприятный звук. Я отказываюсь эвакуироваться, и снова идти на поводу у этих маленьких безобразников.

Пеппер зарывается ближе к моей шее, когда я поглаживаю ему спинку, тем самым надеясь успокоить его. Мы ждем отключения

тревоги, но она все орет и орет.

Какого черта они так долго копаются?

Несколько минут спустя я чувствую, как что-то горит, и понимаю, что там дым. А затем слышу сирены.

— Вот черт! — паника накрывает меня, когда я сбрасываю одеяло и спрыгиваю с постели, в спешке отправляя бедного Пеппера в полет. — Ой, Пеп, мне очень жаль, — поднимаю его и прижимаю к своему быстро колотящемуся сердцу. — Все будет хорошо, мальчик, но нам надо выбираться. Там огонь!

Бегу в гардероб, чтобы схватить хоть какую-нибудь одежду. Шелковая маечка и трусики от Victoria Secret восхитительны, но мне не хочется, чтобы все мои соседи увидели меня в этом наряде, тем более, трусики едва прикрывают мою попу.

Готова поспорить, мелким пакостникам такое понравится.

Когда я пробираюсь сквозь горы одежды в шкафу, мои глаза останавливаются на очень внушительной коллекции обуви и сумочек. На секунду я представляю, как все они горят в огне. Как бы это ни было ужасно, в мире существует одна вещь, без которой я не выживу.

Опускаясь на колени, я начинаю копать в горе вещей. Страх в животе нарастает, когда у меня не получается найти то, что ищу.

— Ну, давай же, где ты? — закапываюсь глубже в заднюю часть шкафа, кидая туфли и сумочки назад за спину.

— Оу, твою мать!

Раздраженное проклятие вторгается в сигнал сирены, но я не обращаю на него внимания. Потому что обезумела и продолжаю свой поиск. А еще злюсь на себя за то, что, после реконструкции шкафа на прошлой неделе, не уделила больше внимания порядку.

— Мисс, вам необходимо эвакуироваться! В вашем здании пожар.

Игнорирую твёрдый приказ, надежда тает с каждой секундой.

Пожалуйста, боженька, позволь мне найти ее.

— Леди! Вы меня слышите?

— Одну минуту, — кричу в ответ.

— Господи боже, — проклятие вылетает за несколько секунд до того, как меня хватают за руку и разворачивают лицом к лицу с очень разгневанным пожарным.

Пожарный сексуальный, но сердитый, если его прищуренные карие глаза принять за признак. На одну короткую секунду я замечаю, насколько невероятны его ресницы. Длинные, темные и густые. Тот тип ресниц, которые у меня бывают, только когда я их наращиваю.

— А теперь мы уходим, — сквозь зубы произносит он, прижимая меня к себе.

— Подождите. Мне надо кое-что захватить, очень-очень быстро, — вырываясь из хватки, я устремляюсь к последнему углу, который не исследовала, но он тут же снова разворачивает меня лицом к себе.

Глаза, которые секунду назад были злыми, теперь метают молнии.

— Послушайте, дамочка. Здесь нет ничего такого, ради чего стоит рисковать своей жизнью.

Если бы он только знал, как эта вещь важна для меня.

— Теперь у вас есть два варианта. Либо вы пойдёте со мной добровольно, либо я переброшу вас через мое проклятое плечо и вынесу. Что выбираете?

Выпрямляю спину в ответ на подобный ультиматум.

— Я сказала вам *подождать*. Это займет всего секунду, — я возвращаюсь к своей задаче, зная, если на этот раз не найду ее, мне придется уйти с пустыми руками.

Мысль об этом убивает маленькую частичку внутри меня.

В ухе звучит низкое рычание, когда руки пожарного оказываются вокруг моей талии. И как раз в эту самую секунду я замечаю голубой цвет, который искала.

— Стойте, я вижу ее, — вырываясь, хватаю ремешок и вытягивая сумку из кучи. Мне также удастся схватить Пеппа и засунуть его внутрь, так как мистер Паршивец поднимает меня на ноги.

Я собираюсь высказать ему все, что думаю, но у меня нет ни

единого шанса, потому что он крепко держит меня за руку и тащит прочь из гардеробной. Когда моя обнаженная нога трется о его штаны, я вспоминаю о своей нынешней ситуации с одеждой.

— Извините. Можете мне дать ещё одну секундочку? Мне нужна одежда.

Но он продолжает решительно шагать.

Упираясь пятками в ковёр, я останавливаю его гонку.

— Дружище, я сказала стоп. Мне нужны штаны.

Он поворачивается. На лице написан гнев.

— Слишком, черт возьми, плохо. Надо было хватать штанишки, а не идиотскую сумку!

Идиотскую сумку?

Я собираюсь засунуть эту «идиотскую» ему куда-нибудь подальше... ну, может быть, не именно эту. Вернусь и захвачу свою Vuitton прошлого сезона. А потом засуну ее туда, куда собиралась.

До того, как мне удастся сделать хоть шаг, он поднимает рацию к губам.

— Я нашел пропавшего арендатора. С ней все нормально, — рывкает он в нее, прищуривая суровые глаза, пока смотрит на меня.

А я прищуриваюсь в ответ.

Да уж, у него серьезные проблемы с общением и ему не стоит работать с людьми.

— Здесь задымление минимально. Какова наша ситуация?

— Огонь на втором этаже, — информация доносится сквозь помехи. — Теперь лестница под угрозой. Тебе придется воспользоваться пожарной лестницей.

Пожарной лестницей?

У меня нет времени задуматься над этим, потому что меня выносят из комнаты и несут к балкону. Властный пожарный открывает дверь и выходит на улицу, таща меня за собой.

Наконец, почувствовав, что с меня хватит, я выхватываю руку из его твердой хватки.

— Перестань таскать меня, как собаку. Боже, в чем твоя проблема?

Он вторгается в мое личное пространство, заставляя меня сильно запрокинуть голову. Я сильнее прижимаю Пеппа к груди, больше ради себя, чем ради него.

— Хочешь знать, в чем моя проблема? Моим братьям нужна помощь в тушении огня, а я застрял здесь с тобой, потому что ты не эвакуировалась, как оно предполагалось!

— Я думала, тревога ложная. В прошлом месяце у нас уже было три таких.

— Не важно, — гаркает он. — Ты всегда покидаешь помещение и, чертовски уверен, не задерживаешься ради долбаной сумки.

— Это не просто сумка. Она важна для меня.

Он хмыкает.

— Уверен, так и есть.

Я собираюсь рассказать ему, что именно она для меня значит, но прикусываю язык. Я ничего не должна этому кретину, и меньше всего объяснения.

Наш горячий спор прерывается, когда стальная лестница достигает моего балкона.

На самом деле, очень высокая лестница.

Он протягивает руку и хватает прикрепленные к ней ремни, а затем двигается ко мне.

Я отступаю, спиной ударяясь о стену.

— Что ты делаешь?

— Надеваю на тебя ремни.

— Ни за что.

Он делает еще один угрожающий шаг вперед, ярость буквально исходит от него.

— Послушай, Блондиночка.

Блондиночка?

— Мое терпение на исходе. Ты уже достаточно рисковала

нашими жизнями. А теперь перестань быть занозой в моей заднице, и дай мне надеть на тебя ремни.

Не давая мне выбора, он опускается передо мной на колени, заставляя мою ногу влезть в одну петлю, а затем проделывает то же самое с другой ногой. Потом он начинает пристёгивать меня, и его лицо оказывается всего в дюйме от моей промежности, едва прикрытой черным шёлком.

Помните, когда я сказала, что самое запоминающееся событие, которое у меня было в прошлом году, это когда внуки миссис Лэнгли пытались заглянуть мне под платье? Ну, больше нет.

— А лестница действительно настолько необходима? — спрашиваю я, надеясь сломать неловкое напряжение. — Как спускаются вниз остальные жильцы моего этажа?

Он встает в полный рост, возвышаясь надо мной. По суровому выражению лица ясно, что его нисколько не взволновало то, что его лицо совсем недавно практически касалось моей промежности. От чего, одновременно, я чувствую и облегчение и обиду

Да ну и что, может он частенько зарывается лицом между женских ножек.

Боже правый. Что со мной не так? Я провела пять минут в ужасном обществе этого мужчины и представляю, как он делает куннилингус?

— Все остальные уже там, потому что они покинули здание, как и должны были, — объясняет он, возвращая меня из моих блуждающих мыслей.

Впервые после того, как эта ночь приняла такой безумный поворот, во мне появляется чувство вины. Он прав. Я должна была отнестись к этому, как к реальной пожарной тревоге, не важно, поверила я в нее или нет.

Прикрепив мои ремни к своему поясу, он ставит тяжелый ботинок на стеклянные перила и, как профессионал, поднимается на лестницу. Кажется, чувство страха ему совсем не ведомо.

— Дай мне свою сумку, — говорит он.

Фыркаю на такой приказ.

— Ни единого шанса, малыш. Мой песик останется со мной.

После проведенных пяти минут в его обществе, готова поспорить, он вполне способен случайно выбросить мою сумочку.

Его челюсть напрягается, мой отказ злит его еще больше.

— Мне нужно, чтобы ты притащила свою попку на эту лестницу, но, неся ту часть багажа, которую называешь сумочкой, ты это сделать не можешь. Так что, хотя бы раз, может, не будешь со мной спорить и станешь делать то, что я говорю?

С сумочкой или без, я на грани, и не в хорошем смысле. А в плохом.

На самом деле, убийственном.

Я могу разбиться прямо здесь и сейчас. И что тогда будет с бедняжкой Пеппом?

Страшная мысль лишает меня воздуха.

Выпрямляя плечи, я поднимаю подбородок, надеясь замаскировать свой страх.

— Я дам тебе свою сумочку, но клянусь Богом, Пожарничек, если что-нибудь случится с моей собакой, я тебя кастрирую. Понял?

Я ожидаю злой реплики, но вместо этого на его полных губах появляется маленькая ухмылка.

Милая ухмылка... для такого мудака.

— Обещаю, с твоей собакой ничего не случится, — говорит он.

Не имея другого выбора, кроме как довериться ему, я целую Пеппа в макушку и неохотно вручаю свои самые драгоценные вещи. Собаку и последний подарок от папы.

Пожарничек вешает их себе на руку, которой держится за лестницу, прежде чем протянуть мне другую руку.

Я колеблюсь, боясь принять ее.

— Не переживай, Блондиночка. Клянусь, ни за что не позволю тебе упасть.

Мои глаза встречаются с его карими, взгляд твердый и уверенный. Кладу дрожащую руку в его теплую ладонь, затем поднимаю обнаженную ногу на холодные перила и отталкиваюсь другой.

Он помогает мне забраться на лестницу, крепко удерживая меня за талию рядом со своим большим телом. Сердце дико стучит, когда я хватаюсь руками за металлические ступеньки, держась изо всех сил.

— Опускай вниз, — приказывает он в рацию.

Лестница дергается, опуская нас и посылая панику по моим венам.

— Боже мой! — я закрываю глаза, не желая видеть, как далеко до земли внизу.

— Не бойся, я тебя держу, — его теплое дыхание задевает мое ухо, когда он прижимается к моей спине.

Каждая мышца в моем теле неподвижна. Я не могу ровно дышать уже по новой причине, и только сейчас начинаю осознавать, насколько он близок к моему полуобнаженному телу.

— Моя собака все еще у тебя? — спрашиваю я, а при этом едва дышу.

— Да, я держу его.

Его голос что, более хриплый, чем раньше?

Лестница, наконец, останавливается, принося небольшую отсрочку моему сходящему с ума сердцу. До тех пор, пока сексуальный пожарный не намеревается отойти от меня.

Хватаю его за запястье, удерживая руку вокруг своей талии.

— Пожалуйста, не уходи.

— Почему? — его дыхание снова задевает мое ухо.

— Потому что, если ты это сделаешь, все увидят мою попу, а для сегодняшней ночи у меня уже достаточно переживаний.

Полагаю, он собирается спрыгнуть, воспользовавшись возможностью смутить меня, но, к счастью, остается там, где стоит и снова говорит в рацию:

— Бэнкс, принеси нам одеяло.

— Принято.

— Спасибо, — шепчу я

Между нами повисает неловкая тишина.

— Как тебя зовут, Блондиночка?

Сомневаюсь, отвечать ли ему, но понимаю, что он имеет право знать, он ведь видел меня в нижнем белье.

— СиСи.

— СиСи, — мое имя слетает с его языка, вызывая дрожь, пульсирующую вниз по позвоночнику. Не замечала раньше, но у него слабый акцент.

Я собираюсь узнать его имя, но мне не выпадает такая возможность, потому что к нам присоединяется другой пожарный.

Пожарничек передаёт Пеппер в обмен на одеяло.

— Поставь его вниз, ладно?

Его друг держит мою сумочку, с усмешкой рассматривая содержимое.

Я смотрю на него через плечо, раздумывая, что же такое забавное он нашёл там.

— Будьте поосторожнее с моей собакой.

— Есть, мэм, — салютует он мне, а затем исчезает за машиной, забирая Пеппа и смех с собой.

Пожарничек оборачивает одеяло вокруг моей талии, прежде чем отступить.

— Вот так, — спускается вниз первым, затем ждёт, пока спущусь я.

Собирая одеяло вокруг бедер, я поворачиваюсь и делаю шаг за шагом. Когда добираюсь до последней ступеньки, руки обхватывают мою талию, поднимая меня. Он поворачивает меня лицом к себе, его тело близко, ближе, чем необходимо, и у меня снова перехватывает дыхание.

— В следующий раз, Блондиночка, эвакуируйся вовремя и положенным способом.

Раздражение возвращается. До того, как я успеваю сказать ему, что ему следует поработать над навыками общения с людьми, он, хватая оборудование, убегает и бросается в горящее здание.

Мужчина, который принес нам одеяло, передает мне Пеппа, на

его лице веселая ухмылка.

— Мисс, — салютует шлемом в мою сторону, а затем следует за своим другом.

И вот она я, стою среди своих соседей, одеяло подтянуто на бедрах, скрывая мои черные трусики. Внуки миссис Лэнгли указывают на меня, их глаза загораются, как фейерверк на четвертое июля.

О да, это, безусловно, самая унижительная ночь в моей жизни.

ГЛАВА ДВА

Гейб

Спустя несколько горячих часов моя кровь все еще кипит. От гнева, и... я не знаю, от чего еще. Ни единой чертовой мысли, как объяснить, что я чувствую по поводу той катастрофы, которая постигла меня с Блондиной.

Когда я очутился перед высоткой, расположенной в одном из самых богатых районов Атланты, и услышал, что внутри все еще есть арендатор, последнее, что я ожидал найти, это летающие туфли, сумки и какую-то цыпочку, сидящую попкой кверху.

Ох, и что это была за попка. Бледные круглые половинки, едва скрытые черным шёлком, созданные для мужских рук и многих других вещей. Я стоял там, ошарашенный как идиот, пока туфля не угодила мне прямо в лицо. И вот тогда, за считанные секунды, от состояния шока я пришел в ярость.

Я видел, как люди рискуют своей жизнью, чтобы во время пожара спасти разные ценности. Но гребаная дизайнерская сумка просто ни в какие ворота не лезет. Определённо - самый легкомысленный выбор. Хотя, это не должно меня удивлять, она ведь похожа на легкомысленную штучку. Богатую и испорченную. Мне всю жизнь приходится иметь дело с такими, как она. Теми, кто и секунды не продержался бы в моем районе города. Теми, кто смотрит на таких, как я так, словно мы не достаточно хороши, чтобы чистить их бассейны и работать у них в саду...

Засовываю эту мысль подальше, пока не вспомнил человека, которого ненавижу больше всего в жизни.

Нам удалось быстро усмирить огонь. Помимо второго этажа, где он возник, в остальной части здания, ущерб был минимален. Причину возгорания еще предстоит выяснить.

Захлопывая свой шкафчик, я перебрасываю сумку через плечо, готовый вернуться домой и проваляться весь день на диване. Прохожу через кухню, где заступившая на смену команда начинает собираться на завтрак.

— Эй, Мартинес, слышал, у тебя была та ещё ночка, — говорит Рассел Брайант, его губы изогнуты в знающей ухмылке.

Держу пари, так и есть. Без сомнения, это Бэнкс. Этот ублюдок не затыкается о Блондиночке и ее изящной попке.

— Как думаешь, существует медаль за спасение сумочек и щенков? — его смех и смех остальных членов команды разносится по всей станции.

Показывая ему средний палец, я толкаю заднюю дверь, но не раньше, чем слышу его прощальную реплику:

— Ой, да ладно. По крайней мере, у горячей блондинки милая попка. Судя по тому, что я слышал.

Это точно. И эта попка определённо будет преследовать меня ещё ни один день.

ГЛАВА ТРИ

CuCu

Теплый ветерок поднимает волосы с моих плеч и отбрасывает их мне в лицо, пока я еду за рулем своего розового «Фольксвагена Жук» с опущенной крышей, голос Кэти Перри доносится от динамиков. На пассажирском сиденье рядом со мной, наслаждаясь лучами солнца и выглядя невообразимо красивыми в своем новом галстук-бабочке, сидит Пеппер.

Утро прекрасное, особенно после того, как я выяснила, что, наконец-то, могу покинуть отель, в котором оставалась всю прошлую неделю, и вернуться домой. Не то чтобы я так уж сильно возражала против отеля. Обслуживание номеров как раз на руку девушке, которая не умеет готовить. Но я уже вполне готова вернуться в свою постель и воссоединиться со всеми своими вещами, включая полный гардероб.

Моя беззаботная улыбка исчезает, когда я въезжаю на стоянку и вижу, что она забита пожарными и полицейскими автомобилями. На одну мучительную секунду меня охватывает страх, вдруг что-то произошло с моим бутиком, пока я не понимаю, что все действие происходит в конце торгового центра, где находится цветочный магазин мистера и миссис Нельсон.

Паркуясь на свое обычное место, я хватаю Пеппа, засовываю его в сумочку и бегу так быстро, как позволяют мои золотистые туфельки Prada. Я направляюсь прямо к стоящей в одиночестве миссис Нельсон, мистер Нельсон в это время разговаривает с полицейским.

— Миссис Нельсон, с вами обоими все в порядке?

— Да, дорогая, мы в порядке. Просто немного испугались. Мы думали, что произошла утечка газа, но оказывается, тревога была ложной.

Мое сердце падает при мысли о том, что утечка газа могла сделать со всем этим торговым центром. Потеря моего бутика убьет меня. В нем смысл моей жизни.

— Что ж, я рада, что все хорошо.

— Я тоже, — говорит она, кладя руку на мою. — Было мило с твоей стороны проверить нас.

— Конечно. Я забеспокоилась, увидев все эти пожарные машины. Особенно после... — я замолкаю, когда из цветочного магазина выходят двое пожарных, один из которых оказывается мужчиной, которого я надеялась никогда снова не увидеть. Мужчина, на прошлой неделе вторгавшийся в мои мысли чаще, чем я готова признать.

Не может быть.

Он сразу же замечает меня, удивление и веселье вспыхивает в этих темно-шоколадных глазах.

Терпеть не могу темный шоколад. Так всегда было. И всегда будет.

— Так, так, это ли не Блондиночка и ее маленький песик, — приветствует он, на губах появляется дерзкая ухмылка.

Ухмылки я тоже ненавижу, особенно сексуальные. Мне так хочется поцеловать... ой, нет, вlepить ему пощечину и стереть эту гримасу с его грубой физиономии.

Подходя ко мне, он бесстыдно скользит взглядом по моему телу, осматривая наряд из белых обтягивающих джинсов и мятного топа с завязками на шее. Мой живот делает небольшое сальто, и внезапно я ощущаю себя обнаженной, хотя в моем наряде и нет ничего откровенного. Однако да, топ с глубоким вырезом отлично демонстрирует ложбинку.

— Преследуешь меня? — спрашивает он, отрывая меня от этой мысли.

— Вряд ли, Пожарничек, — парирую я. — К твоему сведению, у меня бутик в другом конце этого торгового центра, — произношу я с гордостью.

Он поворачивает голову в сторону, проверяя мой магазин, и я не могу не заметить, какая замечательная у него челюсть. Сильная и острая. Угол настолько совершенен, что у меня возникает желание укусить ее.

Укусить? Я кто, вампир?

Боже, из-за этого придурка у меня появляются очень странные мысли.

Возьми себя в руки, СиСи!

— Кенсингтонский дворец, — размышляет он, потирая эту достойную укуса челюсть, — как это... уместно.

Не могу упустить подтекст в его глубоком голосе.

— Это почему еще?

— Дворец для принцессы.

Я вздрагиваю, слова ударяют меня словно пощечина. Если бы он только знал, насколько близок к истине. Кроме того, он бросает слово принцесса, словно это нечто грязное. В то время как мой папа всегда

говорил, оно означает не что иное, как чистое обожание.

Я отгоняю прочь воспоминания, прежде чем они затянут меня, и поднимаю подбородок.

— Ты меня не знаешь.

— Верно, но я знаю твой тип. Все вы богатые, претенциозные цыпочки одинаковы.

— Претенциозная? — повторяю я, кровь кипит.

— Ага, *претенциозная*. Меркантильная, — добавляет он, — Выбери. В конце концов, я нашел тебя посреди пожара, когда ты пыталась спасти свою дизайнерскую сумку.

Я так сильно сжимаю зубы, что челюсть начинает болеть.

— Я сказала тебе, что она кое-что для меня значит. Или твой мозг размером с горошину забыл об этом?

Он вторгается в мое личное пространство, его аппетитный запах атакует мой разум. Я расправляю плечи, не желая съеживаться от страха, но как только он приближает рот ближе к моему уху, вся моя уверенность исчезает.

— Поверь мне, Bella. Я не забыл ни одной вещи с той ночи. Особенно черный шелк, едва скрывающий твою очаровательную попку.

Тепло проносится по моему телу, создавая пожар.

Быстро, придумай что-нибудь остроумное.

Не могу. Мозг замкнуло. Единственное, на чем я могу сосредоточиться, это то, насколько хорошо он пахнет и как его теплое дыхание ощущается на моем ухе.

Я выхожу из своего оцепенения, когда он отходит и сверкает еще одной самодовольной ухмылкой, сопровождаемой приводящим в ярость подмигиванием. Затем проходит мимо меня, направляясь к ожидающей его пожарной машине.

— Я - СиСи, придурок! Не Белла! — поправляю я его.

Моя вспышка, кажется, лишь забавляет его еще больше. Он машет мне рукой, когда пожарная машина уезжает, оставляя меня стоять, словно идиотку.

Какой же наглый этот кретин.

Я топаю по тротуару, цокая каблуками в такт с яростным ритмом собственного сердца.

Претенциозная. Меркантильная. Да как он смеет судить меня после одной встречи.

Останавливаюсь перед своим бутиком, гнев медленно исчезает при виде фиолетовой короны на стеклянном стекле с вплетенной в нее заглавной «К».

«Кенсингтонский дворец».

Ты всегда будешь моей принцессой, а этот дом всегда будет твоим дворцом.

Эмоции горят в горле, когда голос папы наполняет мой разум и сердце. Никто и ничто не способны осквернить эти слова. Особенно какой-то глупый, склонный критиковать всех и вся пожарный.

Отпирая дверь, я вхожу, отключаю сигнализацию, а затем включаю свет, демонстрируя... волшебство.

Стойки коллекций весенних цветов заполняют пространство. Всё от дизайнерских платьев до обуви, сумок и даже украшений.

Мой счастливый мир.

Еще с детства я была одержима модой. Одевала своих Барби, играя в одежду мамы. А теперь помогаю другим выглядеть потрясающе.

Я иду в заднюю комнату, вылавливаю Пеппа из своей сумочки и целую его в макушку, прежде чем опустить рядом с мисками для еды и воды. Наполнив обе, иду к стойке регистрации, чтобы разобраться с ночной распродажей, которую проводила Джил. Сотрудница, которую я наняла несколько месяцев назад, и я ее обожаю. Она на пару лет моложе меня, но мода - это страсть, которую мы разделяем, и я знаю, что она задержится здесь надолго.

После подсчета всех поступлений, я рада видеть, что у нас была очень успешная ночь. Разобравшись со всем, я беру телефон и звоню маме. Она уже почти месяц в круизе со своими сестрами, и я очень скучаю по ней. С тех пор, как умер папа, она часто путешествует. Полагаю, это ее способ справиться с утратой.

С каждым гудком, который я слышу, моя надежда поговорить с ней все уменьшается, пока, в конце концов, я не попадаю на автоответчик. «Вы дозвонились до Элизабет, я принимаю солнечные ванны в Карибском море, оставьте мне сообщение, и я свяжусь с вами, как только смогу. Чао!»

Жду звукового сигнала.

— Привет, мам, это я. Просто решила позвонить. Полагаю, тебя не будет весь день. Надеюсь, тетя Виола и тетя Сэди хорошо проводят время. Я... я скучаю по тебе, — признаюсь я, голос смягчается. — Просто хотела услышать твой голос. До скорого.

Положив трубку, я решаю позвонить своей лучшей подруге, по которой тоже ужасно скучаю. Мы с Эмили дружим с самого детства. Она мне практически как сестра, и я очень ценю ее дружбу. Ненавижу тот факт, что она переехала, но я так же счастлива за нее, потому что у нее появился второй шанс с парнем, в которого она безумно влюбилась, когда мы учились в старшей школе.

Плохой парень, которого я приняла за киллера и побила своей сумочкой. Оказывается, он был далек от этого и даже стал агентом ФБР. Притом самым ворчливым.

К слову о ее муже...

— Резиденция Джеймсона, — отвечает Райдер, явно не глядя на номер.

Будет забавно.

— Доброе утро, — приветствую я с легкой улыбкой в голосе. — Это Виолет из Whoreilicious. Я звоню нашей сотруднице месяца, Эмили Джеймсон. Нет ли ее случайно поблизости?

Длинная пауза.

Закрываю трубку рукой и хихикаю, представляя себе выражение его лица.

— Ха, черт возьми, ха, Кенсингтон, — ворчит он, ничуть не удивляясь.

— Ой, как ты узнал, что это я?

— Думаю, это удача.

Его сухой тон заставляет меня рассмеяться.

— Не спишь ночами, думая о том, как бы позлить меня? — спрашивает он.

— На самом деле, нет. Все происходит само собой. Это талант.

Он хмыкает.

— Будь проще, Джеймсон. Вся эта ворчливость не идёт тебе на пользу, — говорю я ему. — Знаешь, что тебе нужно?

— Заняться сексом с собственной женой, а ты мне мешаешь.

Что ж, это объясняет излишнюю озлобленность сегодня утром. Я мысленно хлопаю себя по плечу за идеальный выбор времени.

— Неа. Тебе нужен новейший мужской кошелёк Louis.

— Я так не думаю.

— Поверь мне, нужен. Когда я открою здесь мужскую линию, у меня будет линия сумок, названная в честь тебя. Ты даже можешь быть моделью. Мы назовём её «Секретный агент», — говорю я, зная, как сильно его раздражает, когда я его так называю. — Что скажешь?

— Только через мой гребаный труп, вот что я скажу.

И я снова не могу сдержать смех.

— Ты звонишь по какой-то определенной причине или просто, чтобы позлить меня?

— И то и другое. Но я покончила с последним, поэтому позволь мне поговорить с твоей женой.

Он передаёт трубку Эмили, которая тоже смеётся.

— Это кто, моя любимая лучшая подруга, которая так любит выводить из себя моего мужа?

— Единственная и неповторимая, — гордо говорю я. — Как ты и моя милая крестница?

Роза - самая драгоценная девочка в мире, и для меня большая честь не только быть ее названной тетей, но и крестной матерью. Только в прошлом месяце мне выпала честь купить ей ее первую дизайнерскую сумочку Michael Kors. Он ей понравился, и она повсюду носит его с собой. Эмили постоянно посылает мне фотографии. Райдер был в восторге от подарка.

Шутка!

— Мы оба замечательно, спасибо, что спросила. Как насчет тебя? Как дела с квартирой?

— Хорошо. В этот четверг я переезжаю обратно.

— Замечательно. Держу пари, ты в восторге от этого.

— Сама понимаешь. Мне нужна моя кровать.

— И давай не будем забывать о твоей коллекции обуви и сумочек, — поддразнивает она, напоминая о том, что никогда раньше меня не тревожило, но теперь не дает покоя.

— Да, по ним я тоже скучаю, — я усмехаюсь, пытаюсь казаться веселой, но смех, такой же ненастоящий, как и мои акриловые ногти.

— Что случилось? — спрашивает она, веселье исчезло из ее голоса.

Она знает меня лучше всех.

— Могу я спросить у тебя кое что?

— Что угодно.

— Обещаешь быть честной со мной? Даже если это ранит мои чувства?

— Всегда. Ты же знаешь.

Знаю, вот почему она единственная, кого я могу спросить об этом.

— Я ... — делаю паузу, не зная, как сказать это, не звуча при этом смешно. — Я хороший человек?

— Конечно же, да. Как ты вообще можешь спрашивать меня об этом?

— Подумай над вопросом, ммм, я имею в виду, действительно задумайся.

— Не нужно мне об этом думать, я уже знаю ответ, — говорит она, немного заводясь. — Что происходит, Сесе? Откуда такой вопрос?

Вздыхая, я рассказываю ей о своей встрече с Пожарничком и ничего не утаиваю. Ну, только если информацию о том, насколько он горяч, и как сильно мне хочется укунить его за челюсть. Но я рассказываю ей все остальное, вплоть до его слов о том, что я

претенциозная и меркантильная.

— Что за придурок!

— Да, но... он прав? Я имею в виду, мне нравятся вещи, из-за этого он меня и судит.

— И что с того? Все любят красивые вещи, СиСи. И это не делает их плохими людьми.

— Ну, вот тебе ведь до них нет дела, — напоминаю я ей, думая, насколько не материалистична моя подруга, несмотря на дом, в котором она выросла.

— Конечно нет, просто мне нравятся другие вещи. У нас в детстве было много прекрасного. Просто мы разные, и ты это знаешь. Что не делает тебя плохим человеком. Суждение этого придурка характеризует его, как плохого человека. А не тебя, — зло добавляет она.

— Дело в том, Эм. Сумочка, которую я искала, когда он нашел меня, была подарком моего отца, — мягко признаюсь я. — Это последнее, что он подарил мне, и на ней сделана гравировка. Я не могла оставить ее. Если бы с ней что-то случилось, меня бы это убило.

— О, Сесе, — шепчет она, голос хриплый от вины, она присутствует всегда, когда мы говорим о моем отце.

Между Эмили и смертью моего отца существует сильная связь. Он умер, разоблачив организацию по торговле людьми с целью сексуальной эксплуатации, в которой состоял ее отец и многие другие видные люди из нашего социального круга. Это было огромным шоком для нашего сообщества, но, независимо от того, насколько я скучаю по отцу, я всегда буду благодарна ему за то, что он спас жизнь Эмили.

— Я понимаю. Это ценное имущество, и я бы сделала то же самое, — продолжает она. — Если этот парень не видит, какая ты на самом деле, это его проблема, не твоя.

— Ты права, — говорю я, заканчивая эту вечеринку жалости к себе. — Не знаю, почему я вообще позволила ему задеть меня.

— Никогда не позволяйте никому заставлять тебе считать себя хуже, чем ты есть. Ты один из лучших людей, которых я знаю.

— Спасибо, Эм, — шепчу я, ее слова значат для меня больше, чем она может вообразить.

— Всегда пожалуйста. Теперь давай поговорим об этой мужской линии, которую ты планируешь запустить, — говорит она, ее волнение отражает мое собственное. — На какой ты сейчас стадии?

— У меня скоро назначена встреча с Грэмом Дэвисом для получения кредита.

— Как здорово.

— Знаю. Будем надеяться, что ему понравится мой план.

Я легко могла бы взять деньги у мамы, но это последнее, что я хочу делать. Я открыла этот бутик самостоятельно, и хочу продолжать в том же духе.

— Понравится. Мало того, что твой бутик успешен, так еще и Грэм с твоим отцом были давно знакомы. Он ни за что не откажет тебе.

Это одна из причин, по которой я попросила встречи с ним. После смерти моего отца я отделилась от социального круга, в котором выросла, но Грэм и мой отец были близки. Он хороший человек. Мой отец доверял ему.

Звуковой сигнал в дверь сигнализирует о том, что кто-то пришел.

— Эм, у меня клиент, можно я тебе перезвоню?

— Конечно.

— Спасибо. До скорого.

— Пока.

Отключаясь, я обхожу прилавок, чтобы поприветствовать посетителя и обнаруживаю Джил.

— Привет, — удивлённо приветствую ее. — Почему ты здесь в свой выходной?

— Я пришла, чтобы забрать вот это, — говорит она, беря тонкий черный свитер Donna Karan со стола. — Собиралась купить его вчера вечером, до того, как ушла, но совсем забыла. Он будет частью моего наряда на день рождения.

— У тебя день рождения? — спрашиваю я, чувствуя вину за то, что не знала об этом.

— В эту субботу. Мы со старшим братом родились в один день с разницей в два года. С ума сойти, правда?

— Точно, — соглашаюсь я.

— У нас будет вечеринка в доме за городом, который принадлежит моему дяде.

— Звучит весело.

— Будет классно, ты должна прийти.

Приглашение практически заставляет меня съезжиться.

— Спасибо, что пригласила, но у меня много дел в эти выходные, — лгу я.

— Каких, например? Потому что вечеринка в субботу вечером, и, если я не ошибаюсь, в воскресную смену работает Моника.

— Ну, да, так и есть, но у меня много бумажной работы и... других дел.

Она не ведётся на это, и я ее не виню. Я ужасная лгунья.

— Давай, СиСи. Ты никогда не соглашаешься пойти куда-нибудь, когда я приглашаю.

Потому что я всегда думаю, что она приглашает меня из жалости. Не секрет, что моя жизнь вращается вокруг бутика. Эмили в значительной степени моя единственная подруга, и теперь, когда она ушла, я отдаю всю себя работе. От этого ощущая себя менее одинокой.

— Мой дядя предлагает бесплатные комнаты всем, кто придёт, — продолжает она. — Будет весело, и я была бы очень рада, если бы ты к нам присоединилась. Пожалуйста?

Это полное надежды «пожалуйста» попадает в цель.

— Ох, ладно, хорошо.

— Да! — восклицает она.

— При одном условии, — добавляю я.

— Каком?

— Ты позволишь мне дать тебе этот свитер и, — тянусь и беру со стойки ожерелье, на которое она положила глаз, — это в качестве твоего подарка на день рождения.

Она улыбается.

— Мне нравится. Спасибо тебе.

— Всегда пожалуйста.

Пока я заворачиваю для нее подарки, она даёт мне указания, как добраться до домика и рассказывает планы на вечер. Должна признаться, что звучит очень весело.

— У моего брата есть несколько одиноких горячих друзей, так что может, ты найдешь с кем-то из них общий язык, — добавляет она, поигрывая бровями.

— Вряд ли. В этом году мне не везет со свиданиями.

Я вздрагиваю, думая о последнем свидании, на которое ходила несколько месяцев назад. Оно было с успешным бухгалтером, который всю ночь говорил о своей скучной жизни, пялясь при этом на мою грудь. Затем он разделил счет пополам.

Это была катастрофа.

Вынуждена признать, что может и хорошо, что мы с Пеппом всегда вдвоем. Эта мысль такая удручающая...

— Никогда не знаешь наверняка. Может быть, тебе повезет, — подмигивая, она берет свою сумку и направляется к двери. — Увидимся в субботу, — говорит она через плечо.

— Пока.

Как только дверь за ней закрывается, я начинаю копаться в одежде, в поисках идеального наряда. Я могу появиться на этой вечеринке одна, но будь я проклята, если не буду выглядеть стильно.

ГЛАВА ЧЕТЫРЕ

Гейб

Да вы, блин, издеваетесь! Из всех мест в мире, я должен был встретить ее... здесь?

Мы с Джонни знаем друг друга с детства. У нас один круг друзей, и я думал, что знаю и всех друзей Джил.

Определенно нет.

Однако я знал, что она начала работать неполный рабочий день в бутике. А оказалось, это чертов магазин Блондиночки. Кто-то возьмет, да посмеется над иронией всего этого.

А вот я не вижу ничего смешного.

С первой нашей встречи меня преследовали воспоминания о ее попке, облаченной в черный шелк. А то, что я повсюду сталкиваюсь с ней, лишь прибавило мне мучений. И, конечно же, она появилась на вечеринке, выглядя, как сладкая мечта каждого парня, одетая в платье, демонстрирующее ее длиннющие ноги, и шпильки, созданные для того, чтобы впиваться в спину парню, пока он бессмысленно трахает ее.

Увидев меня, она выглядела такой же счастливой, как и я. Когда Джил знакомила нас, все это выглядело ненужным и неудобным, если не сказать больше. Джил же обрадовалась тому факту, что мы уже знали друг друга, и совершенно не обращала внимания на напряжение между Блондиночкой и мной. Что завораживает меня, и вызывает ко всем первобытным инстинктам, которыми я обладаю. Девочка, которую я почти не знаю, связала меня по рукам и ногам, и мне это охренеть как не нравится.

После обмена именами она избегала меня как чумы. Лишь раз взглянув на меня, пока попивала свой розовый напиток, она оставалась на другой стороне комнаты.

Не виню ее. Когда мы последний раз виделись, я вёл себя как придурок. Кажется, я ничего не могу с собой поделать. Есть в ней нечто такое, что сводит меня с ума. И не только тот факт, что она избалованная богатенькая девушка.

А нечто большее.

Огонь в ее глазах бросает мне вызов, заставляя меня хотеть увидеть, как далеко я смогу зайти. Не сомневаюсь, в ней есть нечто большее, чем она показывает всем вокруг, и часть меня жаждет узнать, что же это такое.

— Ты собираешься поведать мне историю о Барби или так и будешь продолжать глазеть на неё? — спрашивает Джонни, прислоняясь к стене рядом со мной.

— Нечего рассказывать, — жалкая ложь, даже для моих ушей.

— Точно, именно поэтому у тебя такой вид, словно ты готов кого-нибудь как следует отделать.

Мне хочется врезать кое-кому, но это не Блондиночка. Моя злость направлена на Тревиса, ещё одного моего давнего друга, который сделал своей целью развлечь ее. С того момента, как она вошла сюда, он пытается очаровать ее и залезть ей в трусики. Не сомневаюсь, они из черного шелка, едва прикрывающего ее феноменальную попку.

Через комнату я наблюдаю, как она сидит с ним, и мое раздражение растет, когда она откидывает голову назад и смеется над тем, что говорит этот ублюдок. Ее тонкая шея манит меня, и мой рот наполняется слюной, так сильно мне хочется попробовать нежную кожу.

В конце концов, она извиняется и отправляется в ванную.

Тревис идет к нам с Джонни, смазливая усмешка красуется на проклятом лице.

— Чувак, видел эту цыпочку? Я знал, что у твоей сестры есть горячие подруги, но эта, должно быть, самая горячая.

Это замечание заставляет меня захотеть вырвать ему язык.

Его взгляд переключается на меня, и, видя мой суровый взгляд, он отступает.

— В чем твоя проблема?

— Ни в чем, — глухо отвечаю я.

Джонни усмехается.

— Не думаю, что он рад тому, как тепло ты общаешься с горячей новой подругой.

— Почему, ты ее знаешь? Между вами двумя что-то есть?

— Нет...

А что я должен ответить? Она - претенциозная, богатая девушка,

которую я спас, и не уверен, я ее ненавижу или хочу трахнуть.

Хочу трахнуть ее так, словно ненавижу.

Господи, да у меня проблемы.

Прежде чем кому-нибудь из нас удастся сказать еще хоть слово, к нам подходит Джил, держа в руках большую пивную кружку с крошечными листочками бумаги.

— Выбери имя, пожалуйста, — говорит она, держа кружку перед Тревисом.

— Это еще зачем?

— Первая игра сегодняшнего вечера.

Джонни стонет.

— Нам что, правда, нужны игры?

— Да. Так что перестань суесться, — потом подносит кружку ко мне.

Вынимаю одну бумажку, чтобы задобрить ее, но я солидарен с Джонни. Мне не нужны игры.

Джонни тоже тянется за клочком бумаги, но Джил отводит кружку назад.

— Не ты. Тебе она не нужна. Твоим партнером будет твоя девушка.

— Партнером для чего? — спрашивает он.

— Увидишь, — она оставляет нас с загадочным ответом, двигаясь по комнате от парня к парню.

— Ненавижу это дерьмо, — ворчит Джонни.

— Она делает так каждый год, и каждый год ты скулишь по этому поводу, — напоминаю ему. — Почему бы тебе не начать праздновать отдельно?

— Ты же знаешь мою сестру. Она расстроится. Из-за этого я буду чувствовать себя дерьмом, а Лия добавит масла в огонь, и у меня неделю не будет секса, — говорит он, упоминая свою давнюю девушку. — Нет, спасибо. Как-нибудь переживу.

Он всегда был мягок с Джил. Трудно было вести себя по-

другому. В детстве она повсюду следовала за нами, практически поклоняясь своему старшему брату. Общее празднование дней рождения значит для нее все.

— Кого вытянул? — спрашивает Джонни, указывая на бумажку у меня в руке.

Надежда наполняет мою грудь, но потом, когда я открываю бумагу и не нахожу ее имени, словно получаю удар в живот.

— Триша.

Подруга Джил, которую я встречал несколько раз. Она кажется классной и симпатичной. С длинными каштановыми волосами, сумочкой нормальных размеров и поведением, которое не заставляет мой член напрягаться. Бьюсь об заклад, у нее даже нет собаки, похожей на крысу.

Да-да, определённо мой тип.

— Да! — возглас Тревиса вырывает меня из моих мыслей, — Я вытащил именно того, кого и хотел, — Он показывает нам, кто ему достался, и к меня кровь кипит в жилах от имени, которое он показывает.

— Черта с два, тебе так повезло, — вырываю бумажку у него из рук, глядя вниз на изящный подчерк.

Так и есть.

Сжимаю челюсть, каждая мышца в моем теле напрягается, когда ревность разгорается во мне. Нечто, что я никогда не чувствовал. Я не ревнивый парень, в этом никогда не было необходимости.

До этого момента.

— Судьба на моей стороне, и мой член благодарен за это, — злорадствует он с этой идиотской ухмылкой.

А ко мне судьба повернулась задницей.

— Ладно, все подходим, — кричит Джил из бара.

Тревис протягивает руку.

— Отдай бумажку.

Я медлю, используя момент, чтобы воплотить принятое в последнюю секунду решение.

Бросив ему бумажку, я прохожу мимо него, мой взгляд находит Блондиночку. Наши глаза встречаются, энергетика в комнате изменяется, прежде чем она отводит глаза, разрывая связь.

— Мужчины выстраиваются в линию с одной стороны, а женщины с другой, — инструктирует Джил.

Около двадцати человек делают то, что она говорит. Тревис и Джонни втискиваются справа от меня. Энтузиазм на лице Тревиса почти заставляет меня почувствовать себя плохо из-за того, что я собираюсь сделать... только почти.

— Пару минут назад каждый парень вытянул из кружки имя. Я подумала, будет весело разбиться на пары, так как у нас равное количество женщин и мужчин.

— На пары для чего? — интересуется кто-то.

Джил сияет от волнения.

— У нас будет охота за предметами.

Стоны пронзают воздух, большинство из них слышны с моей стороны комнаты.

— Да ладно вам. Не будьте такими занудами. Будет весело, и у нас есть приз для пары победителя. Большая корзина с алкоголем.

Парням становится интересней.

— Я дам вам список из пятидесяти вещей, которые вам нужно найти, и у вас есть один час, чтобы найти их все. Победит команда, которая до окончания времени найдет все пятьдесят вещей.

Тревис наклоняет голову в мою сторону.

— Надеюсь, там, где спрятаны эти штуки темно и безлюдно, — усмехается он.

Бедный ублюдок будет очень сильно разочарован.

Джил указывает на первого парня на моей стороне.

— Гаррет, ты первый. Кого ты вытянул?

— Кассандра.

Пересекая комнату, к нему присоединяется высокая рыжуля, и они дают друг другу пять, планируя надрать всем задницы.

Очередь двигается. Каждая девушка, когда ее вызывают, подходит к своему партнеру на будущий час.

А теперь моя очередь.

— Что там у тебя, Гейб? Кого ты вытащил?

Мой пристальный взгляд встречается с девушкой напротив, ее глаза широко раскрыты и она нервничает. Посылаю ей улыбку и поднимаю клочок бумаги.

— Похоже мы с тобой в одной лодке, Блондиночка.

Ужас появляется на ее лице, вызывая у меня извращенное чувство удовольствия.

В тот же самый момент, я чувствую, как Тревис рядом со мной напрягается.

— Какого черта? — он открывает свою бумажку и видит, что я поменял имена. Ах ты, сукин сын, — его слова - всего лишь сердитый шепот.

Джонни хохочет, находя все это таким же забавным, как и я.

Подходя ко мне и оставляя между нами огромную дистанцию, Блондиночка выглядит красивой и злой.

Да начнется игра.

Оборачиваю руку вокруг ее талии и притягиваю ближе, но мои глаза прикованы к Джил, так как та продолжает называть имена. СиСи пытается выскользнуть из моего захвата настолько незаметно, насколько это возможно, но моя хватка лишь усиливается. Когда она понимает, что ей не удастся выбраться, не устроив сцену, она скрещивает руки на груди, а ее тело практически вибрирует от ярости.

Никогда не любил злить кого-то так сильно, как мне нравится проделывать это с ней.

— Вот ваш список и сумка, — говорит Джил, передавая по одной штуке каждой паре. — У вас есть час. Начиная... с этой минуты.

Все быстро разбегаются. Тревис бросает на меня взгляд, обещающий возмездие, когда они с Тришей уходят.

Я вполне могу надрать ему задницу, и мы оба это знаем.

Боль пронзает мою ногу, когда моя партнерша наступает на нее своим каблучком.

— Оу! А это за что? — спрашиваю я.

Она отводит волосы от своего раздраженного личика.

— За то, что вытащил мое имя и втянул меня во все это.

— Это не моя вина, — лгу я.

— Ага, точно.

— Ты что, правда думаешь, мне хочется играть с тобой? Поверь, если б у меня был выбор, я бы выбрал того, с кем могу выиграть.

Заявление вызывает именно ту реакцию, которую я и хотел.

— Извини?

— Ты слышала. Мне нравится побеждать, а с тобой, уверен, мне это не светит.

Она выпрямляет спину, этот огонь, которого я так жажду, искрится в ее глазах.

— Хочу, чтоб ты знал, я очень напористая, и всегда побеждаю.

Держу пари, так и есть. Она, вероятно, устраивает те еще концерты, пока не получит того, что хочет.

Она вырывает список из моих рук, разрывает на две части и шлепает одной мне по груди.

— Ты найдешь свою половину, а я свою. И посмотрим, кто закончит первым.

Я удерживаю ее за локоть до того, как она сможет умчаться в бешенстве.

— Не так быстро, Блондиночка. Мы - команда, хотим мы того или нет. Это означает, что мы должны работать вместе.

— Джил никогда не упоминала об этом, когда озвучивала правила.

— А для чего тогда партнер? Кроме того, что, если мне нужны вещи в списке, которые есть у тебя?

Она стискивает зубы, зная, что я прав.

— Отлично. Без разницы. Давай просто сделаем это.

Мы направляемся в лобби, где несколько других пар проходятся по своим спискам. Она останавливается прямо посередине и смотрит на свой лист бумаги.

— У меня в сумочке есть кое-что из этих вещей. Подержи-ка, — она вручает мне свой напиток, а затем роется в большой сумке, висящей у нее на локте. Первое, что она вытаскивает: дезинфицирующее средство для рук. Затем «Клинекс», блеск для губ, духи, компактное зеркало и булавка. Пока она копошится там, я даже вижу, как из недр сумочки выскальзывает туфля, но она быстро запихивает ее обратно.

— Господи, что за ерунду ты там таскаешь? Весь шкаф?

— Ну а что, если и так? Сказал бы спасибо, потому что я только что нашла семь необходимых нам вещей.

— Туше, Блондиночка. У тебя там есть презерватив?

Она прищуривается, но небольшой румянец окрашивает ее светлые щеки.

— А тебе то что?

— А с того, что он есть в списке, — говорю я, показывая ей свою половину страницы.

— Ой, — она прочищает горло. — Ну... нет, у меня нет.

— Нет проблем. У меня найдется парочка, — подмигивая, выдаю я, а затем вытаскиваю из заднего кармана кошелек и достаю презерватив, опуская его в сумку.

С нахальной улыбкой она достает пакетик из фольги и поднимает, чтобы рассмотреть его.

— Дай-ка угадаю, самый маленький размер?

Мой член твердеет от такой колкости. Я делаю шаг вперед, приближаясь так близко, что могу видеть быстро пульсирующий пульс на ее шее.

— Осторожней, Блондиночка. Я не постесняюсь нагнуть тебя, сорвать с тебя эти дорогие трусики, чтобы показать тебе, насколько

ошибочна твоя «догадка».

— В твоих мечтах, Пожарничек, — язвит она, но невозможно не увидеть жар в ее глазах, такой же, что пульсирует по моим венам.

Наклоняюсь еще ближе, опуская рот рядом с ее ухом.

— Если б ты только знала, что я проделываю с тобой в своих мечтах, особенно с этим дерзким ротиком, ты бы убрала свою избалованную попку обратно в свой район города.

Ее дыхание учащается, скользя по моей челюсти.

— Я знаю, что ты пытаешься сделать, но тебе меня не напугать.

Касаюсь носом кожи на ее щеке, приближаясь еще на шаг, чтобы увидеть, действительно ли она имеет это в виду. Она не шевелится, я ощущаю лишь как дрожит ее тело.

— Приятно знать, потому что я не кусаюсь, если ты не попросишь, — покидаю ее личное пространство, больше ради себя, чем ради нее.

— Закончил? — румянец на ее коже и нужда в глазах противоречат ее небрежному тону.

— На данный момент.

Она ворчит что-то непонятное, прежде чем снова посмотреть на список в руках.

— Нам надо выйти на улицу, — сообщаю ей. — В моем списке есть вещи, которые мы найдем только там.

— Например, что?

— Сосновая шишка, желудь, перо, и - господи - светлячок?

— Светлячок, — повторяет она, пребывая в таком же недоумении, что и я. — Как, черт возьми, мы должны его поймать?

Мои глаза опускаются на ее гигантскую сумочку.

— Забудь об этом, грубиян. Это натуральная кожа и единственная в своем роде Kate Spade. В мире существует всего лишь пятьсот таких сумок. Никакие жуки в мою сумочку не попадут, понял?

Мои губы кривятся в ухмылке.

— Полагаю, тогда мы будем импровизировать, Bella.

Ее глаза снова прищуриваются, зубы стиснуты.

— В последний раз говорю, меня зовут СиСи, а не Белла! — она проносится мимо меня, каблук цокает по плиточному полу, когда она вылетает через входную дверь.

Следую за ней на улицу, не в силах сдержать смех. Очевидно, она никогда не брала уроки испанского в школе. Я мог бы восполнить это пробел, но нет. Так гораздо веселее.

Она использует фонарик на своем телефоне, светя на асфальт, и ища предметы. Желание закатить глаза чертовски сильное.

— Мы не найдем их здесь. Нам нужно отправиться туда, — указываю на лес за домом, густой лес, который я хорошо знаю.

— С ума сошел? — шипит она, пугаясь этой мысли. — На случай, если ты не заметил, я не одета для прогулок на природе.

Мои глаза скользят по ее телу, осматривая стильное платье и туфли.

— Поверь, я заметил это в тот момент, как ты вошла. Но тебе надо смириться, лютик, потому что лес — это единственное место, где мы собираемся найти эти предметы.

— Тогда непременно. Веселись, партнер, — говорит она, указывая мне, чтобы я пошел один.

— А я-то полагал, ты настойчивая и всегда побеждаешь. Видимо, нет, — я направляюсь в лес, бросая ей вызов. — Увидимся на другой стороне, Блондиночка.

Ее рычание пронзает ночной воздух, когда она догоняет меня, как я и думал.

— Перестань лыбиться, придурок! — огрызается она.

— Черт, а ты злючка. Тебе кто-нибудь говорил об этом?

— А тебе говорили, что ты грубиян и абсолютно несносен?

— Никогда. Меня одаривали лишь словами любви.

Она усмехается этой лжи, заставляя меня улыбнуться.

Когда мы заходим в лес, она тянется к моей руке, ногти впиваются мне в кожу, когда она пошатывается на своих каблуках.

Это не должно заводить меня, но именно так и случается. Что заставляет меня задаться вопросом, какие будут ощущения, когда эти ногти будут царапать мою спину, пока я буду вколачиваться в нее.

Я замедляю шаг, чтобы ей было легче идти. Как бы мне не нравилось дразнить ее, не хочу, чтобы она пострадала.

Фонарик на ее телефоне указывает нам путь, танцуя повсюду, когда она отмахивается от жуков, кружащих перед ее носом.

— Возможно, нам следует как-то отмечать места, которые проходим. Мне не очень хочется потеряться здесь.

— Я знаю этот лес как свои пять пальцев. Когда мы с Джонни были детьми, то приходили сюда каждое лето.

— Давно вы знаете друг друга? — спрашивает она, звуча по-настоящему заинтересованной.

— С начальной школы. Мы много лет жили на одной и той же улице, пока его семья не переехала в другой район.

Туда, где нет бедняков.

— Несколько лет назад моя лучшая подруга переехала в другой штат, — делится она, я слышу намек на грусть в ее голосе. — Она вышла замуж за свою школьную любовь, которую я всегда считала убийцей. Один раз я даже побила его сумочкой.

Я хмыкаю. Готов поспорить, что те сумки, которые она носит на плече, могут нанести серьезный урон, особенно в руках такой взрывной дамочки.

— В любом случае, оказалось, он хороший парень. Пока он не украл мою лучшую подругу.

Искося смотрю на нее, раздумывая, почему она делиться этим со мной.

Прежде чем я могу спросить, она резко останавливается и с ее губ срывается вздох.

— Подожди. Я что-то нашла, — она наклоняется вниз, светя на землю, и берет шишку. — Да!

— Глаз алмаз, Блондиночка.

— Знаю, — гордость слышится в ее голосе, когда она бросает

предмет в мой пакет. — Что дальше? — она наклоняется, глядя на мою бумагу. Ее аромат, сладкий и опьяняющий, доносится до меня, и мой рот наполняется слюной.

Прочищаю горло, чтобы ответить, когда она испускает душераздирающий крик и запрыгивает на меня.

— Что за черт?

— Змея! Зме-е-е-я, — вопит она, карабкаясь по мне как чертова коала.

Я пытаюсь остаться в вертикальном положении, ее длинные ноги оборачиваются вокруг моей талии, безумно сжимая меня. Я опускаю руки, пытаюсь поддержать ее за попку до того, как мы оба упадем.

— Оу, Блондиночка, успокойся. Все нормально.

— Нет, не нормально. Она проскользнула по моей ноге.

— Скорей всего, это была лишь ветка.

— Гейб, вытащи меня отсюда! — ее голос хрипит от страха, пока она цепляется за меня.

— Ладно, ладно. Успокойся. Мы уходим, — мои ботинки хрустят по сухой земле, когда я выхожу из густого леса.

Ее дыхание согревает мне ухо, выходя короткими, безумными вздохами, пока сердце гулко бьется напротив моей груди. Одна рука остается под ее попкой, а другая на спине. Ее хватка вокруг моей шеи настолько сильная, что она начинает перекрывать мне доступ к кислороду.

— А нельзя ли полегче? — спрашиваю я. — Ты меня сейчас задушишь.

— Вынесешь меня отсюда, и я тут же отпущу тебя!

Как только я ступаю на тротуар, она убирает ноги с моей талии и быстро встает на асфальт.

— Я никогда не должна была позволять тебе втянуть меня в это, — заявляет она, ведя себя так, как будто здесь есть моя вина.

Чего и следовало ожидать.

— Что не так принцесса? Папочка никогда не брал тебя в поход?

И слишком поздно я понимаю свою ошибку.

Все ее тело напрягается, и в глазах мелькает боль, поражающая меня прямо в сердце.

— Нет, придурок, он этого не сделал, и никогда не сделает, потому что мертв.

Вина скользит по груди как горячее лезвие. Прежде чем у меня появляется шанс извиниться, она отворачивается и уносится прочь в дом.

— СиСи, подожди! — зову я, следуя за ней.

Она показывает мне средний палец, каблуки яростно цокают по плитке, пока она мчится через лобби.

Несколько парочек прерывают свои поиски, наблюдая за нашей драматичной сценой.

Наконец, я догоняю ее в одном из коридоров. Она останавливается у двери, ища в сумочке ключ от комнаты.

— Ты, черт возьми, можешь подождать? — рычу я, удерживая ее за руку. — Я тут пытаюсь извиниться.

Она поворачивает ко мне, и боль, которая несколько секунд назад была у нее в глазах, теперь сменилась яростью.

— Не нужны мне твои извинения! Я покончила с твоим дерьмом. Очевидно, тебе надо унижать других, чтобы компенсировать то, чего тебе не хватает.

Ее глаза устремляются к центру моих джинсов, инсинуация громкая и ясная. От чего каждая мышца в моем теле напрягается.

Она делает шаг вперед, заходя на опасную территорию, когда ее розовый ноготок тычет меня в грудь.

— Так вот, Пожарничек, ты и твой маленький пенис можете отыгрываться на ком-то другом.

Ее сумочка ударяется о мой живот, когда она разворачивается на пятках, чтобы умчаться в комнату, пытаюсь при этом захлопнуть дверь у меня перед носом. Меня накрывает первобытный инстинкт, настолько мощный, что я не в силах совладать с собой.

— Я так не думаю, детка, — ловя дверь, я слеую за ней и захлопываю ее за собой. — Ты не можешь так просто взять, бросить вызов моему члену, а потом уйти.

Она резко поворачивается, глаза округляются, рот открывается.

Прежде чем у нее появляется возможность выдохнуть хоть слово, я прижимаю ее к стене и набрасываюсь на ее нахальный ротик так, как хотел сделать с той первой ночи.

ГЛАВА ПЯТЬ

CuCu

Все произошло настолько быстро, что я не успела осознать, что именно случилось. Вот я стою, распекаю его, пребывая в ярости из-за его бездумного комментария, а затем, в следующую минуту, я уже прижата к стене, а его рот заявляет на меня права с голодом, которого я никогда раньше не видела.

Ослепляющая, опасная похоть, которую можно описать лишь как жидкий огонь.

— Боже, ненавижу тебя! — бормочу я, но сжимаю в кулак его рубашку, чтобы притянуть ближе, совершенно беспомощная против его чар, так волнующих меня.

Это бесит.

Сводит с ума.

И, боже мой, чувство самое прекрасное, что я когда-либо испытывала.

— Взаимно, Блондиночка, — парирует он, не разрывая контакт. — Господи, ты охрененно невероятно на вкус.

Наши языки страстно сражаются под натиском гнева и неумолимого желания. Мои зубы погружаются в его нижнюю губу, достаточно сильно, чтобы я почувствовала кровь.

Мать Божья, а я ведь на самом деле вампир.

Рыча, он поднимает меня вверх.

— Хочешь грубо, детка, будет тебе грубо, — он толкается бедрами вперед, потираясь твердым членом между моих ног, и прижимает меня к стене.

— О боже! — безумное хныканье вырывается из моего горла, кружа в воздухе между нами.

Он хватается меня за подбородок и притягивает к себе, его губы парят над моими, в то время как темные глаза снимают каждый слой, за который я вынуждена сражаться, чтобы оставаться в здравом уме.

— Скажи, что тоже хочешь этого. Если согласишься, я трахну тебя так, что ты никогда этого не забудешь. Если нет, выйду отсюда и не вернусь. Тебе решать, но мне нужно услышать, как ты выражаешь свое желание словами.

Не могу сказать ему уйти, даже если бы захотела. Не сейчас. Ни тогда, когда я чувствую себя живой, как никогда в жизни.

— Давай, Пожарничек, — выдыхаю я с большей уверенностью, чем ощущаю. — Давай-ка посмотрим, что у тебя есть.

Его губы изгибаются в эту бесячую, но сексуальную фирменную ухмылку.

— Держись, Блондиночка, я собираюсь, как следует прокатить тебя.

Оттолкнувшись от стены, он бросает меня на кровать, его большое тело опускается сверку, рот снова клеймит мой.

Его губы словно наркотик, и я не могу насытиться ими.

Наши руки такие же настойчивые, как и губы. Мои стягивают его рубашку, пока он разрывает на мне платье, срывая его с моего тела. А затем отбрасывает на пол то, что осталось от наряда.

Я должна пребывать в ужасе от того, что он сделал, тем более, что это авторская вещь, которая еще даже не вышла на рынок. Но я не могу найти силы уделить этому хоть каплю внимания, ни тогда, когда его губы проходятся по коже, которую он обнажил. Когда его горячий рот накрывает мой тугой сосок, все мысли оставляют меня, и остается лишь ослепляющий жар.

— Да! — выгибая спину, я зарываюсь пальцами в его волосы.

— Проклятье, да ты огонь, детка, — рычит он.

Так и есть, мое тело горит. Эта потребность - голод, который я чувствую - нет слов, чтобы описать его. Я никогда не горела для кого-то вот так... никогда в жизни. Уверена, это делает меня

невменяемой, потому что я ведь ненавижу его... вроде как.

Его язык ударяет по горячему кончику, совершая самую изысканную пытку до того, как его зубы так сильно прикусывает сосок, что я ощущаю боль. Прекрасную боль, которая устремляется прямо в центр моего естества и приближает меня к краю разрушения.

Нам нужно приступить к делу до того, как я начну смущаться, и он узнает, как долго у меня никого не было.

Это убьет все настроение.

Прежде чем я окончательно избавляю его от рубашки, он поднимается на ноги, отрывая от меня свой невероятный рот. Я собираюсь отлупить его, как изголодавшаяся по сексу нимфоманка, пока он не тянется назад и не снимает рубашку. Вот тогда все связанные мысли убегают от меня.

Мои глаза бродят по его обнаженной груди, любясь бронзовой кожей и рельефным прессом. Его тело - не что иное, как совершенство. Он выглядит так, словно был создан скульптором, каждая линия твердая и основательная, так же, как и его челюсть, которую так и хочется укусить.

Гейб наклоняется вперед, скользит пальцами по краю моих трусиков, и вот тогда я выхожу из транса. У меня перехватывает дыхание, пока он медленно стягивает ткань по моим ногам, оставляя меня совершенно обнаженной для его взгляда.

Он разводит мои ноги в стороны, и, когда смотрит на мое самое интимное местечко, в его глазах появляется жажда.

— О, детка. Hermosa eso es lo que eres. *Ты охрененно красива.*

Понятия не имею, что он только что сказал. Он мог хоть наорать на меня, потому что испанский из его уст звучит, как самая чертовски горячая вещь, которую слышали мои уши.

Улыбаясь, я наслаждаюсь его явно высокой оценкой и, убирая руки под голову, потягиваюсь под его горячим взглядом.

— Ты всю ночь будешь глазеть, Пожарничек? Или прокатишь меня, как и обещал?

Его глаза темнеют, превращаясь в расплавленную лаву. Схватив мои бедра, одним жестким рывком он подтягивает меня к краю кровати, крадя воздух из моих легких.

— Знаешь, Блондиночка, — начинает он, малейший намек на акцент слышен в его голосе. — Я все время задавался вопросом.

— Каким? — спрашиваю я, нелепо затаив дыхание.

Он становится на колени передо мной, его широкие плечи разводят мои ноги еще шире.

— А эта миленькая киска на вкус такая же дерзкая, как и твой ротик, или нет?

Прежде чем я смогу придумать что-то остроумное в ответ, его рот приземляется на мою ноющую киску.

Я выгибаю спину, и сильное удовольствие проходит через мое тело.

— Так чертовски хороша, — вибрации от его слов добавляются к ощущениям, парящим сквозь меня.

Я долго не выдержу, не с таким искусным языком, как у него.

Каблуки моих Jimmy Choo впиваются ему в плечи, когда я, словно жадная шлюшка, начинаю трахать его рот, пальцы путаются в его волосах... то сжимая их в кулаках, то потягивая.

Гортанный рык вырывается из него, его язык работает все усерднее и быстрее. Когда его пальцы присоединяются к этому прекрасному рту, я продолжаю разваливаться на части.

И попадаю в бурю божественного забвения, отправляясь в то место, где я никогда не была, где существую лишь я и обещание бесконечного умиротворения и удовольствия. Все передо мной озаряется светом.

Но он безжалостен и продолжает пожирать меня, пока от меня почти ничего не остается.

Мои легкие продолжают бороться за воздух, пока я отхожу от оргазма. Кожа влажная и покрыта мурашками от значительности того, что только что произошло.

Теперь я смогу назвать оргазмом лишь нечто подобное.

Медленно открываю глаза, готовясь и опасаясь того, как он назовет меня за то, что я уступила так быстро, но вместо этого вижу, что мистер Мастер по вылизыванию киски смотрит на меня с удивлением. Невозможно не заметить желание в его взгляде.

— Один готов, и парочка на подходе, — говорит он, потянувшись к своему ремню.

Язвительно приподнимаю бровь, изо всех сил пытаюсь не опустить глаза туда, куда уж очень хочется посмотреть.

— Ты ужасно самоуверен.

Мне не обмануть ни одного из нас, и уж точно не себя. Если его член такой же талантливый, как и его язык, меня ждет адская ночь.

— О, детка, я более чем самоуверен, и я собираюсь доказать это.

До того, как я понимаю, что меня ждет, одним легким движением он переворачивает меня на живот, а затем поднимает на колени.

Оу, черт, это было горячо.

А что еще горячее, я оказываюсь лицом к комоду с зеркалом, не оставляющим ничего для воображения. Мои глаза встречаются с его, наше отражение крадет мое дыхание.

— С тех самых пор, как неделю назад я увидел эту симпатичную попку, когда она торчала вверх, пока ее хозяйка копошилась в шмотках, я не мог перестать думать о ней, — его большая, теплая рука проходится по моей спине и поглаживает одну круглую половинку, прежде чем звонко шлепнуть по ней, звук отдается эхом по комнате.

Крик удовольствия слетает с моих губ, восхитительная жгучая боль заставляет мою киску занять, желая большего. Я толкаюсь назад... ища... умоляя.

— Нравится? — он шлепает по другой половинке, вырывая крик из моего горла. — Наконец-то я оттрахаю тебя так, что ты больше не сможешь дерзить, Блондиночка, — его голос темный и хриплый от обещания.

— Отвали, Пожарничек, — парирую я, мои глаза продолжают смотреть на него в зеркале, пока я молча провоцирую его сделать все как следует.

Его усмешка следует за стоном. Слышу хруст обертки, прежде чем его твердый член скользит между моих ног, пока он покрывает себя моей влагой. Я дрожу, когда он проходится по моему чувствительному клитору, переходя к тому месту, в котором он

нужен мне больше всего. Его пальцы впиваются мне в бедра, пока головка члена проникает в меня.

Мое лицо опускается на матрас, и я начинаю стонать, спина выгибается, пока он наполняет меня с каждым впечатляющим дюймом.

— Chingado, que rico. *Охренеть, как хорошо*, — хриплые слова слетают в спешке. Первые несколько толчков медленные, но настойчивые, он толкается глубже, чем кто-либо до него. — Такая чертовски тугая, — стонет он, голос напряжен от того, что он сдерживается.

Задыхаясь, я хватаюсь за простыни, наслаждаясь тем, как он растягивает и наполняет меня.

— Тебе хорошо, детка?

— Безумно хорошо, — беззастенчиво признаюсь я.

Рыча, он сжимает мои волосы в кулак и дергает голову назад, поднимая лицо к зеркалу.

— Смотри, — требует он. — Смотри, как я трахаю тебя, и никогда не забывай об этом.

Я не могу оторвать взгляд от вида нашего единения, когда его мощное тело врезается в меня сзади, явное доминирование написано на его лице. Это примитивно, страстно, и отличается от всего, что я ощущала когда-то раньше.

Одна его рука двигается от моего бедра к местечку между ног, пальцы исследуют... ищут. Другая рука остается в моих волосах, удерживая меня на месте, пока он неумолимо вколачивается в меня.

Впервые в жизни я, наконец, знаю, каково это, когда кто-то управляет тобой.

Заявляет права.

Овладевает.

Трахает до потери сознания.

Его ловкие пальцы двигаются к расщелине моей попы, паря над потайным местечком. Каждая мышца в моем теле напрягается, дыхание сбивается, легкие горят.

— Кто-нибудь когда-нибудь бывал здесь? — спрашивает он, его грубый голос прибавляет острых ощущений.

Я качаю головой, не в силах говорить, мои глаза прикованы к нему в зеркале.

— Повезло мне, — все, что он говорит, прежде чем медленно протолкнуть один палец, едва проникая внутрь.

— О черт! — я выкрикиваю проклятье, ошеломленная горячим удовольствием. Если бы он не удерживал меня за волосы, я бы упала.

— Расслабься, детка, — тихо произносит он, медленно вводя палец глубже, пока тот не оказывается глубоко внутри.

— Боже, Гейб, — хнычу я, не зная, хочу ли я большего или прошу его остановиться. Мой ум и тело находятся в состоянии войны, но, в конце концов, тело побеждает, когда я подчиняюсь темному желанию, которое он пробудил во мне.

— Хорошо?

— Да, — выдыхаю я.

Его бедра снова начинают двигаться, и палец вторит каждому настойчивому движению его члена. Я толкаюсь назад, встречая его. Наша покрытая потом кожа трется друг о друга, чувственность всего происходящего подпитывает что-то внутри меня, что-то такое, чего я никогда не чувствовала.

— Вот так, крошка. Прими это. Прими всего меня.

Если приму больше, уверена, просто умру от удовольствия. Я уже чувствую, что вот-вот взорвусь, огонь бушует внутри меня как никогда раньше.

— Потрогай себя.

Твердый приказ заставляет меня снова встретиться с ним взглядом.

— Сделай это, дай мне посмотреть, как выглядят твои пальчики, когда трогают эту миленькую киску.

Горячий стон срывается с моих губ, и его грязные словечки толкают меня к краю. Так близко, что, когда я тянусь между ног, мои идеально-ухоженные ногти скользят по набухшему пучку нервов, я разваливаюсь на части.

И теряю себя в другом умопомрачительном оргазме, еще более интенсивном, чем последний, а я не думала, что такое возможно.

— Хорошая девочка, да, да, кончи на моем члене.

Еще несколько ударов, и он падает через край вместе со мной, мои крики и его стоны смешиваются вместе, наполняя воздух между нами.

Когда он выходит из меня, я падаю на живот, мой разум и тело пересыщены. Чувствую, как он падает на спину рядом со мной, но не смею двигаться. Не могу. Пока не попытаюсь понять, что только что произошло.

Минуты проходят, прежде чем, наконец, у меня появляются силы повернуть голову. И я вижу, что он смотрит на меня с выражением, которое я не могу расшифровать.

— Чтобы прояснить ситуацию, ты мне все еще не нравишься, — говорю ему, пытаюсь восстановить дыхание.

Малюсенький намек на ухмылку появляется в уголках его рта, заставляя мое сердце пропустить удар.

— Принято, но сегодня вечером мы отложим нашу ненависть друг к другу в сторону.

— Идет, — соглашаюсь я, у меня практически кружиться голова от знания, что он еще не закончил со мной.

— Отлично, а теперь тащи свою сладенькую попку сюда и позволь мне обнять тебя. Сейчас мы отдохнем, а потом приступим к раунду номер два.

Пока двигаюсь к нему, я не в силах скрыть улыбку. Сильные руки обнимают меня, когда я кладу голову ему на грудь.

Если раунд два хоть чуточку похож на первый, мои неприятности намного серьезнее, чем я думала.

ГЛАВА ШЕСТЬ

Гейб

Отдаленный звук неуверенных шагов пробуждает меня ото сна. Я не хочу просыпаться, потому что охрененно измотан.

— Где оно, черт возьми?

Ворчливый шепот заставляет меня открыть глаза. Я быстрее прихожу в себя, когда вижу красивую, нахальную девушку, к которой мне довелось прикасаться прошлой ночью, бегающую в нижнем белье в поисках чего-то.

По-видимому, я не так устал, как думал, потому что мой член возбуждается от вида ее покрытой кружевом попки, когда она наклоняется, чтобы что-то поднять. Оказывается это моя рубашка, которую она надевает через голову, при этом громко фыркнув.

— В чем проблема, Блондиночка? — хриплю я, в горле пересохло.

Она резко оборачивается, показывая вид спереди, подпитывающий похоть, горящую в моих венах. Длинные ноги, плоский живот, который мои губы ласкали часами, полная, круглая грудь, клянусь, созданная для моих рук, и нахальный рот, который я пожирал всю ночь.

Никогда не трахал никого так жестко и сильно, как ее прошлой ночью, и я все еще хочу ее. Смысл был в том, чтобы выкинуть ее из головы, но у меня такое чувство, что произошедшее лишь усугубило ситуацию.

— Отлично, наконец-то ты проснулся, — говорит она, кладя руки на сексуальные бедра.

Уверен, она живет ради того, чтобы мучить меня.

— Ты хоть представляешь, сколько сейчас времени?

Поворачивая голову, я смотрю на часы у кровати и вижу, что сейчас одиннадцать утра.

— Почти полдень, Гейб. Полдень! — говорит она так, словно я тупица.

— И что?

От возмущения она шокировано приоткрывает рот.

— И что? Я никогда не сплю так поздно. Я из тех девушек, кто держит руку на пульсе. Мне нравится находиться в магазине, когда

он открывается, даже если я не работаю. Это часть владения бизнесом, а магазин открылся час назад!

— Блондиночка, расслабься, — говорю я, от ее визгливого голоса у меня начинает болеть голова. — Мы всю ночь занимались обалденным сексом. Если кому-то и разрешено поспать, так это нам.

Намек на улыбку появляется на ее совершенных губах, улыбку, которая вызывает странное движение у меня в груди.

— Где мое платье? — спрашивает она.

— Да кому какое дело?

— Мне. Я не могу выйти отсюда в таком виде.

— А я думаю, ты выглядишь чудесно.

Посмеиваясь, она качает головой.

— Я серьезно. Пожалуйста, попробуй вспомнить, куда ты его бросил.

Устало вздохнув, я сажусь, ощущая каждую из своих напряженных мышц. Господи, даже после долгой смены я не чувствую себя настолько обессиленным.

Мои глаза проходятся по комнате, и я быстро нахожу его.

— Вон там не оно? — спрашиваю я, указывая на кучу ткани под стулом.

— Да! — она бежит к платью, показывая мне отличное шоу, когда наклоняется, чтобы поднять его. Ее воодушевление исчезает, когда она берет разорванную ткань. — Черт, я и забыла, что ты сорвал его с меня.

— Ничего не мог с собой поделать, — ухмыляюсь я, ни капли не извиняясь.

— Ну, твоя потеря самообладания стоила мне три тысячи долларов.

— Три тысячи долларов! — выплевываю я. — Из какой ерунды оно сделано, из золота?

Она выпячивает бедро.

— К твоему сведению, это оригинал Vera Wang, оно еще не появилось на рынке. И сделано из винтажного шелка.

— Да ты что? Полагаю, маленькой Вере надо бы отправиться в долбаный «Волмарт» и глянуть на шелк, который есть у них вместо того, чтобы грабить людей.

Она закатывает глаза.

— Знаешь, оставь свои суждения при себе. Никто не спрашивал твоего мнения.

Замечание напоминает о том, что прошлым вечером я причинил ей боль, когда сделал комментарий о ее отце. То, из-за чего я до сих пор чувствую себя дерьмово.

— Прости, — говорю ей.

Она пожимает плечами.

— Подумаешь. У меня есть дела поважнее.

— Я о том, что сказал вчера о твоём отце.

Она смотрит на меня, боль заставляет свет ее карих глаз потускнеть.

— Мне жаль, СиСи. Если бы я знал, никогда бы не сказал такое.

Она смотрит в пол.

— Все нормально, — шепчет в ответ.

Это не так, и видя, что она ведет себя не так дерзко, как обычно, я беспокоюсь, особенно учитывая, что сам причина этого.

— Если хочешь, могу одолжить рубашку, — предлагаю я.

— Нет, все в порядке. Я знаю, как заставить это работать, — она направляется в ванную, скрывая свое прекрасное полуобнаженное тело от моих глаз.

Дотянувшись до джинсов, я натягиваю их, а затем вытаскиваю сотовый из кармана и вижу сообщение от Тревиса.

Т: Из-за трюка, который ты выкинул прошлым вечером, думай сам, как доедешь до дома, мудака.

Наверное, это значит, что он все еще злится. Как бы то ни было, все, о чем он думает, это как добраться до киски. Не важно, какой именно. Простым вечером я не собирался заниматься с ней сексом, но не жалею о том, что это произошло. Кроме того, я познакомился с ней первым. Так что он может отвалить, потому что не прикоснется к

ней... никогда.

Я собираюсь написать Джонни сообщение, узнать, здесь ли они с Лией, когда Блондиночка выходит из ванной. Она убрала свои длинные светлые волосы наверх, оставив на виду нежную шею, в том числе метку, которую я оставил на ней прошлой ночью.

Я ухмыляюсь над тем, как она поступила с разорванным платьем, со всех сторон завязала материал вокруг тела.

Она прищуривается, указывая на меня пальцем.

— Ничего не говори.

— Уверена, что не хочешь взять мою рубашку? Это не винтажный шелк, но... — я оставляю предложение незавершенным.

— Заткнись!

Мне нравится, когда она беситься. Это лучше, чем печаль, которую я видел в ее глазах несколько минут назад.

— Мне нужно идти, ты идешь или остаешься? — спрашивает она, в нетерпении выгибая бровь.

— Твой бутик действительно не в моем стиле, особенно с платьями за три тысячи баксов.

Ответ приносит мне улыбку.

— Я имела в виду, ты остаешься здесь или тоже уходишь?

— Я упустил шанс, уехать отсюда с приятелем, так что собираюсь написать Джонни и узнать, может они с Лией все еще здесь.

— Могу тебя подвезти.

От этого предложения перед глазами возникает воспоминание, как она объезжала меня. Откинув голову назад, с блестящей от пота кожей она кричала мое имя...

СиСи закатывает глаза, отлично знаю, где блуждают мои мысли.

— Пошли, Казанова.

Посмеиваясь, я встаю, в процессе поднимая рубашку с пола и натягивая ее через голову, пока иду за ней из комнаты.

Когда мы идем по коридору, она замедляет шаг, используя мое

тело, словно щит, пока не понимает, что в лобби нет никого кроме портье.

— Слава богу.

Я смотрю на нее.

— Стыдишься, Блондиночка? — Вопрос вылетает легко, но подобная мысль задевает меня за живое, да еще как. Вероятно, она привыкла, чтобы ее видели с богатыми парнями в модных костюмчиках.

— Стыжусь, потому что ухожу из своего номера в рваном платье, выглядя так, словно парень, с которым я спорила прошлым вечером, свидетелями чего были все окружающие, затрахал меня до одурения? О нет, совсем нет.

Когда она указывает на это под таким углом, вполне ее понимаю. Однако ничуть не стыжусь и иду с высоко поднятой головой. В конце концов, я подарил ей семь оргазмов.

Мы выходим в жару, типичную для летнего дня в Атланте. Когда я выхожу за ней на стоянку, то замечаю, что осталось не так уж много машин. И в частности одна из них очень сильно бросается в глаза.

Розовый «Фольксваген Битл» заставляет меня оступиться. Есть лишь один известный мне человек, кто будет ездить на чем-то настолько нелепом, как эта машина.

Страх оседает у меня в животе, когда Блондиночка отпирает дверь.

— Да ты издеваешься, — говорю я, подходя и останавливаясь напротив Барбимобиля.

Она поворачивается ко мне.

— Какие-то проблемы?

— Будут, если ты собираешься отвезти меня домой в этом.

— Что не так с моей машиной? — оскорбившись, спрашивает она.

— Да я туда не помещусь. У меня в детстве игрушечный грузовик для монстров был и то больше, чем эта машины.

Она поднимает подбородок, на лице написано негодование.

— На самом деле она очень просторная, но, если поездка в моей розовой машине угрожает твоему пенису, то впредь, не стесняйся уйти.

Удерживаю ее взгляд, насмешливо прищуриваясь.

— Помнишь, что случилось прошлой ночью, когда ты насмеялась над моим дружком, СиСи? Если тебе нужен еще один раунд, ты только попроси.

— Я так не думаю, — усмехается она, но я не упускаю румянец, появляющийся на ее щечках. Вон она правда, сияет в ее глазах.

Она хочет повторения так же сильно, как и я.

— Знаешь что? Ни к чему мне эта ерунда, — говорит она и тянется к ручке. — Приятной прогулки до дома, Пожарничек, — и нахально машет пальчиками в воздухе, прежде чем залезает в машину.

Черт!

В данный момент у меня нет другого выбора, я открываю дверь и заползаю в эту жестянку. Мои колени касаются приборной панели, когда я сутулюсь, чтобы не удариться головой о крышу. Но в этом нет необходимости, потому что она опускает крышу, выставляя нас на всеобщее грёбаное обозрение.

Судя по улыбке, которую она посылает мне, именно таково ее намерение. Она надевает солнечные очки на свой идеальный носик, а затем выбирает песню на своем iPod, врубая на полную Тейлор Свифт «Shake it off».

— О, да, да, это по мне, — вскидывает руки вверх, крутя головой из стороны в сторону, пока танцует в такт музыке. — Давай, Гейб, встряхнись.

Я моргаю, совершенно не удивляясь ее попытке поглумиться надо мной.

Мое смущение лишь радует ее, и она откидывает голову назад, смеясь над этим.

Посмотрим, кто будет смеяться последним, когда я нагну ее над дверью и вытряхну из неё все дерзость.

— Закончила? — спрашиваю я.

Пожимает плечами.

— На данный момент.

Да уж, поездка домой определённо будет долгой.

Как только мы отъезжаем, я выключаю музыку и выпаливаю свой адрес.

— Поняла, — СиСи нажимает кнопку на руле. — Филипе, пожалуйста, введи этот адрес в мой GPS.

Я нахмуриваюсь в замешательстве, задаваясь вопросом, что ещё за чертов Филипе.

Через несколько секунд хриплый мужской акцент наполняет автомобиль.

— Готово, мисс Кенсингтон. Что-нибудь еще?

— Нет, это все. Спасибо.

— Приятной поездки.

Я замечаю, как она краем глаза смотрит на меня за своими солнцезащитными очками.

— Попытаюсь, но будет трудновато, учитывая мою нынешнюю компанию.

Только представьте себе. Болван на самом деле смеётся в ответ.

Что это за Барбимобиль такой?

СиСи смотрит на меня.

— Классно, правда? Мой крестный живет в Европе, и нашел его для меня. Если у меня есть вопросы, я всегда звоню Филипе.

— Филипе – какой-то хрен, — заявляю ей.

Она возмущается.

— Нет. Это ты - хрен!

Ухмыляюсь сердитому румянцу, расплзающемуся по ее шее.

— Снова думаешь о моем дружке, Блондиночка? Тебе ведь все мало, да?

— Да не думаю я о твоём члене! Я назвала тебя хреном, потому что ты так обозвал Филипе. Дурак!

— Столько пошлостей из такого милого ротика.

Ее челюсть напрягается, она стискивает зубы.

— Знаешь что? Помалкивай, а то я выкину твою задницу из машины и оставлю тебя на дороге.

— Теперь ты думаешь о моей заднице?

Смертельный взгляд, который она адресует мне, вызывает у меня смех. Кто ж знал, что будет так забавно спорить с цыпочкой, особенно такой, как она.

Она качает головой.

— Ты такой противный. Как у тебя вообще могут быть друзья кроме меня.

Вчера ночью, когда она наслаждалась моим членом, у неё не было никаких проблем с дружелюбностью по отношению ко мне. Эта мысль заставляет меня почувствовать давление под джинсами.

Наше подшучивание прерывает звонок сотрудника ее бутика, и их разговор занимает большую часть поездки.

Тем временем я размышляю, как закончить это утро. Должен ли я взять ее номер? А даст ли она его мне? Сделка была заключена на одну ночь, но ни единого гребаного шанса, что я смогу следовать договоренностям.

Когда мы подъезжаем к моей квартире, она паркуется.

— Вот и все, Пожарничек. Доставлен в целости и сохранности. Спасибо Филипе и моей милой машине. И пожалуйста.

Ее сарказм заставляет меня сделать то, что я хотел сделать все утро. Потянувшись через консоль, я кладу руку ей на затылок и притягиваю ее для поцелуя.

Она напрягается всего на секунду, прежде чем тает в моих руках, давая то, чего мы оба хотим, против чего не можем больше бороться. Мягкий звук вырывается из ее рта, позволяя мне скользнуть языком внутрь, чтобы еще раз попробовать ее на вкус.

Вкус, в котором я мог бы затеряться навечно.

К тому времени, когда я отстраняюсь, ее губы припухли, и глаза полуприкрыты. Я ухмыляюсь, зная, что действую на неё именно так,

как надо, и решаю закончить наше утро на этой ноте.

— Увидимся позже, Блондиночка.

Не жду ее ответа и выбираюсь из машины. А она стоит на стоянке, глазами сверля мою спину всю дорогу до моего дома.

Я определённо намереваюсь увидеть ее снова, и очень скоро.

ГЛАВА СЕМЬ

СиСи

Прошло три дня с тех пор, как мой мир перевернули с ног на голову. Мной обладал мужчина, которого я не выношу, но в то же время жажду его каждой клеточкой тела. Мужчина, который вторгся в каждую мою мысль. Даже когда я закрываю глаза, все, что я вижу – лишь он.

Он все, что я чувствую.

Боже мой. Подонки просто взял и уничтожил меня. Разрушил для всех остальных и всего лишь за одну чёртову ночь.

Да как такое вообще возможно?

Часть меня жалеет, что в то утро я убежала так быстро. Честно говоря, меня не волновало, что меня не было в магазине, когда он открылся. Я знала, Моника справится с этим. Причина, по которой я бросилась наутек – чувства, которые испытала, когда проснулась в его руках. Чувства, которые не ожидала почувствовать. Безопасность, чувство удовлетворения и даже заботу. Прошло много времени с тех пор, как я просыпалась в чьих-то руках, и ощущалось это на самом деле приятно.

Вздыхая, поглаживаю шерсть Пеппера, пока держу его рядом.

— Кто знает, Пепп, может быть, я преувеличиваю. Вполне возможно, вся эта ночь была не такой замечательной, как я помню.

Угу, конечно.

Она была больше, чем замечательной, она перевернула всю мою жизнь.

Ощувив разочарование от своих мыслей, я ставлю Пеппа на пол и тянусь к своему сотовому. Поскольку в настоящий момент бутик пуст, я звоню Эмили, потому что мне нужно поговорить хоть с кем-то. Как бы я не любила Пеппа, мне нужно услышать иное мнение.

Она отвечает на второй гудок.

— Привет, лучшая подружка, — ее голос такой же веселый, как и всегда, заставляет меня улыбнуться

— Привет, занята?

— Для тебя? Никогда. Мы с Розой только что вышли на прогулку.

— Хорошо, потому что мне действительно очень нужно хоть с кем-то поговорить.

— Все в порядке? — обеспокоено спрашивает она.

— Не знаю. Мне кажется, я сошла с ума.

Мягкий смешок доносится с того конца провода.

— Что случилось?

— Помнишь пожарного, о котором я тебе рассказывала?

— Того козла?

Я морщусь.

— Ага, его.

— Конечно, помню.

— Ну... как бы это сказать... три дня назад мы занимались сексом до изнеможения.

— Что? — кричит она, заставляя меня убрать телефон от уха. — Ты серьезно?

— Смертельно серьезно. И когда я говорю, что мы занимались сексом, я, эм, имею в виду, как обезумевшие. Всю ночь напролёт!

— Боже мой, СиСи, — смеётся она. — Как это вообще произошло?

Я рассказываю ей всю историю, прямо с самого начала. Что мы вдвоём оказались на вечеринке, и он вытянул мое имя в игре, а затем его обидный комментарий о моем отце.

— Вот мы орем друг на друга, а через минуту, ведем себя как животные.

— Оу, злой секс. Он может быть занимательным.

— Он был больше, чем занимательный. Просто крышесносный. Он подарил мне семь оргазмов.

— Семь!

— Ага, и каждый был более интенсивным, чем предыдущий. Этот гад даже вставил мне палец в попу.

— Боже мой!

— Палец в попу, Эм! — говорю я, подчеркивая детали. — У тебя когда-нибудь в попе был чей-то палец? — Вспоминая, кто ее муж, я машу рукой в воздухе. — Неважно, не отвечай, конечно, был. Ну вот, а у меня нет, а он просто взял и скользнул туда им, словно это совершенно нормально. Кто так делает? В первый раз ты снимаешь с девушки одежду и просто вставляешь ей палец в попу?

Ее смех заполняет линию.

— Определенно смелый шаг.

— Да, но знаешь, что?

— Что? — ожидание подробностей слышно в ее голосе.

— Мне это понравилось. Нет... очень сильно понравилось. Ты бы меня видела. Да я бы любую порнозвезду заставила покраснеть от стыда. Он разбудил во мне внутреннюю шлюху, а я вообще не знала, что во мне живет такая.

— Судя по твоим рассказам, ночь была незабываемой.

— В том и проблема.

— Разве? — спрашивает она в замешательстве.

— Да, так и есть!

— Почему?

— Потому что я его ненавижу, Эм, и он меня ненавидит. Мы не должны заниматься сексом и нам не должно это нравиться. Предполагалось, что у него будет маленький пенис, и он будет слюняво целоваться. Давай просто скажем, что он оказался совершенно не таким, и не заставляй меня рассказывать о том, что

этот мужчина умеет вытворять своим языком.

— Ну, возможно, он оказался хорош во всем этом, потому что вам суждено было понравиться друг другу, — говорит она, пытаясь быть разумной, но в этом нет никакой логики.

— Я так не думаю. У меня такое чувство, что для него подобное обычное явление.

Эта мысль оставляет плохой привкус во рту, но трудно не поверить в нее, особенно учитывая те вещи, что он проделал со мной. А мысль о том, что он мог подумать, будто для меня подобное в порядке вещей, хотя это совсем не так, причиняет еще больше беспокойства. Я неопытна, и по пальцам одной руки могу пересчитать, со сколькими парнями была. И у меня никогда не было интрижки на одну ночь. Все они были отношениями. Скучными и недолгими, но отношениями.

— Он сказал что-то про следующую встречу? — спрашивает Эмма.

— Вообще-то, нет. Он сказал: Увидимся, Блондиночка. Как ты думаешь, он имел в виду «увидимся», в смысле, он собирается снова увидеть меня? — не могу отрицать надежду, что загорается в моей груди при этой мысли.

— А существует вероятность, что у него есть твой номер?

Моя новообретенная надежда быстро сдувается.

— Нет, — с глухим стуком опускаю голову рядом с кассой. — Боже. Я переспала с парнем, у которого даже нет моего номера. Я такая шлюха.

— Не будь смешной. Ты красивая, зрелая женщина, у которой была страстная ночь с мужчиной. В этом нет ничего плохого.

Говорит девушка, потерявшая девственность со своим мужем.

До того, как я успеваю озвучить свои мысли, моя дверь подает сигнал о том, что пришел посетитель.

— Вот отстой, — шепчу я. — Эм, перезвоню тебе. Кто-то пришел.

— Хорошо. Буду ждать.

— Люблю тебя, пока, — повесив трубку, обхожу прилавков и

вижу миссис Нельсон из цветочного. — Миссис Нельсон, здравствуйте, — приветствую ее с улыбкой.

— Здравствуй, дорогая. Я надеялась, что найду тебя здесь.

— Чем я могу вам помочь?

— Мне нужен кое-какой модный совет, — отвечает она.

— Что ж, вы пришли к правильной девушке.

— Я так и думала, — хихикает она. — Понимаешь, в этот уик-энд у нас с Дэйлом годовщина, и он ведёт меня в действительно шикарный ресторан. А я хочу поразить его новым платьем.

— Как чудесно. Сколько лет вы вместе?

— Сорок семь.

— Вау, — говорю я, пребывая в полном восторге от любви, все ещё сияющей в ее глазах. Той, что я всегда видела у своих родителей. — Что ж, пойдёмте со мной. У меня есть для вас несколько вариантов.

Отвожу ее в свой самый благопристойный отдел и показываю приличные платья, которые все же сексуально привлекательны. С высокими разрезами и на тонких лямках. Нам удастся найти около восьми моделей, и мы оставляем их для примерки.

— Ой, не могу дождаться. Чувствую, что это красное маленькое платье понравится мне больше всего, — взволновано говорит она, заходя в раздевалку.

И тогда входная дверь снова подаёт сигнал.

— Сейчас вернусь, миссис Нельсон.

— Без проблем, дорогая. Не торопись. Мне понадобится время, чтобы втиснуться в него, — хихикает она.

Улыбаясь, я иду, чтобы поприветствовать клиента, но останавливаюсь, когда вижу единственного мужчину, о котором не могла перестать думать. Мужчину, который разрушил меня за одну ночь.

Габриэль Мартинес.

Мастер по вылизыванию кисок.

Король оргазмов.

Мужчина, которого я люблю ненавижу.

Как и всегда, он выглядит возмутительно сексуально. Поношенные, выцветшие джинсы свисают с узких бедер. Простая черная футболка обтягивает внушительное тело, но не слишком туго, добавьте к этому красную бейсболку, повернутую козырьком назад, и этот мужчина - ходячий оргазм. Для того, кто издевался надо мной за мою любовь к моде, он хорошо одевается.

Габриэль посылает мне кривую усмешку.

— Салют, Блондиночка.

— Что ты здесь делаешь? — я удивлена, как мне вообще удаётся произнести хоть слово, потому что я еле дышу.

— Есть минутка? — спрашивает он.

Мои глаза устремляются к примерочной, где находится миссис Нельсон.

— Конечно. Только быстро, — жестом показываю ему следовать за ним и веду его в подсобку. С каждым шагом, который я делаю, мою кожу покалывает от того, насколько близко он находится ко мне, и я чувствую такие вещи, которые не могу контролировать.

Держи себя в руках, СиСи. Не позволяй ему узнать, как много думала о нем и его волшебном языке.

Как только мы доходим до задней части магазина, я поворачиваюсь к нему лицом и упираю руки в бедра, надеясь замаскировать все нежелательные чувства, ведущие битву внутри меня.

— Итак, что тебе нужно?

— Это, — обхватив меня за талию, он притягивает меня к себе и набрасывается на мой рот со страстным поцелуем.

Вот и все, что нужно. Простое прикосновение его губ, и я теряюсь в нем.

Его язык танцует эротический танец с моим, унося меня в мир, в котором я беспомощна и безвольна. А я стону и пытаюсь не превратиться в лужицу прямо тут, у его ног.

Рычание вибрирует в его груди, руки хватаются мои бедра, чтобы поднять меня. Я оборачиваю ноги вокруг его талии, когда он

сажает меня на прилавок, располагаясь между моих бедер. Грубая ткань его джинсов трется о мои шелковые трусики, заставляя меня порадоваться, что сегодня утром я решила надеть юбку.

— Скучала по мне, детка? — спрашивает он.

— Нет.

Он усмехается этой вопиющей лжи и снова приближается, его великолепное лицо вблизи моего. Время, похоже, стоит на месте, когда мы смотрим друг на друга, лишь звук моего тяжелого дыхания заполняет пространство между нами. Он же, с другой стороны, кажется совершенно не взвинченным.

Придурок.

— Давай встретимся где-нибудь.

— А? — спрашиваю я, думая, что неправильно его расслышала.

— Завтра вечером. Пойдём, поужинаем вместе.

— Ты хочешь пригласить меня на ужин? — медленно спрашиваю я.

— Да. Почему тебе так трудно поверить в это?

— Потому что мы терпеть друг друга не можем.

Улыбаясь, он приближает лицо ко мне, губами задевая мочку моего уха.

— Думаю, мы отлично умеем ладить, Блондиночка, — его теплая рука, лежащая на моем бедре, порхает по моей коже, скользя мне под юбку. — Скажи да.

— Я подумаю, — отказываюсь так легко сдаваться. Ему придётся потрудиться, чтобы заработать мое согласие.

— Хочешь, чтоб тебя уговаривали, да? — его пальцы дразнят край моих трусиков, превращая медленный огонь в моем теле в бушующий ад. — Готов поспорить, ты сейчас очень мокрая для меня, — высокомерно говорит он, эти эротичные слова щекочат мне ухо.

— Может совсем чуть-чуть, — шепотом признаюсь я, быстро дыша от нетерпения.

— Скажи лишь слово, и я о тебе позабочусь.

Я стону, мое тело дрожит от необходимости снова ощутить его

прикосновения.

— Нам правда не стоит. У меня клиент, — слабое оправдание, мой ум и тело сражаются друг с другом.

— Не переживай. Я быстро.

Это единственное предупреждение, которое я получаю до того, как его пальцы скользят в мои трусики и пробираются к мокрой щелочке.

— Ох, — хныканье срывается с моих губ, и я опускаю голову к плечу.

Он принимает мое движение за приглашение и проходится зубами по моей шее, покусывая чувствительную кожу.

— Я знал. Охрененно мокрая, — его губы спускаются к моей ключице, пробираясь к возбужденному соску, утыкающемуся в тонкую майку.

У меня перехватывает дыхание, и я извиваюсь, когда он берет его в рот, прикусывая зубами, пока одновременно с этим вводит в меня два пальца.

Я впиваюсь зубами в нижнюю губу, чтобы заглушить крик удовольствия.

— Эта горячая маленькая киска все, о чем я думаю, детка. О том, как мой член наполняет, трахает ее...

Он любит грязные разговорчики, и мне это нравится.

Мои бедра двигаются в такт с его пальцами, ища освобождение, которого я так отчаянно жажду, но оно все ускользает и ускользает...

— Вот это моя девочка, трахни мои пальцы, покажи мне, как сильно ты этого хочешь.

— Гейб, — его имя выходит как мольба, пока я отчаянно прошу, чтобы меня вырвали из этого сладкого страдания.

— Я держу тебя, детка, — как только слова покидают его рот, он крутит пальцами во мне, поглаживая тайное местечко. Добавьте восхитительные вещи, которые большим пальцем он проделывает с моим клитором, и я падаю через край, мой разум и тело уплывают в прекрасный мир удовольствия, в котором я побывала той ночью.

Его рот накрывает мой, проглатывая мои горячие стоны. Я обнимаю его шею, пока цепляюсь за единственную реальность, за которую в силах ухватиться.

В конце концов, моя голова падает ему на плечо, когда я борюсь, чтобы восстановить дыхание. Он поворачивает лицо к моей шее, губы оставляют нежный поцелуй, пока он вытаскивает руку из моих трусиков.

Что вызывает у меня чувство холода, пока он не обнимает меня. Его ласка - противоречие тому, что мы только что сделали. Это мило, но немного нервирует, потому что я не знаю, что делать с этими чувствами. Не когда дело касается его. Мужчины, которого я ненавижу.

— Итак, дорогая. Я, наконец, одела первое, и думаю, оно может быть нашим победителем.

Со вздохом поднимаю голову, вспоминая о миссис Нельсон.

— Блин, — шепчу я. Отталкиваю Гейба и поспешно начинаю поправлять одежду.

Он наблюдает за мной с весельем в глазах.

— Это не смешно, — бормочу я. Ему и его искусному языку надо проваливать, прежде чем он принесёт мне ещё больше проблем.

Не говоря ни слова, он подходит к стойке, притягивая меня для еще одного пылкого поцелуя, прежде чем прижаться лбом к моему лбу.

— Заберу тебя завтра в семь.

Сексуальный, самонадеянный поганец даже не удосуживается дожждаться ответа, прежде чем выходит из комнаты. Наверное, потому что мы оба знаем, что с самого начала мой ответ был «да».

— Эй, а я вас знаю, — голос миссис Нельсон слышен позади, когда она замечает Гейба. — Ты один из пожарных, которые на прошлой неделе приезжали в мой цветочный магазин.

— Да. Как вы? — обыденно спрашивает он, ведя себя так, словно его пальцы только что не побывали во мне.

Я быстро спрыгиваю с прилавка и заканчиваю, поправлять юбку, прежде чем выйти и присоединиться к ним.

— Все очень хорошо, спасибо. Что вы здесь делаете?

Я открываю рот, чтобы выпалить быстрое объяснение, но он опережает меня.

— У мисс Кенсингтон в подсобке было мокрое местечко, о котором надо было позаботиться.

О-мой-Бог.

Прищуриваясь, я смотрю на него, щеки краснеют от смущения.

— О, нет. Что-то серьёзное? — спрашивает миссис Нельсон, совершенно не обращая внимания на мое смущение.

— Ничего, с чем я не мог бы справиться, — его внимание переключается на меня, и ублюдок дерзко подмигивает. — Хорошего дня, дамы, — прощается он, а затем убирает свою сексуальную задницу из моего магазина.

— Что за приятный молодой человек, — комментирует миссис Нельсон. — Думаю, ты ему нравишься.

Все, что я могу сделать, улыбнуться ей, мой разум все еще приходит в себя от всего того, что произошло за последние пять минут.

У меня такое чувство, что я влипла, но перспектива никогда не была более волнующей.

ГЛАВА ВОСЕМЬ

Гейб

Предвкушение наполняет меня, когда я поднимаюсь на лифте к квартире СиСи. Улыбаясь, я вспоминаю, как оказался здесь в первый раз и нашел ее, сидящей на полу попой кверху, пока она рылась в поисках сумочки.

Кто бы мог подумать, что я вернусь сюда, чтобы отвезти ее на свидание? Я был, черт возьми, уверен, что такого не случится, но претенциозная девушка, которую я встретил две недели назад, забралась мне под кожу, как никто до нее. Я не могу перестать

думать о ней или о той ночи, которую мы провели вместе. Ночи, которая навсегда отпечаталась в моей памяти.

Мне кажется, я едва начал узнавать, какая она на самом деле, но планирую продолжать выяснять это, пока не узнаю все, что мне нужно знать о ней.

Это превратилось в своего рода одержимость, которая чертовски пугает, потому что обычно я не одержим женщинами. Я из тех, кто предпочитает легкие отношения. Так проще, особенно с моей работой, но есть что-то в Блондиночке, что привлекает меня. Я не могу понять, что это, потому что, честно признаться, мы совершенно разные. Мы воспитывались по-разному, пришли из разных концов спектра. Вещи, важные для нее, не имеют значения для меня, но, невзирая на то, что у девушки со мной нет ничего общего, я не могу не воображать, каково ей будет в моем мире.

Остановившись у ее квартиры, я громко стучу, собака-крыска громко тявкает за дверью.

— Тише, тише, Пепп. Все хорошо, мальчик.

Дверь распаивается, открывая моему взору прекрасную женщину, которая занимает все мои мысли. Я едва замечая собаку, которую она бережно держит, потому что мое внимание сосредоточено только на ней и розово-золотом мерцающем платье. Достаточно короткое платье, открывающее ноги длинною в милю и подчеркивающее каждый изгиб ее тела. Длинные светлые волосы каскадом опускаются по плечам, делая акцент на низком вырезе платья, демонстрирующем ложбинку.

Мой рот наполняется слюной от воспоминания о том, как эти мягкие половинки ощущались в моих руках и каковы они были на вкус.

— Ой, привет, — здороваются она, притворяясь удивленной. — Что тебя привело?

Она самая большая задира, которую я знаю, и по какой-то причине мне это чертовски нравится.

— Я пришел, чтобы забрать одну дерзкую девушку, которая живет здесь, и отвезти ее на ужин.

— Ты об ужине, на который я не соглашалась?

— Ты, совершенно точно, выглядишь так, словно готова пойти со мной, — замечание звучит с рычанием, мои глаза путешествуют вниз по ее телу.

— Ой, ты об этом старье? — движением руки она указывает на свой наряд. — Я так всегда одеваюсь по средам. У нас в Пеппом сегодня вечером большие планы.

Моя кровь закипает от необходимости попробовать ее нахальный ротик.

— Тащи сюда свою симпатичную попку, Блондиночка, и позволь мне отвезти тебя на ужин.

Она выпячивает бедро.

— Тебе кто-нибудь говорил, что ты само очарование?

— А тебе кто-нибудь говорил, какая ты заноза в заднице?

— Неа, потому что я берегу это особое отношение лишь для тебя.

Я хмыкаю.

— Повезло мне.

— Знаю.

Я ухмыляюсь, ожидая, когда она выйдет в коридор, потому что мы оба знаем, именно это она и собирается сделать.

СиСи драматично закатывает глаза.

— Отлично, твоя взяла. Можешь отвезти меня на ужин, — поцеловав голову своей собачки, она прощается с ним, а затем выходит из квартиры, но не забывает свою кошмарную сумочку. Отворачивается от меня, когда запирает дверь, показывая мне платье без спины, ее идеальная кожа так и манит меня.

Как только она снова оказывается ко мне лицом, я притягиваю ее к себе и набрасываюсь на ее рот так, слово умираю. Она тает в моих объятиях, руки обнимают мою шею, пока она издаёт самый сексуальный звук в мире, от которого моя кровь бежит быстрее и практически воспламеняется.

Я собираюсь послать ужин к чертям и выбить дверь ее квартиры, когда звук приглушенного смеха прерывает наши горячие объятия.

Мы смотрим налево и видим двух подростков, которые наслаждаются нашим случайным шоу.

— Невероятно, — бормочет СиСи. — Пойдем, — хватая меня за руку, она тащит меня за собой, глядя на мальчиков. — Хватит глазеть на то, что не следует! — грозно говорит им, гневно топая в лифт.

Как только двери закрываются, я смотрю на неё.

— Немного слишком сурово, Блондиночка, не находишь?

Она фыркает.

— Едва ли, эти маленькие засранцы настоящие извращенцы. Каждый раз, стоит мне отвернуться, они шпионят за мной. В лифте они даже имели наглость попытаться заглянуть мне под платье.

Мое тело напрягается от этой мысли. И теперь мне хочется вернуться и надавать подзатыльников этим маленьким засранцам.

— Так или иначе, — говорит она, как бы отмахиваясь от этой ситуации. — Куда мы идём ужинать?

Прислоняюсь к стене, скрещивая руки на груди.

— В лучший мексиканский ресторан в штате Джорджия.

Она поднимает бровь.

— Неужели?

— Ага, он принадлежит семье.

— У тебя есть ресторан? — спрашивает она, явно удивляясь.

— Не у меня, у тети с дядей.

— Ааа, — пожимает плечами. — Я попробую эту еду.

Непонимающе смотрю на неё.

— Попробуешь? В смысле?

— Это значит, что я никогда не пробовала ничего мексиканского. Самое близкое, что я пробовала - Тако Белл, когда веселилась допоздна на вечеринках в колледже.

Смотрю на нее, не веря в ерунду, которую она несёт.

— Прежде всего, гребаный Тако Белл - не мексиканская еда. Так что выкинь эту мысль из головы прямо сейчас. А во-вторых, ты

пробовала кое-что мексиканское, тебе это понравилось, и уверен, сделаешь это снова.

Она закатывает глаза, но я не пропускаю огонь, пылающий в них.

— В любом случае, Ромео, не обольщайся, — отбрасывая назад волосы, она выходит из лифта, каждое движение ее бедер в этом платье насмехается надо мной.

Это будет чертовски длинный вечер.

Мы немного болтаем во время поездки в ресторан, в основном обсуждая пожар в ее здании. Оказывается, он возник, потому что кто-то заснул с сигаретой в руке - одна из самых распространённых причин домашних пожаров. А еще часто причиной пожара становится оставленная включенной плойка для волос. Столько разрушений вызвано тем, чего легко можно было бы избежать.

Беззаботное поведение СиСи меняется, когда я въезжаю на стоянку ресторана, ее глаза смотрят на старый захудалый район, в котором находится здание. Вероятно, потому, что она никогда не ступала ногой в эту часть города.

— Здесь безопасно? — спрашивает она, беспокойство слышно в голосе.

— Со мной ты всегда в безопасности.

Она поворачивает голову, взгляд смягчается, но в глазах все ещё видна неуверенность.

— Здесь живут бедняки, СиСи. А не преступники.

— Я не это имела в виду, — шепчет она.

Это так, но это то, к чему я привык, и она не единственный человек, который так думает. Многие размышляют точно так же. Интересно, что бы она подумала, если бы узнала, что я вырос в этом районе.

Отбрасывая мысли в сторону, я выхожу из грузовика и обхожу его, чтобы открыть ей дверь. Мои пальцы обхватывают ее, когда мы идем в ресторан, и я не могу отрицать, насколько правильно ощущается то, что я держу ее за руку.

Господи, да я определенно рехнулся.

Здесь, как обычно, полно народу. Музыка льется из громкоговорителей, и яркие огни пронзают потолок, создавая сияние. Атмосфера громкая и дружелюбная.

Мой дядя Гектор сразу же замечает нас и тут же появляется перед нами.

— А вот и мой любимый мальчик, — громко говорит он, крепко обнимая меня. Он всегда был для меня скорее отцом, чем дядей, главным образом потому, что мой отец - кусок дерьма.

— Привет, дядя, рад тебя видеть.

— Я тебя тоже, — он несколько раз хлопает меня по плечу мускулистой рукой, прежде чем отпустить. — А это кто? — спрашивает он, его взгляд переходит на СиСи.

Я обнимаю ее за талию, представляя дяде.

— Это СиСи, я говорил тебе, что приведу ее на ужин.

СиСи протягивает руку.

— Рада с вами познакомиться.

Дядя отмахивается от ее руки.

— К черту. В нашей семье принято обниматься, — он обнимает ее так же крепко, как только что обнимал меня, от чего она теперь еле дышит.

Я усмехаюсь тому, как она неловко похлопывает его по спине.

Дядя Гектор делает шаг назад, оглядывая ее.

— Какого черта такая симпатичная девушка водится с таким, как он? — спрашивает он, указывая головой в мою сторону.

— До сих пор сама пытаюсь это выяснить, — ее глаза устремляются ко мне, на губах кокетливая улыбка.

Он находит ее забавной, и его шумный смех эхом проносится через весь проклятый ресторан.

— Она мне нравится. Красивая и бойкая.

Верно подмечено.

Через мгновение из-за угла показывается моя тетя Камилла, ее глаза загораются, как фейерверки на четвертое июля.

— Мой красивый *mījo*. — *Мальчик*. Она бросается ко мне, целуя в каждую щеку. Без сомнения оставляя красную помаду по всему моему лицу.

— Привет, тетя.

Она быстро отпускает меня и движется к СиСи, удерживая ее лицо в руках.

— О, ты великолепна. Посмотри, какая она красавица, Гектор.

— Она прекрасна, — соглашается дядя.

СиСи выдает лучшую улыбку, на которую способна, учитывая, что ее лицо сжато двумя руками.

— Красивая, но худая.

— Тетя, — рычу я, не стараясь скрыть раздражение.

Она с невинным видом поднимает руки.

— Что? Так и есть, — ее внимание возвращается к СиСи, когда она похлопывает ее по плечу. — Не волнуйся, дорогая. Когда ты уйдешь отсюда, у тебя будет еще парочка фунтов.

Я смотрю на дядю в поисках помощи.

— Ладно, Камилла, оставь девушку. Пойдем, — говорит он, жестом показывая нам, следовать за ним. — Я оставил вам столик в углу в задней части.

Схватив руку СиСи, я быстро чмокаю тетю в щеку, а затем следую за дядей.

— Извини за это. Люди в моей семье говорят не думая, — оправдываюсь я, чувствуя необходимость извиниться.

Она пожимает плечами, не выглядя обиженной,

— Могло быть и хуже. Она могла сказать, что мне надо сбросить парочку фунтов.

Я хмыкаю.

— Поверь мне, ты никогда не услышишь такое от женщин в моей семье, ты идеальна такая, какая есть.

Улыбка, появляющаяся на ее губах, говорит мне о том, что я выбрал правильные слова.

Мой дядя отодвигает для нее стул, прежде чем у меня появляется шанс.

— Что я могу предложить вам выпить? — спрашивает он. — Камилла делает потрясающую «Маргариту».

— «Маргарита» звучит отлично. Спасибо.

Дядя переключается на меня.

— Как обычно?

Я киваю.

— Одно «Модело» и одна «Маргарита» скоро будут.

Как только он уходит, СиСи открывает свое меню, просматривая несколько страниц. Я даже не тружусь открыть свое, потому что всегда беру одно и то же.

— Понятия не имею, что это все такое.

Я качаю головой, все еще с трудом осознавая подобное.

— Как тебе удалось всю жизнь прожить в этом городе и не попробовать мексиканскую кухню?

Она пожимает плечами.

— Мы не часто ели вместе всей семьей, а если такое бывало, то посещали загородный клуб.

Вполне ожидаемо. Вероятно, она росла, питаясь деликатесами, которые стоят больше, чем я зарабатываю за месяц.

— Что ты порекомендуешь? — спрашивает она.

— Флаутас, — отвечает моя тетя, подходя к нашему столу. Она ставит перед нами наши напитки вместе с корзиной с чипсами и сальсой. — С Флаутас (прим. пер. традиционное блюдо мексиканской кухни - лепешка с различными начинками, свернутая в виде трубочек) ты никогда не прогадаешь.

— Хорошо, тогда это и возьму, — говорит СиСи, закрывая меню.

Моя тетя берет оба меню, зажимая их под мышкой.

— И я уже знаю, что будет *mi mijó*, свое любимое. Тостадо де тинго (прим. пер. блюдо с соусом, соленым луком и измельченной

курицей, подается на хрустящей лепешке), — она треплет меня за щеку, прежде чем уйти.

СиСи наклоняется над столом и похлопывает меня по другой щеке.

— Мі тіјо, — она произносит слова неправильно, но все равно смеется.

Я хмыкаю, нисколько не удивляясь.

Ее сексуальные губки обнимают трубочку, когда она делает глоток своего напитка. Мой член твердеет, пока я представляю, как эти же губы ласкают мой...

— У тебя большая семья? — спрашивает она.

Прочищая горло, ерзаю на стуле, пытаюсь облегчить давление в джинсах.

— Четыре брата, девять тетей и дядей, и даже не спрашивай, сколько кузенов и кузин.

— Четыре брата? — пищит она.

Киваю.

— И ни одной сестры?

— Неа.

И слава богу. Мне хватило детства в окружении кузин.

— Бедная твоя мама, особенно если они хоть немного похожи на тебя, — подначивает она.

— Я ее любимчик.

Посмеиваясь, она закатывает глаза.

— Сколько твоим братьям?

— Двадцать четыре, двадцать один, восемнадцать и шестнадцать.

— Ты самый старший?

— И самый мудрый.

Это приносит мне еще одну милую улыбку.

— Чем занимается твоя мама?

— Убирает дома, и время от времени помогает здесь. А так же посещает колледж, чтобы стать учителем.

— Вау, — говорит она, впечатленная. — Определенно звучит, как супер мама.

— Так и есть.

Я очень сильно уважаю свою маму, и рад, что после всего того, что она принесла в жертву ради нас, я в состоянии отправить ее учиться, чтобы она смогла делать то, что всегда хотела.

— А твой отец?

Мои мышцы напрягаются, ненависть кипит в крови.

СиСи морщиться, выражение лица смягчается.

— Больная тема?

— Больше похоже на запретную, — говорю я, умудряясь говорить спокойно.

— Поняла.

— А как насчет тебя? — спрашиваю я. — Братья, сестры?

— Неа. Единственный ребенок.

Информация меня совсем не удивляет.

— В большинстве случаев это было здорово. У меня была любовь и внимание родителей, особенно отца, — говорит она, задумчивая улыбка появляется на ее губах. — Но я росла со своей лучшей подругой Эмили, которая тоже была единственным ребенком, и мы всегда были больше похожи на сестер. Поэтому я не была полностью одинока.

— А что насчет твоего бутика?

— А что с ним?

— Как давно ты им владеешь?

— Почти три года, и все идет даже лучше, чем я представляла, — говорит она, с гордостью улыбаясь.

Ей и следует гордиться. Если и есть что-то, что я узнал благодаря этому ресторану, так это то, что владеть собственным бизнесом - непросто. Быть такой молодой и успешной - это

восхитительно, но меня подобное не удивляет, ни когда дело касается ее. По ней можно сказать, что она управляет каждым аспектом своей жизни.

— На самом деле, я на полпути к расширению. Рано утром у меня встреча в банке по поводу кредита для моей мужской линии. Если будешь милым, я, возможно, позволю тебе быть моделью.

— Нет уж, черт возьми, спасибо.

Мой менее чем восторженный ответ заставляет ее разразиться смехом, прекрасная мелодия, заставляющая меня почувствовать нечто незнакомое.

— А название, — интересуюсь я, — почему «Кенсингтонский дворец».

Выражение ее лица смягчается, глаза темнеют от боли.

— Мой отец всегда называл меня принцессой и говорил, что наш дом был моим дворцом, — она пожимает плечами, но я не пропускаю, как она с усилием сглатывает. — Это мой способ сохранить частичку папы в своем магазине. Он умер до того, как смог его увидеть.

Я вспоминаю, как мы стояли перед цветочным магазином, и как она практически вздрогнула, когда я назвал ее принцессой. Теперь я чувствую себя самым большим идиотом в мире.

— Как он умер?

Начинаю сожалеть о своём вопросе, когда боль в ее глазах становится глубже.

— Как насчёт того, чтобы сегодня вечером поместить разговоры о наших отцах в запретную зону? — предлагает она.

Я поднимаю пиво, наклоняя его в ее сторону.

— Справедливо, Bella.

Она прищуриваются в раздражении.

— Зачем ты это делаешь?

— Делаю что?

— Называешь меня неправильным именем. Хочешь, чтобы я бросила чипсы тебе в лицо?

Ухмыляясь, я потираю челюсть и решаю сжалиться над отсутствием у нее знаний.

— Я называю тебя Bella, потому что это ещё один способ назвать тебя красивой на испанском.

— Ой, — она прочищает горло и застенчиво смотрит на меня. — На случай, если ты не заметил, я полный профан в испанском.

Я смеюсь и молчу, решая не говорить, что я это определённо заметил.

— Подожди секундочку, — снова говорит она, — Ты назвал меня Bella в тот день около цветочного, когда мы ругались.

— И?

— А это значит, ты даже тогда думал, что я красивая.

Хмыкаю в ответ.

— Я подумал, что ты красива ещё в самую первую ночь, когда нашёл твою наполовину прикрытую попку, торчащую в воздухе, пока ты спасала ту чёртову сумку. Нелепая, но красивая.

На ее лице отражаются разные эмоции, и от одной ее улыбка тускнеет.

— Ладно, Пожарничек. Настало время для правды.

Я поднимаю бровь.

— Эта чёртова сумка была последним подарком моего отца, — говорит она. — Он сделал на ней гравировку, и я не собиралась бросать ее.

Вина скручивает мой желудок в узел, когда я осознаю, насколько сильно ошибался на ее счёт.

Удерживая ее взгляд, я откидываюсь на спинку стула и скрещиваю руки на груди.

— Хорошо. Признаю. Я мудака. Я недооценил тебя и ситуацию.

Она поднимает подбородок.

— Да, так и есть.

— Мне жаль.

— Извинение принято.

— Но...

Она выпрямляет спину.

— Что ты имеешь в виду под «но»? Ты не можешь закончить извинение словом «но».

Локтями опираюсь на стол, когда наклоняюсь ближе.

— Я понимаю, почему ты не хотела бросать ту сумочку. Но эта вещь не будет иметь значения, если ты погибнешь.

Мысль о том, что могло бы случиться с ней, если бы пожар был более серьезным, заставляет меня испытать физическую боль. Я видел, как выглядит обугленное тело, и надеюсь никогда не увидеть подобное, особенно если дело касается ее тела.

— Пообещай, что никогда снова так не сделаешь, СиСи. Нет ничего важнее человеческой жизни, и, уверен, если бы твой отец был здесь, он бы сказал то же самое.

— Это правда, — шепотом признает она.

— Значит ли это, что у меня есть твоё слово?

— А у меня все ещё есть твоё извинение за то, что был такой осуждающей задницей?

Ухмыляюсь ей.

— Конечно.

— Хорошо, потому что ты именно таким и был. Но, так как в ту ночь ты подарил мне семь оргазмов, ты прощён.

Мне очень хочется вернуться к этому. Я безумно хочу всю ночь лакомиться ее киской, чтобы лишь увидеть как она снова и снова распадается на части.

— Скажи-ка мне, Блондиночка. Как, черт подери, вышло так, что ты все ещё одинока?

Я много размышлял об этом. Она красива, успешна, и ее ротик способен заставить любого мужчину упасть на колени.

— А ты почему все ещё один? — оскорбленная вопросом спрашивает она.

— Потому что у меня не было желания остепениться.

— А сейчас? — выгибая бровь, продолжает она допрос.

— Я не против этой идеи, если встречу правильную женщину.

— Та же история, — говорит она.

Качаю головой.

— Это моя причина, какая у тебя?

Секунды идут, прежде чем она сдается и отвечает:

— Потому что большую часть времени я занята. Бутик занимает все мое время, и всякий раз, когда я иду с кем-то на свидание, мне приходится слушать, как парень без умолку болтает о себе, весь вечер пялясь на мою грудь, — она пожимает плечами, но, вполне очевидно, это болезненная тема. — Не совсем та сказка, которую я ищу.

— Хотя у тебя классная грудь, — говорю я, надеясь развеселить ее.

— Смотри мне в глаза, Пожарничек, и тогда сегодня все будет хорошо.

— Поверь, совсем не трудно смотреть на такое лицо, как у тебя.

Застенчивая улыбка появляется на ее губах.

— Это была приятная лесть.

— Детка, я наполовину пуэрториканец и наполовину мексиканец. Мы льстивые подонки.

Ее прекрасный смех наполняет воздух, но быстро исчезает.

— Не удивлена, услышав такое. После нашей ночи вместе я так и подумала.

Я нахмуриваюсь.

— Что это значит?

Она пожимает плечами.

— Просто говорю, что, судя по нашей ночи вместе, для тебя это обычное явление.

Я смотрю на нее, и мне не нравится, куда ведёт этот разговор.

— Ты, правда, хочешь знать, сколько у меня было девушек, СиСи? — мысль заставляет меня съежиться. Не потому, что я не знаю

точной цифры, просто это не то, что я хочу обсуждать с ней, особенно во время свидания.

Вздыхнув, она качает головой, и кажется при этом смущённой.

— Нет. Я не. Прости; Я неправильно выразилась. Это обо мне. Я чувствую необходимость прояснить ситуацию.

— О чем бы ни шла речь, просто скажи.

Ее внимание сосредоточено на напитке, пока она помешивает его соломинкой.

— Просто хочу, чтоб ты знал, независимо от того, как я вела себя той ночью, я не сплю со всеми подряд.

— У меня даже и в мыслях этого не было.

— Хорошо. Просто хотела прояснить ситуацию, — она продолжает избегать моего взгляда, когда делает ещё один глоток напитка.

— СиСи, посмотри на меня.

Ее ресницы поднимаются, глаза встречаются с моими, и в ее взгляде я вижу неуверенность, которую не привык видеть там. Ни когда дело касается ее.

— Я попросил тебя сегодня о встрече, потому что хочу поужинать с тобой. А не по какой-то другой причине, — удерживаю ее взгляд, позволяя увидеть правду. — Я хотел провести время в твоей компании, и хочу, чтоб ты это знала. Поняла?

— Поняла, — кивая, говорит она. — Но для записи, мы можем заняться сексом после ужина. Просто забудь, что я говорила.

Моя усмешка превращается в болезненный стон.

Эта женщина станет моей погибелью.

Наклоняясь вперед, я понижаю голос.

— Как бы мне не хотелось снова похоронить себя глубоко в тебе, Bella, после того, как мы уедем отсюда, я отвезу тебя домой, поцелую на прощанье этот соблазнительный ротик, а затем попрошу тебя о ещё одном свидании. Вот и все.

Я совру, если скажу, что не надеялся, что наша ночь закончиться в постели, но теперь отказываюсь. Как бы мне не нравилось то, чем

мы занимались, я уважаю ее и удостоверюсь, что она в курсе этого до того, как снова притронусь к ней.

— Ты делаешь так, что мне становится трудно так сильно тебя ненавидеть, — говорит она, выражение её лица смягчается.

— Хорошо, потому что насколько сильно мне не нравилось бы то, как мы ненавидим друг друга, ты начинаешь мне нравиться.

Улыбка, которую я получаю в награду, стоит той боли, которую мой член почувствует сегодня вечером, когда я оставлю ее.

Момент прерывается, когда моя тетя приносит наши блюда. Мы не тратим время и набрасываемся на еду, и удовлетворение наполняет меня, когда я вижу, как СиСи стонет, пока наслаждается пищей, тем самым нанося ущерб моим благим намерениям.

Наш разговор продолжается за ужином. Она немного говорит о своей маме и обо всех ее путешествиях, а затем рассказывает мне больше о целях и желаниях, которые у нее есть в связи с мужской линией, в то время как я болтаю о своей работе и о том, насколько люблю бороться с огнем. Все идет легко и просто, и, прежде чем мы понимаем, проходит три часа, и остается лишь парочка клиентов. Вот тогда мы и решаем, что пора заканчивать, хотя последнее, чего я хочу, это пощаться с ней.

Перед тем, как уйти, мы прощаемся с тетей и дядей, а затем выходим во влажную ночь.

— Ладно, признаюсь, это была лучшая еда, что я пробовала. Моя «Маргарита» была во-о-осхитительна, — вздыхает она.

Я посмеиваюсь, наблюдая, как СиСи пошатывается на своих «трахни меня» туфлях.

Она смотрит на меня через плечо, глаза немного стеклянные от выпитых напитков.

— Нашёл что-то смешное, Пожарничек?

Наглое замечание заводит меня. Оборачивая руки вокруг ее талии, я притягиваю ее для поцелуя, мне необходимо прикоснуться к ней...

Попробовать ее.

Ее руки двигаются к краю моей рубашки, скользя под материал.

Контакт кожа к коже подводит меня к долбанному краю.

— Уверен, что не хочешь передумать насчёт этого «никакого секса» принципа? — шепчет она мне в рот.

— Ты портишь все мои благие намерения, Блондиночка.

— Хорошо, потому что мне нравится, когда ты плохо себя ведёшь.

Стону и неохотно отодвигаюсь, хмурясь, пока смотрю на ее припухшие, раскрытые губы. Закрываю глаза, лбом упираясь в ее лоб, пока пытаюсь найти силы остановиться. Как только я их открываю, взгляд карих глаз ударяет меня в самое сердце.

— Я хочу тебя больше, чем ты можешь себе представить, но собираюсь сдержать своё слово.

— Отлично, прям-таки настоящий джентльмен, — ворчит она.

Я обнимаю ее лицо, удерживая ее на месте.

— Не ошибайся, СиСи. Я определённо намереваюсь снова потерять себя в твоём теплом теле... Только не сегодня.

— Полагаю, это значит, что я ещё тебя увижу? — она произносит это как утверждение, но выходит больше похоже на вопрос.

— Да, Bella. Мы часто будем видеть друг друга, — обещаю я.

— Идет. Я переговорю с Пеппом и мы посмотрим, впишешься ли ты в наш напряжённый график, — говорит она с дразнящей улыбкой.

Качая головой, я глажу ее по щеке.

— Забирайся в грузовик, дерзкая девчонка, тогда я смогу снова поцеловать тебя у твоей двери.

Она выполняет мое требование, хихикая, когда я открываю для неё дверь.

По дороге к ее квартире, мне трудно отвести от нее взгляд, особенно от длинных загорелых ног, направленных мою сторону. Память о том, как они ощущались, будучи обернутыми вокруг моих бедер - абсолютная пытка.

Как только мы подъезжаем к ее комплексу, я подвожу ее к двери,

как и обещал, и прикладываю все усилия, чтобы держать себя под контролем. А она словно бросает мне вызов, глядя на меня страстным взглядом.

— Ты случайно не передумал? Может, хочешь зайти?

Сделав шаг вперед, я прижимаю ее к двери.

— Нет, но думаю, я мог бы полакомиться этим ротиком.

Наклоняя голову, набрасываюсь на ее губы, овладевая ими, заявляя, что я не намерен скоро отступить. Она взвизгивает, прижимаясь ближе, наши языки встречаются, борясь за главенство, но в итоге я побеждаю.

Мой твердый член прижимается к ее животу, показывая ей, как тяжело будет уйти от нее сегодня вечером. Чудом, мне удаётся найти достаточно контроля, чтобы отстраниться, но не до того, как я оставлю поцелуй на ее щеке.

— Спокойной ночи, Bella.

К тому моменту, как я дохожу до лифта, я вижу, что она все еще стоит у двери, рот раскрыт, возбужденные вздохи заставляют ее грудь подниматься и опускаться. Перед тем, как закрываются двери, я посылаю ей ухмылку - скорое обещание большего.

ГЛАВА ДЕВЯТЬ

CuCu

Мое сердце поет, и я практически танцую, когда следующим утром приезжаю в банк. Свидание с Гейбом, из-за которого я так нервничала, оказалось лучше, чем я даже смела надеяться, а ведь милый подонок даже не доставил мне оргазм.

Вместо этого он подарил мне поцелуй, придающий новое значение этому слову, тот, который прошел через все тело и заставил сердце петь. Возможно, у меня мог бы случиться оргазм лишь из-за одного этого поцелуя, если бы он не повернулся и не ушел прочь с греховно-сексуальной ухмылкой на губах.

Он сказал, что я ему нравлюсь, и он хочет увидеть меня снова. Гейб проявил уважение и это все изменило. Изменилась динамика странных отношений, в которых мы оказались. Он уже не высокомерный пожарный, который заставлял меня испытывать желание ударить его между ног.

Он стал чем-то большим.

Услышав вчера вечером его рассказы о семье и работе, я увидела другую его сторону, о которой отчаянно хочу узнать больше.

Мы не договорились о точном дне, когда увидимся снова, но на этот раз он действительно взял мой номер и даже отправил мне сообщение, когда я уже легла в постель. То, как мое сердце трепетало в груди, когда я получила его, немного пугало. Но я решила делать все постепенно. Мне нужно не торопиться, потому что я чувствую, что этот мужчина может уничтожить мое сердце так же, как в одну проклятую ночь разрушил мое тело для других мужчин.

Поток холодного воздуха поражает меня, когда я вхожу в банк. Сжимая портфель в руках, с улыбкой направляюсь к стойке регистрации.

Пришло время притворить мои мечты в жизнь.

— Доброе утро, — приветствует меня администратор.

— Привет, у меня запланирована встреча с Грэмом Дэвисом.

Она смотрит на экран компьютера.

— СиСи Кенсингтон?

— Это я.

Она возвращает мне улыбку.

— Мистер Дэвис заканчивает телефонный звонок. Он был срочным. Хотите кофе или чая, пока ждете?

Качаю головой.

— Все в порядке, спасибо.

Я иду к зоне ожидания, подтягивая выше на плече одну из моих любимых сумочек Louis Vuitton. Мой счастливый талисман. Эта сумочка была в моей жизни в течение долгого времени. У нас были хорошие времена. Эмили подарила ее мне на семнадцатый день

рождения. Она была изготовлена вручную в Париже из ярко-розовой кожи Ёрі. Тот тип сумок, которые никогда не выйдут из моды. На этой даже есть брелок - платиновый четырехлистный клевер, висящий на кольце ремешка. Она идеально подходит к моему черному сарафану с цветами от Kate Spade.

— Мисс Кенсингтон?

Поворачиваясь, я вижу, что администратор встала со своего кресла.

— Мистер Дэвис может принять вас.

Ничего не бойся.

Сжимая портфолио, я следую за ней в кабинет. Девушка останавливается сбоку от открытой двери и жестом показывает, что я могу войти.

— Спасибо.

Входя внутрь, я нахожу Грэма Дэвиса, одного из самых главных доверенных лиц моего отца, друга семьи, который был в моей жизни с тех пор, как я была маленькой девочкой. Но я не видела его со времен похорон.

— Ну и ну, уж не принцесса СиСи ли это, — приветствует он меня с обаятельной улыбкой, открывая для меня руки

Не колеблясь, я принимаю его объятия.

— Рада видеть вас, Грэм. Спасибо, что согласились встретиться со мной.

Он отступает, его руки сжимают мои голые плечи.

— Конечно. Я обрадовался, когда ты позвонила. Мы слишком давно не виделись.

— Определенно так и есть.

Его глаза скользят по моему телу.

— Ты сияешь, как и всегда.

— Вы тоже хорошо выглядите.

Что характерного для нашего социального круга. Неважно, сколько вам лет, ботокс и пластическая хирургия всегда помогают оставаться молодым. Грэм не является исключением из этого

правила. Седые волосы, искусственный загар и отбелённые белые зубы.

Есть в его взгляде, когда он смотрит на меня, нечто такое, чего раньше никогда не было, и я не могу понять, что это. А это совсем не помогает нервозности, с которой я уже пытаюсь бороться.

К счастью на его губах знакомая улыбка, к которой я привыкла.

— Давай приступим к делам.

Я киваю, волнение и надежда всплывают в душе.

Он идет, чтобы закрыть дверь в свой кабинет, но не возвращается к столу. Вместо этого садится на кожаный диван.

— Присоединяйся ко мне здесь, дорогая, тут нам будет удобнее, и у тебя будет больше места, чтобы показать мне все, — говорит он, постукивая по журнальному столику перед собой.

Нахожу предложение странным, но принимаю его. Как только я сажусь на место, он тоже двигается, садясь намного ближе, чем нужно. Мое раннее опасение возвращается с удвоенной силой.

Я схожу с ума или от него на самом деле сегодня исходит странная энергетика?

Прочищая горло, я отодвигаю мысли на задний план и поднимаю портфель на стол, вынимая свой бизнес-план.

Напряжение, которое я почувствовала несколько минут назад, исчезает, когда я представляю ему свое предложение. Он внимательно слушает и даже кажется впечатленным планом, который я озвучиваю. Он подтверждает это, когда я заканчиваю показывать ему, как окупятся его инвестиции за первый год.

— Ты действительно превзошла себя, юная леди.

Выпрямляюсь, сияя улыбкой.

— Вы так думаете?

— Совершенно точно. Твой отец очень гордился бы тобой, СиСи.

Комплимент заставляет мое сердце биться быстрее, а в горле образуется ком.

— Спасибо.

— Как ты справляешься? — спрашивает он, голос становится мягче.

— Полагаю, как могу, — пожимаю плечами, но боль в сердце противоречит легкости, которую я пытаюсь изобразить. — Каждый день скучаю по нему и хочу, чтобы он был рядом, чтобы увидеть все, чего я добилась.

— Он видит твои успехи, дорогая, — его рука ложится на мою голую коленку, немного сжимая ее.

Затянувшаяся ласка его пальцев отвлекает меня от моей грусти. Я поднимаю на него глаза, и беспокойное чувство растёт в желудке, когда он смотрит на меня. Я не знаю, что на него нашло, но решаю, что пришло время закончить эту встречу и быстро.

Как бы между прочим, я убираю колено из-под его руки и начинаю собирать свои бумаги.

— Так что вы думаете? Банк даст мне кредит? — спрашиваю я, избегая его взгляда, который, я чувствую, направлен на мое лицо.

— Думаю, ты действительно сможешь получить что-то, но мы должны обсудить все твои варианты. У меня скоро еще одна встреча, но как насчет того, чтобы мы вернулись к этому сегодня вечером, возможно, выпили где-то?

Каждая мышца в моем теле напрягается, и я ощущаю страх. Собравшись, я поворачиваюсь к нему, наконец, глядя ему в глаза.

— Не понимаю, что нам еще обсуждать. Я предоставила вам все необходимые детали.

— Есть ещё вещи, о которых я хотел бы поговорить.

— Хорошо. Так почему бы не сделать это сейчас?

Улыбка, которую он выдаёт, посылает тревожные звоночки в мое обеспокоенное сердце.

— СиСи, ты красивая, умная женщина. Уверен, ты понимаешь, к чему я веду.

— Не уверена, что знаю, — бормочу я, отказываясь верить то, что на самом деле сейчас происходит.

Он пододвигается ближе ко мне, убирая волосы с моего плеча.

— Тебе кое-что надо... мне кое-что надо...

Прикосновение его пальцев к моему плечу заставляет меня встать.

— Не трогайте меня! — вскрикиваю я. — О чем, черт подери, вы думаете? Вы лучший друг моего отца!

Он отнюдь не смущен моим гневом. Во всяком случае, он его забавляет.

— Ты больше не маленькая девочка, СиСи. Нет ничего плохого в том, что мы немного повеселимся.

Я сжимаю зубы, отвращение ползет по горлу.

— То, что вы делаете, незаконно. Что подумает банк о том, что их уважаемый президент предлагает кредит в обмен на секс?

Слова стирают самодовольство с его лица. Он прищуриваются и встаёт. Я хватаю портфель и прижимаю его к груди, сердце бешено стучит, и я пячусь назад, когда он двигается ко мне.

— Ты мне угрожаешь?

Мой подбородок поднимается, я отказываюсь показывать страх, но мое дрожащее тело выдаёт меня.

— Это не угроза. Это правда.

— Думаешь, кто-то поверит тебе, а не мне? — Мои икры ударяются о стол, и я понимаю, что загнана в угол, его тело прижимается ко мне. — Хоть слово кому-нибудь пикнешь, и я уничтожу тебя. Можешь попрощаться со своим магазинчиком. У меня есть средства для этого. Ты это знаешь.

Смотрю на него, понятия не имея, кто передо мной. Это не тот человек, который смеялся с моим отцом. Или приходил на все мои дни рождения и катал меня на коленях... Образ встаёт у меня перед глазами, и желчь идет вверх по моему горящему горлу.

— Теперь у тебя есть выбор, — говорит он. — Ты можешь встретиться со мной сегодня вечером, и кредит будет твоим. Или сейчас уйдешь без единого слова, и я позволю тебе сохранить то, что у тебя уже есть. Что выбираешь?

Мое сердце падает при мысли о потере всего, ради чего я так упорно трудилась, но не настолько, чтобы пожертвовать чувством

собственного достоинства.

— Идите к черту, — поднимая колено, ударяю его в пах достаточно сильно, чтобы он согнулся пополам. А затем вылетаю из кабинета, не обращая внимания на обеспокоенный взгляд администратора за стойкой.

Предательство наполняет меня, и я удивляюсь, как я могла так ошибаться в нем. Грэм Дэвис ничем не отличается от тех, кто несет ответственность за смерть моего отца. Вся моя жизнь кажется лживой, и я начинаю задаваться вопросом, а знала ли я кого-нибудь из них на самом деле.

К тому времени, как я доползаю до своей пустой квартиры, я — полная развалина. Первое, что я делаю, это принимаю горячий душ, желая смыть грязь со своего тела. Затем заползаю в постель, обнимая себя, пока плачу в подушку, чувствуя себя потерянной и одинокой.

ГЛАВА ДЕСЯТЬ

Гейб

Я нажимаю на кнопку двенадцатого этажа, полный решимости выяснить, что за хрень творится. Сегодня я отправил сообщение СиСи с вопросом о том, как прошла встреча, но не получил ответа. Поэтому купил цветы и пошел в бутик, а там от Джил узнал, что СиСи позвонила ей с просьбой выйти на работу, и она казалась расстроенной.

Вот тогда я решил взять дело в свои руки. Итак, теперь я здесь, вероятно, перехожу границу дозволенного, но меня это не кольшет. Мне нужно знать, что она в порядке, и я не уйду, пока не увижу, что так и есть.

Выходя из лифта, иду к ее двери и стучу. Собака лает, подтверждая, что она там. Я почти уверен, что она везде берет с собой эту проклятую чихуахуа.

Тишина.

Стучу снова.

— СиСи, это я. Открывай.

— На самом деле сейчас не очень подходящее время, Гейб, — ее голос практически неузнаваем, тихий и грустный, совсем не тот тон, который я привык слышать от нее.

— Прости, Блондиночка, но я не уйду, пока не увижу тебя.

Проходит несколько минут, прежде чем я слышу ее побежденное дыхание и звук открываемого замка. Дверь открывается, и от взгляда, с которым меня встречают, у меня сжимается сердце. Нахальная блондинка, которую я узнал, ушла, а на ее месте — опустошенная девушка.

На ней шорты, майка для сна и мятый свитер. Ее волосы влажные, как будто она недавно приняла душ. Из-за слез бледные щеки покрыты пятнами, а кончик идеального носика красный.

Мне безумно хочется обнять ее, но я остаюсь на месте, почтительно давая ей пространство.

— Полагаю, встреча прошла не очень хорошо? — спрашиваю я, голос звучит грубо.

Она качает головой, изо всех сил пытаясь сдержать эмоции, но ей это не удастся. Самый грустный всхлип, который я когда-либо слышал, срывается с ее губ.

Я собираюсь подойти к ней, но нет нужды, потому что она делает это первая. Падает мне на грудь, тело дрожит от отчаяния. Мои руки обнимают ее, ненавидя, что она настолько разбита.

— У меня такое чувство, что я никого не знаю, — плачет она.

Я нахожу эти слова странными, но прежде, чем успеваю задуматься над этим, звук открываемой двери вторгается в наш момент. Я смотрю налево и вижу двух мальчишек, которых видел прошлой ночью, заглядывающих в холл и наблюдающих за девушкой, плачущей в моих руках.

Удерживая ее, я провожу нас в ее квартиру и закрываю за собой дверь. Ее голова остается на моей груди, рыдания сотрясают ее тело, пока я кладу букет цветов на маленькую скамью рядом с нами.

— Он был лучшим другом моего отца. Как он может так поступать со мной?

Провожу рукой вверх и вниз по ее дрожащей спине.

— Не принимай это на свой счет, Блондиночка. Мы найдем еще один банк, который поймет хорошие инвестиции, когда увидит их.

У нее врывается смешок, но звучит он совсем не радостно.

— Сегодня проблемой было не мое деловое предложение, — я собираюсь спросить, в чем тогда была проблема, но СиСи говорит снова. — Боже, Гейб. Он лапал меня.

Я напрягаюсь от этой информации, не зная, правильно ли я услышал ее. Беря ее за плечи, я заставляю ее сделать шаг назад.

— СиСи, о чем мы здесь говорим? Что, черт возьми, случилось?

Ее дыхание сбивается, пока она пытается успокоиться.

— Он предложил мне кредит в обмен на секс.

Темная ярость расцветает внутри меня с неописуемой силой, смешиваясь с шоком, заставляющим мою кровь кипеть.

— Он был лучшим другом моего отца, — кричит она. — Я знаю его всю жизнь, а он отнесся ко мне, словно я просто шлюха, которая пришла к нему в кабинет.

— Ты кому-нибудь сказала? Ты, блин, донесла на него?

Она качает головой.

— Я не могу. Он сказал, что уничтожит меня, заберет все, что у меня есть. Он сделает это, Гейб. Я знаю, он это сделает. Я не могу потерять свой бизнес. Это все, что у меня есть, — еще одно рыдание разрывает ее грудь, опустошая меня изнутри.

Ненадолго умирив злость, я снова притягиваю ее в свои объятия.

— Этого не случиться, обещаю.

Она поднимает голову с моей груди, всматриваясь в меня с поражением в глазах.

Она прекрасна, даже когда плачет.

— Прости, я не ответила на твои сообщения. Мне просто нужно было время подумать.

Я вытираю слезы с ее лица, желая, чтобы у меня была

возможность так же легко стереть и ее боль.

— Тебе не нужно извиняться. Точно так же, как и я не собираюсь извиняться за то, что пришел сюда и проверил тебя. Я рад, что так поступил.

— Я тоже, — тихо замечает она. — Ты останешься?

— А ты хочешь, чтоб я остался?

— Да, — не колеблясь, шепчет она. — Я больше не хочу быть одна, — в этих последних нескольких словах так много одиночества и тоски, что я нагибаюсь, чтобы подхватить ее на руки.

Этот внезапный жест застает ее врасплох, но только на мгновение. Она кладет голову мне на плечо, когда я несу ее в комнату. Там я обнаруживаю включенный телевизор, его свечение освещает темную комнату. Подушки уложены на спинку кровати, а смятые простыни разбросаны.

— Добро пожаловать на мою вечеринку жалости, — шутит она, пытаясь разрядить обстановку, но в этом нет ничего смешного.

Идя вперед, я кладу ее на кровать, а затем забираюсь рядом с ней. Как только я добираюсь до нее, она клубочком сворачивается рядом, кладя голову мне на грудь. Я ощущаю запах ее шампуня, тепло ее тела - приятно отвлечение от ярости, бушующей во мне.

Проходят минуты, лишь звуки ее слез наполняют воздух, пока я потираю ее спину. Решаю, что сейчас лучше ничего не говорить, потому что не хочу, чтоб она стала чувствовать себя еще хуже.

В конце концов, ее слезы начинают затихать, и она нарушает тишину.

— Не могу не задаться вопросом, поступил бы он так же, если бы мой отец был еще жив.

— Не знаю, Блондиночка. Очевидно, он - ублюдок, так что, возможно, это был бы всего лишь вопрос времени.

Несколько минут тишины, прежде чем она говорит снова.

— Он использовал смерть папы против меня, — сообщает она, и намек на гнев смешивается со слезами в ее голосе. — Использовал ее, чтобы приблизиться ко мне... прикоснуться ко мне.

Кровь беспощадно пульсирует по венам, сливаясь с глубоко

укоренившимся гневом, горящим внутри меня. Я пытаюсь дышать сквозь эмоции, продолжая потирать ее спину, чтобы успокоить ее.

— Я чувствовала себя такое грязной, когда уходила оттуда, — шепчет она. Поражение в ее голосе разрушает спокойствие, которое я так отчаянно пытаюсь удержать.

Я перекатываюсь через нее, удерживая верхнюю половину тела над ней.

— Ты не должна чувствовать себя грязной, СиСи! Это его вина, не твоя. Он - гребаный извращенец. Ты не сделала ничего плохого. Ты меня слышишь?

Она смотрит на меня, отчаяние сияет в ее глазах.

— Я скучаю по папе, — признание выходит с всхлипом, разрывающим мне сердце.

Опускаюсь на нее, удерживая свой вес.

— Скажи мне что делать, Bella, — шепчу я, чувствуя себя чертовски беспомощным. — Скажи мне, как сделать так, чтобы тебе стало лучше.

Я сделаю что угодно, чтобы она не страдала так, как сейчас.

— Просто продолжай обнимать меня.

Самое легкое, что она могла попросить. Я не только делаю именно это, я так же поцелуями убираю каждую слезинку, которая падает на ее щеки, молча обещая отомстить человеку, который стал их причиной.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТЬ

Гейб

На следующее утро я тихо выхожу из квартиры СиСи, планируя вернуться до того, как она проснется. Как бы сильно мне не хотелось остаться с ней в постели, прямо сейчас мне нужно разобраться с одной проблемой. Ярость, поглощающая меня, не собирается исчезать, пока я не сделаю то, что следует, и этот ублюдок не

заплатить за свои действия.

Смех достигает моих ушей, когда я пробираюсь по коридору. За углом обнаруживаю двух мальчишек, которых видел в тот вечер, сидящих на полу и смеющихся над чем-то в своих телефонах.

Идеальный выбор времени.

— Привет.

Они подпрыгивают от моего приветствия, очевидно не слыша, как я подошел. Оба поднимают головы, чтобы посмотреть на меня, глаза широко раскрыты, они нервничают.

— Привет, — приветствует один, который с каштановыми волосами, неуверенность обрывает его голос.

Я опускаюсь на одно колено, глядя им в глаза.

— Вы знаете девушку из квартиры 1204?

Они кивают.

— Она секси, правда?

Смотрят друг на друга, удивленные замечанием, прежде чем с улыбкой повернуться ко мне.

— Ага, мужик. Она суперсекси, — отвечает один из них.

— А еще она моя, — говорю я, одержимость, которую я никогда не ощущал, придает голосу твердость. — И мне не нравится, когда люди смотрят на то, что принадлежит мне. А еще больше я злюсь, если они расстраивают ее.

Их улыбки быстро исчезают под воздействием страха.

— Если я узнаю, что вы, маленькие засранцы, снова подглядываете за ней, я переломаю вам ноги. Понятно?

Они кивают, заметно дрожа.

— Отлично. Рад, что мы поболтали, — похлопав их обоих по плечам, я поднимаюсь и иду к лифту, снова оглядываясь на них. — Увидимся, — двери закрываются, отрезая предупреждение, которое лучше всего не забывать.

Два готовы, остался еще один.

По пути я забираю Джонни, на тот случай, если мне понадобится

подкрепление. Я написал ему, когда только проснулся и сказал, что мне нужно, чтобы он поехал со мной решить одно дельце. Он не стал задавать вопросов.

Джонни ждет меня, сидя на передних ступенях своего дома с Лией, ее руки обернуты вокруг его шеи. Они целуются, а затем он встает и подходит к моему грузовику. Я опускаю пассажирское окно и машу Лии.

Она машет мне в ответ.

— Только недолго. Сегодня у него единственный выходной на неделе, и я хочу провести с ним весь день.

— Скоро верну его обратно, — обещаю я.

— Хорошо. Увидимся позже, — она возвращается в дом, когда Джонни забирается в мой грузовик, и его лицо озаряет почти головокружительное восхищение.

— Что с тобой? — отъезжая, спрашиваю я.

— Чувак, у меня только что был лучший утренний секс в жизни. Мы чуть не разрушили долбаный дом.

— Поздравляю тебя с тем, что ты занимался сексом со своей девушкой, — сухо говорю я, не понимая, в чем дело.

— Моей невестой, — поправляет он меня.

Я резко поворачиваю голову в сторону, обнаруживая, что ухмылка у этой занудной задницы стала еще больше.

— Что?

— Я сделал Лии предложение, и она ответила «да».

— Нихрена себе. Поздравляю, мужик.

— Спасибо. Я решил, что завтра утром спрошу ее снова и посмотрю, приведет ли это к такому же результату.

Мой смех наполняет грузовик, его новости смягчают ярость, кипящую во мне.

— Будешь моим свидетелем? — спрашивает он.

Вопрос не удивляет меня, учитывая, что мы лучшие друзья, но я все же ощущаю гордость.

— Черт, да.

— Класс. Я планирую попросить Тревиса быть шафером, так что вам двоим лучше взять себя в руки и покончить с вашей маленькой размолвкой.

Я хмыкаю.

— Нет никакой размолвки. Как только он преодолеет свою маленькую истерику по поводу моей девушки, все может вернуться к нормальной жизни.

— Твоей девушки? — спрашивает он, поднимая бровь.

Киваю.

После нашего свидания я решил, что буду видеть ее часто, а после прошлой ночи это чувство лишь усилилось. Я не знаю точно, что между нами, но знаю, что абсолютно точно хочу видеть, куда все это приведет и, будь я проклят, если позволю кому-то другому отнять ее у меня.

— Тогда согласен. Ему надо преодолеть это.

Черт, совершенно точно. Зная его, он, вероятно, уже двинулся дальше. Просто пытаюсь доказать свою точку зрения, порой он ведет себя как упрямый ублюдок.

— Так что, куда мы едем? — спрашивает он.

От необходимости ответа меня спасает то, что мы подъезжаем к банку.

Замешательство написано на его лице.

— Какого черта я тебе понадобился?

Я обдумываю поделиться с ним тем, с чем собираюсь иметь дело, но последнее, чего я хочу, чтоб меня отговаривали.

— Ты все узнаешь. Пойдем.

Не задавая вопросов, он идет за мной. Холодный поток воздуха бьет нам в лицо, когда мы заходим внутрь.

Секретарша смотрит вверх, ее глаза расширяются на долю секунды, прежде чем она приходит в себя.

— Добрый день, — приветствует она, заправляя прядь волос за ухо. — Я могу вам помочь?

— Нет, спасибо, мы здесь лишь чтобы нанести маленький визит Грэму Дэвису, — я двигаюсь по коридору, где находятся кабинеты, жестом указывая Джонни следовать за мной.

— Подождите! Вы не можете пойти туда без предварительной договоренности, — кричит она нам вслед.

Игнорируя ее, я проверяю имя на каждой двери, мимо которой мы проходим.

Джонни двигается рядом, начиная нервничать.

— Хочешь, черт подери, рассказать, что происходит? Все выглядит так, словно ты хочешь убить кого-то.

Как только мы доходим до двери, которую я ищу, наконец, отвечаю ему:

— Помнишь код доступа к моему счету?

Он хмурится.

— Да, а что?

— Используй его, если нужно будет вытащить меня под залог.

Его глаза расширяются.

— Что?

Не трачу время на объяснения и хватаю ручку двери.

— Гейб! — его нервный шепот слышен позади меня, когда я врываюсь в кабинет, оказываясь лицом к лицу с ублюдком, который заставил мою женщину плакать.

Грэм Дэвис сидит за столом из красного дерева, держа трубку телефон возле уха.

— Я вижу их, Аманда, спасибо, — вешая трубку, он встает и подходит, чтобы поприветствовать нас. — Могу вам чем-то помочь?

— Вы Грэм Дэвис? — спрашиваю я, чтобы удостовериться, что нашел правильного парня.

Он проводит руками по своему дорогому галстуку и пиджаку.

— Да.

Захлопываю дверь его кабинета, громкий треск эхом разносится по комнате.

— Я друг СиСи.

Понимание видно в его глазах. Он снова поворачивается, чтобы добраться до своего телефона, но я оказываюсь быстрее. Мой кулак летит вперед, соприкасаясь с его челюстью.

Он теряет равновесие и падает на стол. Хватая его за голову, я прижимаю ее к столу, впечатывая лицо в отполированное дерево.

— Не очень-то приятно, когда кто-то прикасается к тебе без разрешения, да, мудила?

— Ты понятия не имеешь, с кем связываешься, — говорит он сквозь стиснутые зубы.

— Что собираешься делать, позвонить копам? — спрашиваю я. — Как насчет того, чтобы я сделал это за тебя? У меня много друзей в отделе, которые хотели бы услышать о том, как ты пытался вынудить мою девушку заняться с тобой сексом.

— Она лжет, — выплевывает он.

Поднимая его голову, я ударяю его лицом об стол, наслаждаясь кровью, вылетающей из его носа.

— Ты больной говнюк, который охотится на девушек вдвое младше тебя, но на этот раз ты ошибся, — наклоняюсь, заглядывая в его маленькие глаза. — Если ты сделаешь хоть что-то, чтобы испортить ее бизнес или когда-нибудь снова приблизишься к ней, я вернусь, и ты перестанешь дышать. Понял?

Не получив ответа, сильнее давлю на затылок, заставляя его взвыть от боли.

— Отвечай мне!

— Понял, — хрипит он, дыхание прерывистое.

Я не делаю ничего, чтобы освободить его, война, бушующая внутри меня, требует пролить больше крови, подавляя все остальное.

— Достаточно, Гейб. Давай выбираться отсюда, и вернемся к СиСи, — говорит Джонни, его голос звучит спокойно и тихо, как и всегда.

Звук имени СиСи заставляет меня отпустить ублюдка, но не без финального удара, его лицо снова ударяется об стол, прежде чем он падает на пол. Козел сжимает свой кровавый нос и смотрит на меня.

— Я не шучу. Держись от нее подальше, или мое лицо будет последним, которое ты увидишь, — выхожу из его кабинета, зная, что, если не уйду, не смогу остановиться и продолжу.

Джонни идет рядом, девушка за стойкой нервно смотрит на нас, когда мы выходим из банка.

Как только мы оказываемся на улице, я получаю сильный удар в плечо от своего лучшего друга.

— Не мог предупредить меня до того, как начал играть в долбаного героя?

Поворачиваюсь к нему, мои злые глаза встречаются с его.

— Так было нужно, и ничто бы не смогло остановить меня, Джонни. Даже ты.

Мы смотрим друг на друга, его гнев отражает тот, что пылает у меня в груди.

— А ты бы что, поступил по-другому? — спрашиваю я. — Если бы он сделал то же самое с Лией?

Злость сходит с его лица, тяжелый вздох вырывается из груди, когда он проводит рукой по волосам.

— Ладно, я понял. И что теперь? Пойдешь к полицейским?

Качаю головой.

— Оставлю это СиСи. Думаю, я ясно донес свою мысль.

Он хмыкает.

— Отличный правый хук. С этим не поспоришь.

Придурок заслуживает намного большего, но следующим шагом будет решение СиСи и только ее. У меня такое чувство, что я и так окажусь по уши в дерьме из-за того, что произошло.

Отбрасывая эту мысль, я хлопаю Джонни по плечу.

— Пойдем. Отвезу тебя домой, чтобы ты снова ублажил свою невесту.

Его яркая улыбка сияет на полную мощь, все присутствующее раннее напряжение исчезает.

— Ты самый лучший друг, который у меня был.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТЬ

CuCu

Проснувшись, первое, что осознаю, тепло, которое я всю ночь ощущала рядом, исчезло. Резко открываю глаза и смотрю на мордочку моего сладкого Пеппа.

— Доброе утро, мальчик, — воркую я, глядя его мокрый нос.

Моя рука замирает, когда я вижу что-то за ним. Один цветок с прикрепленной к нему запиской. Улыбаясь, хватаю и подношу к носу белую розу, прежде чем открыть свернутый лист бумаги.

Ушел за кофе и завтраком.

Скоро вернусь.

Гейб

P.S. Во сне ты еще прекрасней.

Тепло проникает в мое ноющее сердце. Оказывается, этот мужчина способен не только дарить крышесносные оргазмы, он еще и отличный слушатель. Прошлой ночью Гейб ослабил мою боль. Его руки принесли мне именно тот комфорт, в котором я часто нуждаюсь.

Вчера ближе к вечеру, боль, которую я испытывала, в меньшей степени была связана с этим ничтожеством Грэмом Дэвисом и относилась больше к моему отцу. Иногда я задаюсь вопросом, станет ли когда-нибудь легче. Затянется ли когда-нибудь эта зияющая рана в моей груди. Должна признать, чем больше времени я провожу с Гейбом, тем меньше она болит. Что немного нервирует, потому что я до сих пор не знаю, кто мы друг для друга, но точно понимаю, что мне действительно начинает нравиться этот надменный болван.

Звук вибрации моего телефона заставляет меня посмотреть на прикроватную тумбочку. Поднимая его, я вижу, что это моя мама.

— Привет, мам, — отвечаю я, расслабляясь, когда слышу ее

голос.

— СиСи, милая, ты меня слышишь? — кричит она, заставляя отодвинуть телефон подальше от уха.

— Да. Я отлично тебя слышу.

— Ой, хорошо. Мне очень жаль, что мне понадобилось столько времени, чтобы перезвонить тебе. Везде, где мы были, очень плохая связь.

— Все в порядке. Я знала, что ты позвонишь, как только сможешь. Просто хотела поздороваться и сказать, что скучаю по тебе.

— О, дорогая, я тоже. Я очень скучаю по тебе. Не могу дождаться, когда снова обниму свою милую девочку.

Меня одолевает грусть, потому я хотела бы, чтобы она оказалась здесь вчера. Мне бы пригодилось ее объятие.

— Веселишься с тетей Виолой и тетей Сэди?

— Ты права. Как всегда.

— Хорошо. Я рада.

Тишина повисает на линии.

— Что случилось? — спрашивает она.

— Ничего.

— Не стоит лгать своей матери. Это грех.

Искренняя улыбка появляется у меня на губах. Это ее знаменитая нотация. Она всегда говорила мне «если согрешишь, то не сможешь ходить по магазинам на небесах». Умно было угрожать мне подобным, пока я росла.

— Расскажи мне, что случилось, — настаивает она. — Я знаю, что-то не так. Слышу по твоему голосу.

Не хочу говорить ей о Грэме, еще нет. Лучше сделать это лично.

— Просто скучаю по папе, — вместо этого отвечаю я.

На линии тишина, и я не сомневаюсь, она пытается сдержать свою собственную печаль.

— Я тоже скучаю по нему, — тихо признается мама. — Независимо от того, куда я направляюсь или насколько занята, я

всегда думаю о нем.

— Я тоже, — признание выходит хриплым от эмоций.

— Мне стоит вернуться домой, СиСи?

Предложение застаёт меня врасплох, и я даже подумываю ответить «да», но ей осталось путешествовать всего несколько недель, а я не хочу портить ей отдых. Ведь знаю, насколько сильно она нуждается в том, чтобы оставаться занятой.

— Нет. Все нормально.

— Уверена? Потому что я готова вернуться ради тебя.

Ее слова, словно успокаивающий бальзам для моего израненного сердца. Она понятия не имеет, насколько сильно прямо сейчас мне нужно было услышать эти слова.

— Нет, ты останешься, но, может быть ...

— Что? — спрашивает она, когда я замолкаю.

— Может быть, когда ты вернешься на этот раз, ты сможешь немного задержаться, — я ощущаю себя виноватой, ненавидя даже спрашивать об этом, но в последнее время понимаю, что мне все больше нужна мама.

— О, СиСи. Если мое отсутствие причиняет тебе боль, почему ты мне ничего не сказала?

— Сначала меня это не беспокоило, но я скучаю по нашему времени мамы и дочки.

— Я тоже скучаю по нему, — шепчет она. — Прости, дорогая, я не очень хорошо справляюсь с тем, что твой отец ушел. Я была эгоисткой.

— Нет, неправда. Я понимаю, почему ты делаешь это, и рада, что у тебя есть тетя Виола и тетя Сэди. Только не забудь, что у тебя еще есть и я.

— Я никогда не забываю о тебе. Ты вся моя жизнь.

Это именно те самые слова, которые мне и нужно было услышать.

— Когда я приеду домой, мы запланируем для нас что-нибудь особенное, — говорит она. — Пройдемся по магазинам, оторвемся в

спа и наедемся до отвала.

— Не могу дождаться.

— Люблю тебя, милая.

— Я тоже тебя люблю, — шепчу я.

— Я позвоню тебе снова, как только у нас появится связь.

— Звучит здорово. Передавай привет тете Виоле и тете Сэди.

— Обязательно. Пока.

— Пока.

На душе становится легче, когда я вешаю трубку, и во мне растет ощущение умиротворения, когда я смотрю на цветок, который все еще держу в руке. Взглянув на часы, я замечаю, что уже почти полдень.

Черт побери!

Поднимаясь с постели, направляюсь в ванную и, увидев себя в зеркале, издаю стон. Глаза красные и опухшие, и лицо покрыто пятнами из-за того, что я плакала всю ночь.

А Пожарничек сказал, я была красивой.

Вот врун.

Убирая волосы в высокий конский хвост, брызгаю водой на лицо, прохлада - приятное облегчение. Затем чищу зубы, собираюсь принять душ, но слышу, как дверь моей квартиры открывается и закрывается. Я выхожу, и вижу Гейба, держащего две чашки кофе и пакет на вынос.

Он оборачивается, его глаза встречаются с моими.

— Привет, — приветствует он, от его глубокого голоса кожа покрывается мурашками.

— Привет.

— Нашла мою записку?

Киваю.

— И цветок.

Его губы изгибаются в сексуальную ухмылку.

— Хороший ход, да?

— Очень, — соглашаюсь я, улыбка появляется и на моем лице.

Он поднимает то, что держит в руках.

— Я подумал, ты проголодалась, ведь вчера вечером мы ничего не ели.

— Спасибо, — я подхожу, чтобы забрать у него свой кофе и замечаю его опухшие костяшки. Ахая, хватаю его за запястье и дергаю ближе к себе. — Что случилось? — Смотрю ему в глаза, и все замирает во мне, когда я понимаю, что произошло. — О, Гейб, ты этого не сделал. Пожалуйста, скажи, что ты не убил его, а потом купил нам завтрак?

— Я его не убивал, — говорит он, но не добавляет ничего больше.

— О боже! — я начинаю ходить взад-вперед, паника наполняет грудь. — Я все потеряю. Он уничтожит меня и мой магазин. У меня ничего не останется.

Гейб хватает меня за плечи, останавливая мои безумные метания.

— Послушай меня. Он ничего не сделает. Я позаботился об этом. Он больше никогда и близко к тебе не подойдет!

Слезы застилают глаза, размывая силуэт мужчины передо мной.

— Не могу поверить, что ты это сделал, ты большой, милый, глупый наглец, — падаю ему на грудь, рыдая как дурочка.

Он обнимает меня, рукой поглаживая по спине, тем самым утешая.

— Он должен был заплатить за то, что сделал, СиСи. Я не мог позволить ему остаться безнаказанным после того, как он причинил тебе такую боль.

— Никто никогда раньше не избивал кого-то ради меня, — всхлипываю я, чувствуя, что именно таким образом он защитил мою часть.

— Ради тебя, Блондиночка, я надеру задницу любому.

Это самые сладкие и сексуальные слова, которые мне говорили.

Шмыгая носом, я поднимаю голову. Он вытирает мои слезы большим пальцем, стирая гораздо больше, чем думает.

— Спасибо, что остался со мной вчера вечером, — шепчу я.

— Не надо благодарить меня. Я рад, что пришел.

— Я тоже, — соглашаюсь с ним.

Его взгляд опускается на мой рот, напряжение в воздухе растет. Сердце стучит быстрее в предвкушении и необходимости почувствовать, как его губы прижмутся к моим, но он сдерживается, не давая нам то, чего мы оба так жаждем.

— Гейб, — еле дыша, я шепчу его имя, пальцами хватаясь за его рубашку.

— Да, Bella.

— Поцелуй меня, — прошу я.

Он сокращает дистанцию между нами, прикосновение его губ заставляет мир под моими ногами перевернуться. Я обнимаю его за шею, жадно прося о большем.

Его рык слышен сквозь поцелуй, когда он сжимает мою попу и приподнимает меня. Я обхватываю ногами его талию, пальцы путаются в его волосах, пока я теряюсь в нем и тех прекрасных чувствах, которые приходят вместе с этим.

— Мы должны поесть, пока еда не остыла, — бормочет он, но его рот ни на секунду не отрывается от меня.

— Не хочу есть. Хочу тебя, — говорю ему.

Хочу, чтобы мне напомнили, каково это, ощущать его прикосновения. Хочу, чтобы он стер все грязные чувства, которые преследуют меня из-за Грэма, и заменил их ощущением своего тела напротив моего.

К сожалению, он сажает меня на столешницу и, отстраняясь, делает совершенно противоположное. Опускает голову мне на плечо, его дыхание резкое.

— Что не так? — спрашиваю я, задаваясь вопросом, может, я что-то не так поняла.

В тот момент, когда он поднимает голову, разочарование

покидает меня, потому что я вижу в его глазах ту же самую потребность, с которой он борется.

— У меня ночная смена, — говорит он, его взгляд наполнен сожалением.

— Ладно... — медленно говорю я, не видя в этом проблемы.

— Если я отнесу тебя в кровать, Блондиночка, я, черт подери, ни за что не покину ее.

Дрожь пробегает по коже, темные обещания в его голосе подпитывают мое желание.

— Хочешь, я позвоню на работу и объясню, что ты заболел? — предлагаю я.

Еще одна ухмылка появляется на его совершенных губах. Он сжимает мою шею, большой палец прослеживает мой учащенный пульс.

— Что я хочу, так это чтобы ты позавтракала со мной, а затем пообещала, что, когда моя смена закончится, мы наверстаем упущенное, и я смогу прикоснуться к тебе так, как ты того заслуживаешь.

Я прочищаю горло и ерзаю, пытаюсь облегчить боль между бедрами.

— Ну, когда ты ставишь вопрос таким образом, полагаю, я вполне могу подождать. Но я ожидаю много оргазмов.

Его смех перерастает в стон.

— Поверь мне, детка, когда ты снова окажешься со мной в постели, тебе придется просить о пощаде, — за надменными словами следует еще один крышесносный поцелуй.

Мое сердце порхает, и не только от обещания еще одной невероятной ночи, но и от знания того, что я снова увижу его, и, если мне действительно повезет, буду спать в его объятиях.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТЬ

Гейб

Летняя жара окутывает меня, когда я выхожу со станции, радуясь, что смена, казавшаяся мне самой длинной сменой в жизни, закончилась. Я люблю свою работу и наслаждаюсь пребыванием здесь, но это была долгая неделя без СиСи.

Обмена сообщениями и разговора по телефону не достаточно. Я не вижу ее улыбку или то, как она приподнимает бедро, когда начинает наглоть, но самое главное, не могу попробовать ее губы на вкус, а мечтаю об этом каждый день.

Телефон вибрирует у меня в кармане, пока я забираюсь в грузовик. И улыбка появляется на губах, когда достаю его и вижу, что это звонит девушка, занимающая все мои мысли.

— Блондиночка, — отвечаю я, — как раз думал о тебе.

— Доброе утро, — приветствует она, говоря крайне радостно. Совсем не похожая на ту грустную девушку, которую я видел неделю назад. — Угадай, где я только что была?

— Рассказывай.

— В кабинете Клиффа Бидона, — сообщает она мне, имея в виду банкира, номер которого я дал ей. — Ему понравилось мое предложение, Гейб. Он дает мне кредит. Я запускаю мужскую линию!

От звука ее возбужденного визга огромная улыбка появляется на моем лице.

— Я знал, что он поможет тебе. Он распознает хорошее дело, если увидит.

— Так и есть. Он был очень впечатлен моими успехами и согласен, что линия станет прекрасным дополнением.

— Полагаю, он отнесся к тебе как следует? — спрашиваю я, потому что мне надо знать наверняка.

— Да. Он вел себя очень профессионально.

— Хорошо. Тогда мне не придется надирать ему задницу.

— Определенно, нет, — хихикает она, но быстро затихает, голос смягчается, когда она продолжает: — Спасибо, что дал мне его номер. Ничего бы этого не было, если бы не ты.

— Это все ты, СиСи. Я ничего не сделал.

— Не согласна, но вместо того, чтобы спорить, как ты смотришь на то, чтобы отпраздновать? — предлагает она. — Поужинаем вечером?

Разочарование настигает меня и мой нетерпеливый член.

— Я бы с радостью, но сегодня не могу. Должен присутствовать на ужине у мамы, и не могу его пропустить.

— О... это прекрасно, — быстро говорит она. *Слишком* быстро. — Мы можем отметить в другой раз. Ничего страшного.

Да нет, это очень даже страшно, особенно учитывая, что я охрененно скучаю по ней.

— Пойдем со мной, — выпаливаю я.

Я обычно не приглашаю девушек на встречу с семьей, по крайней мере, не так скоро, но, поскольку слова исходят из моего рта, они кажутся правильными.

— Не будь смешным. Как насчет завтра?

— Нет. Хочу увидеть тебя сегодня.

— Ладно, тогда как насчет того, что ты просто позвонишь мне после того, как закончишь, и мы определимся?

— А как насчет того, чтобы ты просто пошла со мной?

— Не хочу навязываться и мешать тебе провести время с семьей, Гейб.

— Ты не навязываешься. Я прошу тебя прийти, — возражаю я, отказываясь сдаваться.

— Ты просишь меня, потому что я лузер, у которого нет планов на вечер пятницы.

Забавный комментарий заставляет меня засмеяться.

— Ты слишком горяча, чтобы быть лузером, Блондиночка.

— О, ты говоришь самые сладкие вещи, — замечает она, веселье слышно в ее голосе.

— Послушай, я прошу тебя, потому что хочу, чтоб ты пришла. Хочу, чтоб ты познакомилась с моей семьей.

В телефоне повисает тишина, но я практически слышу, как колесики вращаются в ее милой голове.

— Сегодня моей бабушке исполняется девяносто пять. Там будет много людей, много еды и напитков. Будет суматоха и неразбериха, но мы хорошо проведем время, обещаю. Пожалуйста, пойдем со мной?

— А тебе не надо сначала спросить у мамы?

Улыбаюсь, зная, что уговорил ее.

— Я дам ей знать, но поверь, она будет в восторге от возможности накормить еще одного человека.

— Ладно, — вздыхает она. — Если ты так уверен.

— Уверен.

— Пообещай, что зовешь меня не потому, что жалеешь?

Я хмыкаю.

— Когда дело касается тебя, Bella, я чувствую много всего, но жалостью там и не пахнет.

Даже по телефону я чувствую, что она улыбается, от чего мне хочется немедленно оказаться рядом с ней, чтобы посмотреть на нее, почувствовать... поцеловать.

Я потерял свой долбаный разум.

— Когда тебя ждать? — спрашивает она.

— Буду в пять. Сначала мне надо немного поспать.

— Звучит отлично.

— И да, Блондиночка? — зову я, прежде чем она отключится.

— А?

— Собери сумку, чтобы остаться на ночь. После мы поедем ко мне.

Наступает момент тишины, а потом она отвечает, голос напряжен.

— Хорошо.

Вешаю трубку с предвкушением, будоражащим кровь. Я

планирую выполнить обещание, которое дал ей на днях, и, как только она окажется в моих руках, я не отпущу ее.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАЦАТЬ

CuCu

Пока я жду, когда появится Гейб, мой желудок завязывается в гигантский узел, а колено непрерывно подпрыгивает. Не думаю, что вообще когда-то нервничала так сильно. Я, по меньшей мере, дюжину раз сменила наряд, не уверенная, что именно стоит одеть на день рождения бабушки. На всех торжества, которые посещала, я была в вечернем платье. Но сдаётся мне, если на сегодняшнем вечере я появлюсь в чем-то подобном, это будет немного слишком.

В конце концов, я остановилась на нежно-желтом комбинезоне с бледно-фиолетовыми ромашками в качестве рисунка. Он от классного нового дизайнера, только что появившегося в мире моды. Тонкие лямки и шифон делают комбинезон легким и воздушным. Шорты отделаны винтажным кружевом, а на талии атласная лента, завязанная в симпатичный бантик. Наряд милый и идеален для семейного торжества, во всяком случае, я так думаю.

Боже мой, во что я ввязалась?

Я все еще уверена, это приглашение было сделано из жалости. Но я не смогла устоять перед просьбой, потому что, ну, я скучала по Гейбу... и сильно. Скучала по его дерзкой ухмылке и глазам цвета темного шоколада, которые видят гораздо больше, чем мне хотелось бы.

Оказывается, мне действительно нравится темный шоколад. И еще как.

Но больше всего я скучаю по его компании и тому, что чувствую, когда нахожусь рядом с ним.

Три громких стука в дверь вырывают меня из моих мыслей. Поднимаясь, я приглаживаю руками наряд, немного взъерошиваю волосы, а затем распрямляю плечи, прежде чем открыть дверь. От вида мужчины за ней у меня перехватывает дыхание.

На Гейбе пара поношенных рваных джинсов и простая белая футболка, делающая много замечательных вещей с его великолепным телом. Прибавьте сюда знаменитую однобокую ухмылку, и я практически растекаюсь лужицей у его ног.

— Привет, — приветствую я его, голос звучит по-глупому прерывисто, потому что у этого мужчины есть прямой доступ к моему мозгу. И каждый раз, когда он находится рядом, мозг отказывается мыслить здраво.

Гейб оглядывает меня с головы до ног, заставляя каждую клеточку тела трепетать.

Очаровательный подонок. Как один человек может обладать таким контролем над телом другого, даже не прикасаясь к нему? Это неправильно.

Подавшись вперед, Гейб скользит пальцами по атласной ленте на моей талии и притягивает меня для поцелуя, от которого у меня дрожат коленки. Его мужественный вкус заполняет мой разум и уносит меня в его мир. Частью которого я люблю быть.

— Ты выглядишь чертовски невероятно, — делает он комплимент, когда его губы скользят по моей шее.

Наклоняю голову в сторону, открывая ему лучший доступ.

— Спасибо. Хотелось бы выглядеть прилично. Не хочу, чтоб твоя мама поняла, что я занималась сексом с ее сыном, как какая-то ненасытная порнозвезда.

Смех вырывается из его груди, но перерастает в стон, большие руки сжимают мою попу.

— Это была хорошая ночь, Блондиночка.

— Лучшая, — соглашаюсь я.

Он смотрит на меня, красивое лицо нависает над моим.

— Готова?

— А ты?

— Больше, чем готов показать тебя всем, Bella.

Его слова притупляют мою нервозность.

— Надеюсь, я понравлюсь твоей семье.

— С чего бы тебе им не понравится?

— Это правда. Я очень даже милый человек.

Его рот расплывается в очередной ухмылке.

— Давай покончим с этим, чтобы я мог остаться с тобой наедине и проделать кое-какие грязные штучки.

Мое тело обдает теплом, и обещание, данное им, заставляет меня начать волноваться.

— Звучит как план для меня. Дай я только возьму свои вещи.

Идя на кухню, хватаю со столешницы сумку с вещами и подарок, который купила для его бабушки.

Гейб забирает у меня сумку, а затем указывает на подарок в моих руках.

— Не стоило волноваться о подарке. Ты идешь в качестве моей гостьи.

— Там ничего особенного. Просто маленькая вещица из моего бутика.

— *Маленькая* вещица, стоимостью три тысячи баксов? — спрашивает он, неодобрение слышится в его голосе.

Моя рука взмывает в воздух.

— О, черт возьми, нет. Я потратила намного больше. В конце концов, я ведь хочу произвести хорошее впечатление.

Серьезное выражение на его лице заставляет меня закатить глаза.

— Успокойся, транжира. Я шучу. Это просто шарф. Пожилые дамы любят шарфы. — Возможно, я мало знаю о вечеринках, посвященных дню рождению бабушки, но, если дело касается подарков, я в курсе.

— Тащи свою сладкую попку из квартиры до того, как я передумаю насчет вечеринки и покажу тебе, что бывает с особо болтливыми дамочками.

— О, мне нравится, когда ты грязно разговариваешь со мной, — издеваюсь я. Выпятив губы, посылаю ему поцелуй, а затем хватаю свою любимую большую сумку Chanel, висящую на крючке, и выхожу за дверь, закрывая ее за нами.

— У тебя там твоя крысиная собачка? — спрашивает он, указывая на мою сумку, пока мы идем к лифту.

— Он не крысиный и нет, его там нет. Он остался на ночь с миссис Билсон. Она любит Пеппа почти так же сильно, как и я. Чего не скажешь о некоторых людях. — Мой намек достаточно прозрачен.

— Никогда не говорил, что он мне не нравится.

Резко смотрю на него.

— Ты назвал его крысой, это тебя и выдало.

Он усмехается.

— Шучу, Блондиночка. Если он важен для тебя, тогда он важен и для меня.

Поднимаю подбородок.

— Отлично, потому что мы идем в комплекте.

— Тогда я обожаю его.

Смеюсь над таким нелепым заявлением, но не могу отрицать, что сердце начинает биться быстрее. Гейб действительно умеет быть обаятельным.

Дверь в конце коридора открывается, прерывая наш момент, и два брата-акробата собираются выйти из квартиры, пока не замечают нас. Они взвизгивают, их глаза расширяются от страха, и тут же захлопывают дверь.

Я хмурюсь, глядя на Гейба, когда мы заходим в лифт.

— Что это было?

Он пожимает плечами, но, судя по выражению лица, знает больше, чем рассказывает.

Я выгибаю бровь.

— Возможно, я сказал им, что, если они снова станут глазеть на тебя, я переломаю им ноги.

— Ты этого не сделал, — говорю я, едва сдерживая смех.

— Мне не нравятся люди, которые смотрят на то, что принадлежит мне, и определенно не нравятся те, кто расстраивает мою девушку.

Его девушку.

Сердце трепещет от этого заявления, наслаждаясь мыслью о том, что я принадлежу ему. Подъезжает лифт, объявляя о нашем прибытии.

— Тебе сегодня определенно повезет, Пожарничек, — говорю ему, выходя в вестибюль.

Звук его рычания позади меня посылает мурашки по коже.

— Чертовски рассчитываю на это, Bella.

Предвкушение ночи, которая определенно станет незабываемой, наполняет меня.

Дорога к дому его матери, расположенному в той части города, в которой я никогда не была, занимает примерно сорок пять минут. Несколько машин стоят на улице, и, когда мы выходим из грузовика, я снова начинаю нервничать.

— Ты вырос здесь? — спрашиваю я, разглядывая маленький, аккуратный домик, который совсем не выглядит достаточно большим для того, чтобы в нем росли пять мальчиков.

— Ага.

Переключаю внимание с дома на него и вижу, что он наблюдает за мной. Выражение его лица трудно расшифровать.

— Мое детство было бедным, но счастливым, — говорит он. — А это бесценно.

Его комментарий заставляет меня улыбнуться, и только подтверждает то, что я уже и так знаю. Под этой дерзкой внешностью скрывается действительно хороший мужчина. Мужчина, в которого я начинаю влюбляться. Что одновременно и захватывающе и ужасно.

— Пойдем, — говорит он, беря меня за руку. — Позволь представить тебя самой большой семье, которую ты встречала.

— Я готова, — ложь легко слетает с моих губ.

Потому что я не так уж и готова.

Громкие голоса доносятся из дома, когда мы пробираемся к входной двери, каждый шаг заставляя мое сердце учащенное биться.

— Просто предупреждаю, возможно, меня может стошнить, —

бормочу я.

Он успокаивающе сжимает мою руку.

— Расслабься, Блондиночка. Ты им понравишься.

Я не слишком уверена в этом, но держусь изо всех сил.

— Tio! — из дома вылетает маленькая девочка, прыгая прямо в объятия Гейба.

— Привет, *niña hermosa*. Красивая девочка. Что стряслось?

— Ничего, просто жду бабулю.

— Опаздывает на собственную вечеринку? — Гейб поворачивается ко мне с маленькой девочкой на руках, и, должна признать, я никогда не видела, чтоб он выглядел более сексуально. — СиСи, это моя самая любимая маленькая девочка, Милия. Милия, это СиСи.

— Привет, — застенчиво машет она.

— Привет, Милия, у тебя милое имя.

— Спасибо.

Гейб ставит ее на ноги.

— Показывай путь, малышка. — И снова берет мою руку, пока мы поднимаемся на передние ступеньки.

— Твоя племянница? — спрашиваю я.

— Дочь моей кузины, но она мне как племянница.

Понимающе киваю. Роза всегда будет моей племянницей, хотя мы с ней не родные по крови, но я люблю ее, словно она мой собственный ребенок.

В тот момент, когда мы заходим в дом, раздаются громкие приветствия. Толпа женщин сначала атакует Гейба, у всех на губах ярко-красная помада, которая оставляет следы на его щеках.

Он представляет их как своих тетусек. Я не могу запомнить имена всех, потому что их очень много, а в доме шумно, но улыбаюсь и приветствую каждую.

— Она симпатичная, — трогая мои волосы, замечает одна.

— Но худая, — добавляет другая.

Гейб хмурится в знак неодобрения, но меня это ничуть не смущает.

— Я тебе говорила, — вмешивается тетя, которую я уже встречала в тот вечер, когда мы ужинали, — но она может пить «Маргариты» с лучшими из нас. Разве это не так, дорогая? — говорит она, быстро обнимая меня.

— Вы правы. Особенно если они так же хороши, как те, что делаете вы.

Комплимент заставляет ее сиять от гордости.

— Видели? Она идеальна.

От необходимости говорить что-то еще меня спасает глубокий голос, доносящийся через комнату.

— Ну и ну, а вот и мой старший братец. — Молодой человек пробирается сквозь толпу, а трое других следуют за ним.

— И он привел с собой Барби, — говорит другой, пялясь на меня.

Видя, насколько красивы эти мальчишки, я понимаю, с кем сейчас буду знакомиться.

Тот, который назвал меня Барби, забрасывает руку на плечи Гейба, ухмылка, знакомая мне слишком хорошо, расплзается по его лицу.

— Не думаю, что они делают мексиканских Кенов, брат.

Гейб пихает его локтем.

— Ее зовут СиСи, придурок. Будь милым с ней, и я не надеру тебе зад.

Он усмехается, в шутку держась за свои ребра.

— И ты целуешь ее этим грязным ртом?

Гейб игнорирует его комментарий и представляет его как самого младшего из братьев Мартинес, Луиса.

— Приятно познакомиться, Луис.

— А я-то как рад, bonita.

Понятия не имею, что значит bonita, но, судя по улыбке на его

лице, предполагаю, что это не оскорбление.

Затем Гейб представляет меня трем другим братья: Михаэлю, Нико и Матео.

Я приветствую каждого из них, отмечая, что все они похожи друг на друга, но Гейб - самый высокий, самый широкоплечий и, конечно же, самый горячий.

— Черт, братишка, а ты хорошо поработал, — говорит Матео, его глаза скользят по моему телу. — Что такая, как она, делает с тобой?

— Она умна и узнает качественный товар, если увидит. А теперь кончай пялиться на нее. — Гейб подкрепляет слова действием, беря голову брата в захват, оба они колотят друг друга.

— Не в доме! — ругает их женщина, ее голос слышен даже сквозь шум. Она выходит из моря людей, и я понимаю, что это не просто какая-то леди. С такими же глазами цвета темного шоколада, густыми черными ресницами и невероятной фигурой, ее нельзя по ошибке принять за кого-то другого, кроме как за маму Гейба.

Нежная улыбка появляется на ее губах, когда она подходит к Гейбу.

— Mijo, — шепчет она, обнимая его.

— Привет, Ма. Рад тебя видеть.

Вспоминая, как он говорил о ней на нашем свидании, становится понятно, что она много значит для него. Может, именно поэтому я так нервничаю. Если она возненавидит меня, это будет конец тому, чтобы это ни было между нами.

Ощущая мою нервозность, Гейб кладет руку мне на талию и притягивает меня ближе к боку, тепло его тела - успокаивающее прикосновение, в котором я нуждаюсь.

— Ма, это СиСи.

Я протягиваю руку, молясь, чтобы она не заметила, как рука немного дрожит.

— Миз. Мартинес, приятно с вами познакомиться. Спасибо, что позволили мне присоединиться к вечеринке.

Она сжимает мою руку своими двумя.

— Мне тоже очень приятно познакомиться с тобой, и, пожалуйста, зови меня Марисоль.

Киваю.

— Хорошо. Марисоль.

— Рада, что ты смогла прийти. Если человек важен для Гейба, его всегда рады видеть в моем доме.

Ее гостеприимство и доброта еще больше успокаивают меня.

Гейб заканчивает знакомство, проходя мимо всех кузин и дядюшек. Мать Милии, Ариадна, очень дружелюбна и даже заводит разговор со мной, спрашивая о моем бутике.

— А меня ты не хочешь представить? — спрашивает женский голос.

Я поворачиваюсь, оказываясь лицом к лицу с привлекательной женщиной, осматривающей меня с головы до ног. Ее неодобрение очевидно, затем она направляет испепеляющий взгляд на Гейба.

— Это - Каталина, — говорит Гейб, его тон жестче, чем был мгновение назад. Судя по энергетике, исходящей от него, я бы сказала, что между ними есть какие-то разногласия.

— Бывшая, — уточняет она, протягивая мне руку.

Ну, тогда это все объясняет.

Ради приличия пожимаю ей руку.

— СиСи, — говорю ей. — Настоящая.

Она прищуривается, слыша мое уточнение, но мне до этого нет никакого дела. Этой стерве стоит хорошенько подумать, если считает, что сможет запугать меня.

Тихий смех Гейба грохочет рядом со мной, когда он обнимает меня за шею и ведет нас в другом направлении.

— Извини за это. Не знал, что она будет здесь. Пригласили ее родителей, но не ее.

— Не волнуйся. Я в состоянии с ней справиться.

Он смотрит на меня, веселье танцует в его глазах.

— Нисколько в этом не сомневаюсь, Блондиночка.

— Гейб, Тиа с бабулей здесь, — зовет Ариадна от входной двери. — Можешь помочь?

Гейб быстро целует меня.

— Скоро вернусь. Не двигайся.

Я остаюсь стоять, где стою, чувствуя неловкость и мечтая, чтобы одна из «Маргарит» его тети оказалась у меня в руках. К счастью, Луис и Матео подходят, чтобы составить мне компанию.

— Так что ты думаешь, Барби? — спрашивает Луис, обнимая меня за плечи. — Уже готова сбежать отсюда?

Выгибаю бровь, глядя на него.

— Эта Барби более стойкая, чем выглядит.

Мой ответ, похоже, забавляет его.

— Может, в конце концов, ты и выживешь.

Прежде чем мне удастся выдать еще один остроумный ответ, мое внимание переходит к входной двери, когда Гейб проходит через нее. Он и еще один парень помогают пожилой женщине в инвалидном кресле.

Толпа кружится вокруг нее, приветствуя объятиями и поцелуями.

— Расскажу тебе один секрет, — говорит Луис, шепча мне на ухо. — Если хочешь хороших отношений с этой семьей, тебе нужно произвести впечатление на нее. — Жестом указывает на милую старушку. — Она - глава этой семьи, и никого не принимают в семью без ее одобрения.

Отлично, а я-то думала, моей самой большой проблемой будет его мама.

— Дашь какой-нибудь совет? — с надеждой спрашиваю я.

— Поприветствуй ее на испанском, — говорит Матео. — Она это оценит. Особенно от белой девушки.

— Я не знаю испанского, — смущенно признаюсь я.

Луис качает головой, выглядя разочарованным во мне. Да я и сама ощущаю разочарование по отношению к себе. Мне действительно жаль, что я не уделяла больше внимания изучению

испанского. Если бы я только знала, что буду встречаться с горячим латиноамериканцем, я бы абсолютно точно приложила больше усилий.

— Ладно. Я тебе помогу, но не говори, что я ничего не сделал для тебя.

— Не буду, — сухо говорю я, пряча улыбку.

— Вот что тебе надо сказать: *hola, me encanta la verga de su nieto*.

Я открываю рот, в шоке смотря на него.

— Мне никогда это не запомнить.

— А надо бы. Бабушка не говорит по-английски, поэтому ты должна это сделать. Давай, скажи это со мной. *Hola, me encanta...*

— *Hola, me encanta*, — повторяю я.

— *La verga*.

— *La verga*.

— *De su nieto*.

— *De su nieto*.

— Хорошо, теперь скажи все это вместе.

Он просит меня повторить предложение несколько раз, пока не остается удовлетворенным моим произношением.

— Ну вот. У тебя получилось.

— Что именно я говорю? — спрашиваю я.

— Здравствуйте, приятно с вами познакомиться. У вас чудесный внук.

Киваю.

— Ладно, это хорошо.

— Идеально. А теперь иди, поздоровайся. Ты ей понравишься.

Делая глубокий вдох, я выпрямляю плечи и иду вперед, понимая, что Луис и Матео следуют за мной. Гейб поднимет взгляд на меня, стоя рядом с бабушкой. Волнение, пульсирующее во мне, является хорошим напоминанием о том, почему важно получить одобрение его семьи.

Его бабушка замечает, как я иду к ней, и улыбается. И это делает все намного проще. Улыбаясь в ответ, я протягиваю руку.

— Hola. Me encanta la verga de su nieto

Ее глаза расширяются от ужаса, и возмущенные вздохи наполняют комнату. Гейб закашливается, хватая ртом воздух. А когда я слышу, как Луис и Матео начинают хохотать, понимаю, что меня подставили.

— Луис! — Мама дает ему подзатыльник, выговаривая что-то по-испански.

Тепло растекается по моим щекам, сердце колотится так громко, что, клянусь, вот-вот выскочит из груди. Положа руку на сердце, бабушка продолжает разглядывать меня, и боюсь, у нее сейчас случится инфаркт.

Гейб встает рядом со мной, ухмылка красуется на его губах, когда он потирает челюсть.

— Что я только что сказала? — шепотом спрашиваю я, во рту сухо, как в пустыне.

Он наклоняется, прижимая губы к моему уху.

— Ты сказала, что любишь мой член.

— Боже мой, — выдыхаю я, и меня немного мутит. Я переживаю, что, если мне станет плохо перед бедной пожилой дамой, все станет еще хуже,

— Не волнуйся, Блондиночка. Это не твоя вина. — Гейб тянется через меня и сильно пихает Луиса.

Я прищуриваюсь, глядя на двух братьев, молча обещая им возмездие.

Луис пожимает плечами, дерзкая усмешка на лице.

— Просто хотел посмотреть, насколько ты на самом деле крута, Барби.

Он это обязательно выяснит.

Это... значит... война.

— Бабуля, это СиСи, — представляет меня Гейб, пытаюсь исправить причиненный мной ущерб.

— Здравствуй, СиСи, — приветствует она меня. Не считая сильного акцента, она хорошо говорит по-английски.

Вот лживые засранцы.

Пряча свое унижение, я снова протягиваю руку.

— Приятно с вами познакомиться. Простите за то, что сказала раньше.

— Не волнуйся, дорогая, — говорит она, сжимая мою руку своими двумя. — Кажется, мои внуки подставили тебя.

— Так и есть.

И они поплатятся за это.

— Хорошо, мальчики, отвезите бабулю на задний двор, — приказывает мать Гейба. — Дамы, которые помогают с ужином, пойдете готовить.

Я хватаю Гейба за руку, отказываясь отпустить его хоть на минуту. К сожалению, план проваливается, когда его мама останавливает меня, кладя руку мне на плечо.

— Милая, ты пойдешь с нами на кухню, и мы сможем узнать друг друга.

Ужас наполняет мою грудь. Мы с кухней не очень-то хорошо ладим.

Вместо того, чтобы озвучить свои мысли, я киваю и следую за ней на кухню, через плечо бросая нервный взгляд на Гейба. То, что он сексуально подмигивает мне, ни на йоту не ослабляет мое дурное предчувствие.

На маленькой кухне собралось, по меньшей мере, десять женщин, и все они привычно суетятся, пока я неловко стою в сторонке. К моему ужасу, стерва-бывшая среди них. Она смотрит на меня так, словно мне здесь совсем не место. И, будем надеяться, меня не попросят что-нибудь приготовить, иначе ее точка зрения будет доказана.

— Вот. Ты можешь порезать ингредиенты для моей домашней сальсы, — говорит Марисоль, подталкивая меня к столешнице, где разложено множество свежих овощей. — Начинай с кинзы. Это всегда самый важный ингредиент.

Мой живот напрягается, когда я раздумываю над тем, как, черт возьми, выглядит эта кинза. Ну, разве нельзя было попросить меня порезать помидоры?

Словно чувствуя мое замешательство, бывшая смотрит на меня со снисходительной ухмылкой на лице.

Игнорируя ее, я прочищаю горло и мою руки, а затем рассматриваю ингредиенты передо мной. Если бы я была кинзой, как бы я выглядела? Я знаю, что она зеленая, но проблема в том, что передо мной четыре разных зеленых ингредиента, и все они похожи друг на друга.

Действуя наугад, я выбираю один и хватаю нож, лежащий передо мной.

— О, нет, не эта. Это петрушка, — говорит одна из кузин Гейба.

Черт!

Бывшая смеется, заставляя меня чувствовать себя еще глупее.

Марисоль бросает на нее взгляд и подходит ко мне, кладя руку мне на плечо.

— Вот она, дорогая. — И передает мне то, что было моим вторым вариантом.

Застенчиво улыбаюсь ей.

— Прости. Я мало времени провожу на кухне.

Никогда раньше подобное не было для меня проблемой, но сейчас я чувствую себя неполноценной, что меня беспокоит.

— Не переживай. Вон Кармен не сможет ничего приготовить даже для того, чтоб выжить, — говорит она, хохоча над одной из кузин. — От ее Чили-кон-кесо ты надолго заболеешь.

Хихиканье наполняет кухню, когда Кармен шлепает тетю полотенцем.

— Ха-ха, очень смешно. У меня уже лучше получается. Спроси маму.

Я улыбаюсь, благодарная за такую передышку.

Марисоль ласково гладит меня по щеке.

— Если когда-нибудь захочешь научиться, позвони мне, —

говорит она. — Я покажу тебе, как готовить любимые блюда моего Габриэля.

— С удовольствием. — На самом деле готовка меня несколько не интересует, но ради возможности научиться готовить любимую еду Гейба, я готова испортить свой прекрасный маникюр.

— Хорошо. — Улыбаясь, она возвращается к своей задаче, в то время как я начинаю измельчать кинзу, надеясь, что не испорчу ее.

— Расскажи нам о своем бутике, СиСи, — говорит тетя Камила. — Где он?

— В верхнем Ист-Сайде. Над Окбрук.

— Оу, прекрасная часть города.

— Так и есть, — соглашаюсь я. — Я выросла недалеко от этого места.

— Какой сюрприз, — бормочет Каталина, но мы все отлично ее слышим.

Я стискиваю зубы, борясь с желанием выцарапать ей глаза. Она та еще заноза в заднице.

— Что именно ты там продаешь? — спрашивает другая тетя, пытаюсь скрыть явную напряженность.

Я подыгрываю ей, понимая, что сейчас не подходящее время для конфликта.

— Всё, начиная с дизайнерских сумочек и заканчивая обувью и одеждой. Мне так же одобрили кредит на расширение мужской линии. Передать не могу, как я этому рада.

— Судя по твоим словам, место просто замечательное, — говорит его мама.

— Спасибо. Так и есть. Бутик очень много для меня значит.

— Как называется магазин? — спрашивает одна из кузин. — Может, я как-нибудь заскочу туда.

— Была бы рада. Он называется «Кенсингтон Палас».

Стерва-бывшая фыркает, снова добавляя неловкости.

— Каталина, — мать Гейба рывкает ее имя, ярость слышна в ее голосе. — Ты можешь идти обратно. У нас здесь все отлично и нам

больше не нужна помощь.

Она оглядывается на Марисоль, боль от того, что ее отсылают, искажает ее лицо.

— Ты уверена? Я почти закончила с Тамале.

— Оставь. Мы сами закончим.

Она сжимает губы и пристально смотрит в мою сторону, прежде чем вылететь из кухни. Тишина наполняет маленькую комнату, делая ситуацию ещё более странной.

— У меня такое чувство, что она не станет обедать со мной в загородном клубе, — говорю я, надеясь разрядить обстановку.

К счастью, это срабатывает.

Все женщины начинают смеяться, разделяя мою шутку, и атмосфера опять становится непринужденной.

— Не переживай о Кат, — подходя ко мне, шепчет Ариадна. — Ей всегда очень сильно нравился Гейб.

Я уже поняла, но это информация все же заставляет меня ревновать, от чего моя кровь кипит.

— У них все было серьезно? — не в силах сдержаться, спрашиваю я.

Она качает головой.

— Не так серьезно, как ей хотелось бы.

От этого мне становится немного лучше.

— Не переживай о моих чувствах, — говорю я. — Меня не так уж легко смутить.

— Вижу. Если бы со мной проделали тот фокус с приветствием бабули, я бы выбежала из дома в слезах.

Другая женщина усмехается, явно слушая наш разговор.

Я качаю головой, снова испытывая унижение.

— Мне никогда не удастся исправить первое впечатление о себе.

— Дай-ка я тебе кое-что скажу, — говорит Марисоль. — Мои мальчишки полны дерьма, особенно Луис. В следующий раз, когда захочешь сказать что-то по-испански, приходи ко мне. Я переведу.

— Очень ценю это, но поверьте, я не стану повторять эту же ошибку.

Эти маленькие паршивцы заплатят. Мне просто стоит дождаться подходящей возможности.

Закончив кромсать овощи, я спрашиваю, где находится ванная, и иду освежиться. Пользуясь случаем, наношу слой блеска для губ и придаю волосам дополнительный объем. Выходя из ванной, я готова встретиться с большой толпой на заднем дворе. Но стоит мне подойти к комнате, я слышу оживленный спор, в котором упоминается мое имя.

— Не понимаю, что ты с ней делаешь. Что пытаешься доказать?
— Противный голос принадлежит ни кому иному, как стерве-бывшей.

— Мои отношения с СиСи не твоё чертовое дело, — тон Гейба грубый от злости.

— Она совсем далека от твоего типа, и ты это знаешь. Она полный ноль на кухне, даже с твоей матерью и тетями.

Стараюсь не позволить этому замечанию ужалить меня, потому что, к сожалению, она права.

— Ну и что с того?

— А её дизайнерские туфельки и сумочки не вписываются сюда. Зачем ты тратишь на неё время?

У меня кровь кипит от её нахальства. Вот бы посмотреть, как мои туфельки впишутся в её задницу!

— Предупреждаю, Каталина, отвали. Ты не знаешь ни меня, ни что именно я хочу.

— Вероятно, ты прав. Кажется, ты больше похож на своего отца, чем мы все думали.

Холодная тишина повисает в комнате, и, клянусь, температура воздуха действительно падает. До того как я даже успеваю подумать, что означает её ремарка, Гейб отвечает, голос прям-таки сочтись презрением:

— Убирайся из моего дома.

— Прости?

— Ты меня слышала. Тебе здесь не рады.

— Меня пригласили.

— Пригласили твоих родителей.

— А они не смогли прийти. Так что я здесь от их имени. Кроме того, это дом твоей матери.

— Я оплачиваю все счета, и лучше бы тебе уйти прямо сейчас или я лично вышвырну тебя.

Думаю, если она не воспользуется советом, мои Jimmy Choo с радостью подтолкнут ее задницу к выходу.

— Да мне все равно. Не говори, что я тебя не предупреждала.

Я прижимаюсь к стене, оставаясь вне поля зрения, когда она выбегает из комнаты, направляясь к входной двери. Слышу, как Гейб громко выдыхает, и решаю дать ему немного уединения, прежде чем войти. Он стоит спиной ко мне, плечи напряжены, когда он проводит рукой по волосам.

— Да уж, а она милая, согласен? — говорю я, сообщая о своём присутствии.

Он резко поворачивается, выражение лица смягчается.

— Привет, Блондиночка.

— Привет. — Улыбаюсь я, надеясь немного ослабить его напряжение.

— Долго ты здесь стоишь?

— Достаточно долго, — честно признаюсь я. — У меня такое чувство, что я ей не нравлюсь.

Он сокращает дистанцию между нами, притягивая меня в свои объятия.

— Забудь. Она та ещё стерва.

— Согласна, но ведь она права.

Он прищуривается.

— О чем?

— Что я не очень-то вписываюсь сюда, особенно на кухню, — шепчу я. — Я не умею готовить, Гейб. В моем ящике на кухне куча

меню с доставкой. Вот так я выкручиваюсь.

— Тогда, полагаю, хорошо, что я умею готовить.

Его попытка облегчить ситуацию не удаётся, потому что суровая правда не исчезает. Мне никогда не стать похожей на тех женщин на кухне.

— Посмотри на меня, — приказывает он, заставляя меня посмотреть ему в глаза. — Мне плевать на это. Не надо мне ничего готовить. Я в состоянии сам приготовить себе еду, а еще и тебя накормить.

У меня на душе становится тепло, и его слова смывают то чувство незащитности, которое у меня было. Улыбаясь, я обнимаю его за талию.

— Мы ведь полная противоположность друг другу. Ты это знаешь, да?

Он обнимает меня сильнее.

— Да, Bella. Мы абсолютно разные, но как-то сочетаемся. — Его теплые, карие глаза смотрят прямо на меня, пока он наклоняет голову. Губы опускаются на мои по-настоящему красивым поцелуем, который заставляет землю под моими ногами закачаться.

Он прав. Мы подходим друг другу. Ничего никогда раньше не ощущалось более правильным.

К тому времени, как он отстраняется, я задыхаюсь, лёгкие жаждут глотка воздуха.

— Давай-ка пойдём, поедим. Чем быстрее справимся, там быстрее останемся наедине, и ты будешь только моя.

От его властных слов бабочки порхают у меня в животе. Беря меня за руку, он тащит меня на задний двор, где вечеринка в самом разгаре. Все дети играют с разбрызгивателем, бегая в купальных костюмах, а взрослые разделились на небольшие группы и общаются друг с другом.

Тётя Камила приносит мне одну из своих «Маргарит».

— Сберегла ее для тебя. Первая партия всегда быстро расходуется.

— Спасибо. Очень ценю, что вы прикрываете меня.

Она легонько пихает меня в плечо.

— Покажи им, из какого теста ты сделана.

Улыбаясь, я делаю большой глоток, наслаждаясь жидкостью. Проходит немного времени, как вокруг Гейба и меня собирается толпа, большинство из них - его кузины. Их разговор наполнен смехом, когда они поддразнивают друг друга.

Достаточно очевидно, что эта большая семья очень близка. Совсем не так, как та семья, в которой выросла я. Наши семейные встречи были очень малочисленными. Никаких тетушек, дядей или кузенов с кузинами. Только мы втроем. И, хотя я бы ни за что не променяла своих родителей на кого-то другого, я не могу не задаваться вопросом, а что, если я многое пропустила, особенно, если дело касается братьев и сестер.

Чувствуя, как кто-то дёргает меня за руку, я смотрю вниз и вижу Милию, влажные волосы спутаны вокруг маленького личика.

— Хочешь посмотреть, как я делаю «колесо» над разбрызгивателем?

— С удовольствием.

Отпуская руку Гейба, я иду за ней к воде и смотрю, как восхитительно она выполняет трюк.

— Вау, у тебя классно получается.

— Спасибо, — отвечает она с сияющей улыбкой. — Я занимаюсь гимнастикой.

— Я так и поняла. Я тоже занималась в детстве.

— Правда? — спрашивает она, глаза загораются восхищением.

Я киваю.

— Я даже была капитаном команды чирлидерш в старших классах.

— Я тоже хочу стать капитаном.

— Тогда продолжай делать «колесо» как сейчас и у тебя не будет с этим проблем.

Она делает еще одно, и некоторые из ее кузин следуют ее примеру, все они хотят показать мне свои трюки. От чего я улыбаюсь

и размышляю о том, как в их возрасте будет выглядеть Роза.

Она будет самым модным ребёнком в округе, если у ее тети будет слово в этом вопросе, это уж точно.

Смех привлекает мое внимание к небольшой группе парней слева от меня, один из них - Луис. Усиленно жестикулируя, он рассказывает всем историю, которая заставляет остальных практически умирать со смеху.

Когда я смотрю на разбрызгиватель недалеко от меня, у меня появляется идея.

Время взять реванш.

Опускаясь на колени, я спрашиваю у девочек:

— Можно я позаимствую его ненадолго?

— Конечно, — говорит Милия.

— Спасибо. — Наклоняю разбрызгиватель в сторону и отвинчиваю шланг, затем сгибаю его, чтобы прервать поток воды. Сделав это, снимаю туфли, зная, что мне нужно быть бесшумной и быстрой.

Маленькие девочки следуют за мной, в то время как я держу шланг в руке, таща его за собой, пока приближаюсь к группе. Останавливаюсь прямо за Луисом и стучу его по плечу.

Он оборачивается: на лице та же высокомерная усмешка, которую я много раз видела у его брата.

— Что случилось, Барби? Пришла, взять еще пару уроков испанского?

— Вообще-то да. Я тут подумала, а как по-испански будет месть?

Прежде чем он успевает ответить какую-то дерзость, я вытаскиваю шланг из-за спины и нажимаю большим пальцем на сопло, распыляя на него воду.

— Вот дерьмо!

Вся группа разбегается, выбегая с линии огня, когда Луис поднимет руку. Мне удастся намочить центр его джинсов, прежде чем он ускользает от моего гнева.

Я бросаю шланг на землю и прикрываю рот, симулируя шок.

— Ой! Девочки, вы только посмотрите, похоже, с дядей Луисом произошла небольшая неприятность.

Все гости начинают смеяться, когда девочки подпрыгивают вверх-вниз, указывая на Луиса.

— Тiо намочил штанишки, Тiо намочил штанишки, — повторяют они, издеваясь над ним.

Луис прищуривается, глядя на меня, но меня это ни капли не смущает.

Приподнимая бедро, я перебрасываю волосы через плечо.

— Можешь звать меня мстительная Барби.

Дьявольская ухмылка появляется на его губах.

— Тогда уж не обессудь, chіca.

В ту же секунду, когда он тянется ко мне, я со всех ног бросаюсь направо, ноги скользят по мокрой траве. Милия кричит, чтобы я бежала быстрее. Оглядываясь через плечо, вижу, что Луис практически наступает мне на пятки. Изменяю направление и проскакиваю под его рукой, снова ускользая от него.

Взрыв аплодисментов слышится в воздухе, подбадривая меня. И это стоит того. Однако понимаю, мое время на исходе.

Луис хватается за запястье и дергает назад, его руки удерживают мою талию. Смеясь, я борюсь, чтобы освободиться, когда он несёт меня к ожидающему шлангу, но удача не на моей стороне.

— Милия, быстрее хватай шланг, чтобы он не успел.

Моя милая маленькая партнерша по преступлению бежит за ним, но недостаточно быстро. Матео хватается шланг первым и передает его Луису.

Маленький паршивец. Надо добраться и до него.

Держа шланг над моей головой, Луис поливает меня водой. Я кричу и смеюсь, умоляя о пощаде.

Только через несколько мгновений он, наконец, освобождает меня, отбрасывая шланг в сторону. Я выжимаю волосы, и у меня

немного колет в бок от такого безумного смеха.

Луис обхватывает меня за плечи и тянет к себе.

— Добро пожаловать в семью, Барби.

С улыбкой смотрю на него, его слова стоят того, что я вымокла и мне холодно. Мои глаза находят Гейба, он стоит среди группы людей там, где я его и оставила. На губах намек на ухмылку, но в его взгляде есть нечто большее, то, от чего мое сердце пропускает удар.

Лишь видя один этот взгляд, я понимаю, что все минуты унижения, которые я пережила сегодня, стоили того.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТЬ

Гейб

К тому времени, как мы добираемся до моего таунхауса, солнце уже садится. Похоть пульсирует по моим венам, когда мы идем по дорожке к моей двери, присутствие СиСи рядом не помогает моему самообладанию. Я всю неделю думал об этом. Времени, когда мы, наконец, останемся одни, и я смогу прикоснуться к ней и попробовать на вкус каждый дюйм ее тела.

Тонкие прядки волос все еще прилипают к ее шее, а по-прежнему влажный наряд демонстрирует все невероятные округлости, которые она скрывает под ним.

Гордость наполняет мою грудь, когда я вспоминаю, как она сражалась с моими братьями. И, должен признать, она отлично уделала Луиса. Моя семья заужала ее, и я тоже стал уважать ее еще больше. Черт, да к тому времени, как все было сказано и сделано, даже бабуля улыбалась. Она идеально вписалась в нашу компанию.

И чувствовала себя в своей тарелке.

Когда мы делаем последние шаги к двери, ее сладкий запах наполняет мой нос, каждое легкое прикосновение ее плеча к моему, словно сжигает меня изнутри.

Отпирая дверь, я отодвигаюсь, чтобы она вошла внутрь, а затем

включаю свет. Она снимает туфли и идет дальше, исследуя мою обитель.

Моя квартира скромная. Простая. Далека от того, к чему она привыкла, но она моя. Эта квартира была изъята за долги, а я выкупил ее у банка и привёл в порядок.

— Давно ты здесь живешь? — спрашивает она.

— Около четырех лет.

— Мне нравится. — СиСи обходит журнальный столик, проводя пальцами по блестящему дереву. — Она тебе подходит. Очень... мужская.

— Ну, мне нравится делать свойственные мужчинам вещи.

Улыбаясь, она подходит к камину и берет фотографию, на которой мы с братьями веселимся на свадьбе моего кузена прошлым летом.

— Твоя мама наверняка едва в состоянии справиться с вами, мальчишками.

Ядвигаюсь, вставая за ней, обнимаю ее за талию и целую в щеку.

— Она в состоянии справиться с нами. Мама крепче, чем все мы вместе взятые.

— Согласна, — говорит она, расслабляясь в моих руках. — Сегодня вечером я действительно отлично провела время. Спасибо, что пригласил.

— В любое время, Блондиночка, но думаю до следующего семейного торжества нам надо поработать над твоим испанским.

Она смеется, звук отдает вибрацией у меня в груди.

— Поверить не могу, что эти маленькие паршивцы так поступили со мной. Я думала, у твоей бедной бабушки случится сердечный приступ.

— Бабуля знает, какие они. Она вполне способна пережить такое.

СиСи поворачивается ко мне лицом, обнимая меня за шею. Я притягиваю ее ближе, моя рука лежит чуть выше изгиба ее попки.

Идеальное место.

— Научи меня, как сказать что-нибудь по-испански, — шепчет она.

Я поднимаю бровь, удивленный ее просьбой.

— Сейчас?

— Да, сейчас.

— Что именно ты хочешь знать?

— Хм. — Она размышляет пару секунд, прежде чем удостоить меня нахальной улыбкой. — Как насчет: я думаю, ты горячий.

— Yo creo que tú estás buenísimo.

— О, так мило с твоей стороны сказать такое, спасибо, — поддразнивает она, считая себя чертовски забавной.

Хмыкаю.

— Я уже говорил тебе, поэтому я так тебя и называю, Bella.

— Ммм, да, верно, — она быстро целует меня в губы. — Мне нравится, когда ты меня так называешь. Так сильно, что я подумываю о том, чтобы сменить имя.

— Не делай этого, Блондиночка. Никому нельзя называть тебя так, кроме меня.

Улыбка появляется на ее красивых губах, она смотрит прямо на меня.

— Yo creo que tú estás buenísimo, — она повторяет предложение, обращаясь ко мне, голос низкий и чувственный, заставляет кровь в моих жилах кипеть.

— Ты можешь говорить такое только мне, понятно? — властное предупреждение превращается в рык при мысли о том, что она может адресовать эти слова кому-то другому, и я прихожу в ярость.

— Всегда только тебе, — поднимаясь на цыпочки, она дразнит меня, едва прикасаясь губами к моим губам. Мои руки сжимают влажную ткань ее наряда, и мне приходится задействовать каждую каплю контроля, которая у меня осталась, чтобы не сорвать его с ее тела.

Атмосфера между нами накаляется, мой голод и желание

обладать ею с каждой секундой становятся все сильнее и сильнее.

— А как сказать: поцелуй меня? — шепчет она.

Если бы мой член уже не был возбужден, теплое дыхание, которое я ощущаю на губах, сделало бы свое дело. Я глажу ее попку, сжимая мягкую плоть.

— Besame.

Ее глаза сосредоточены на мне, напряжение между нами сильнее, чем когда-либо.

— Bésame. — Единственное слово звучит как горячая мольба и уничтожает оставшийся у меня контроль.

Рыча, я сокращаю дистанцию между нами, и губами заявляю свои права. Овладевая, доминируя. Точно так же, как я планирую поступить с ее телом.

Сексуальные стоны вырываются из ее горла, и я поглощаю каждый из них, ощущая опьянение от своей собственной примитивной нужды.

Она тянет вверх мою футболку, ее пальцы очень настойчивы. Я отклоняюсь назад достаточно, чтобы помочь ей стянуть с меня футболку через голову, и мы снова начинаем целоваться. Ее руки исследуют мою грудь, опускаясь ниже, мышцы пресса сокращаются под ее теплыми ладонями. Она добирается до пуговицы моих джинсов и, не теряя времени, расстегивает ее.

— Черт подери, Bella. Тебе это нужно так же сильно, как и мне, да?

— Наверное, даже больше, — признается она.

Ни единого чертового шанса. Она необходима мне как воздух, которым я дышу.

Как только я опускаю руки на лямки ее наряда, она опускается передо мной на колени. Похоть разливается по моим венам, когда она смотрит на меня соблазняющим взглядом.

Порочно улыбаясь, СиСи тянет мои джинсы вниз, чтобы освободить изнывающий от желания член. Шипение вырывается из моего горла, когда она оборачивает пальцы вокруг моей плоти, настойчиво поглаживая от основания до кончика. А затем высовывает

язычок, чтобы смочить губы, дразня меня и насмехаясь.

— Не вздумай шутить со мной, СиСи. Возьми его в рот.

Приказ, кажется, лишь забавляет ее.

— Не терпится, Гейб?

— Мне всегда не терпится, когда дело касается тебя.

Ее улыбка становится мягче, а затем она наклоняется и берет меня глубоко в свой горячий, влажный ротик.

— *Sarajo! Трахни меня.* Проклятие слетает с моих губ, и я рискую упасть от ощущения ее языка на своем члене.

Провожу пальцами по ее волосам, когда она берет меня так глубоко, как может, прежде чем вернуться обратно к головке.

— Хорошая девочка. Да, да, соси мой член вот так, — стону я.

Она подползает на коленях чуть ближе, желая угодить мне. Язык кружит вокруг кончика, показывая мне шоу, прежде чем снова берет меня глубоко в рот.

— Черт побери, Bella, так хорошо, — произношу сквозь зубы, челюсть напряжена от того, как сильно я сдерживаю себя. — Ты выглядишь очень красиво с моим членом во рту. — Я зарываюсь пальцами ей в волосы, оттягивая голову назад, чтобы она взяла меня еще глубже.

Она хнычет вокруг моего ствола, дыхание становится прерывистым.

— Больше? — спрашиваю я, мой голос грубый.

Она мурлычет в ответ, потребность, отражающаяся в ее глазах, соответствует той, которая согревает мою кровь.

Я дергаю бёдрами вперед, кончик члена ударяет о заднюю стенку ее горла, пока я погружаюсь глубже. Она расслабляет челюсть, отдавая мне контроль.

— Вот это моя девочка, возьми меня. Возьми целиком.

Она так и делает. Каждый гребаный дюйм. Работает усердно и сосет меня сильнее, пока я толкаюсь быстрыми и резкими движениями.

Ощущая, что приближаюсь к краю, я пытаюсь отступить назад,

но она не позволяет.

— Я сейчас взорвусь, Блондиночка. Если не хочешь, чтобы моя сперма оказалась в твоём ротике, лучше бы тебе отодвинуться.

Она стонет, прося об этом.

От ее энтузиазма огонь скользит вниз по моему позвоночнику, и я с рыком кончаю, член пульсирует, когда она глотает каждую каплю.

Это самая охрененно горячая вещь, которую я видел.

Она освобождает меня от жара своего рта и с нахальной улыбкой облизывает губы.

Что лишь подпитывает темный голод, продолжающий бушевать внутри меня. Опускаясь вниз, я поднимаю ее на ноги и поворачиваю, прижимаясь грудью к ее спине.

Плечи поднимаются и опускаются, пока она тяжело дышит, в то время как я опускаю лямки ее комбинезона вниз по рукам, толкая его к талии. Мои руки проходятся по плоскому животу, двигаясь к передней застёжке лифчика. С помощью ловких движений моих пальцев, ее тяжелая грудь опускается в мои ждущие руки.

Постанывая, она опускает голову мне на плечо, выгибаясь от моих прикосновений.

Я поднимаю палец к ее рту, скользя им между губами.

— Соси.

Она кружит языком по нему так же, как делала с моим членом. А затем я использую его, чтобы поддразнить твердый маленький сосок, чувствуя, что он напрягается ещё больше.

— Гейб. — Мое имя слетает с ее губ горячим стоном.

Я поворачиваю рот к ее уху, губы касаются нежной кожи.

— Положи руки на каминную полку.

СиСи дрожит, следуя моему приказу. Я раздеваю ее до конца, мягкий материал падает к ее ногам.

— Выйди.

Она подчиняется.

— Ты сегодня такая послушная, Bella.

— Ты не представляешь, насколько я могу быть послушной, если знаю, что получу награду, — признается она, быстро дыша от нетерпения.

— Поверь мне, детка, ты получишь награду.

Раздвигаю ее ноги шире. От чего зарабатываю еще один глубокий стон. Прижимаюсь губами к ее плечу, двигаюсь по позвоночнику, пока не опускаюсь на колени позади нее. Ее симпатичная попка, едва прикрытая розовым кружевом, манит меня. Мои пальцы скользят по краю, заставляя трусики медленно опуститься вниз по ее ногам.

Я сжимаю крепкие круглые половинки, массируя мягкую плоть.

— Охрененно красиво, как и вся ты, — отводя руку назад, я звонко шлепаю сливочную плоть.

Ее крик разносится по комнате, эхом отдаваясь в каждой клеточке моего тела.

— А с отпечатком моей ладони ещё лучше, — бормочу я, успокаивая красную отметину.

— Ещё, — тяжело дыша, произносит она, толкаясь назад в поисках большего.

Шлепая другую половинку, я даю ей то, чего она хочет.

Еще один крик вырывается из нее, подпитывая потребность, кипящую у меня в крови. Повернувшись, я располагаюсь у нее между ног, голая, блестящая от желания киска в нескольких дюймах от моего рта. Я использую пальцы, чтобы открыть ее, сладкий запах заполняет мой разум.

— Пожалуйста. — Мольба слетает с ее губ, ее желание вторит моему собственному.

— Хочешь, чтобы мой рот снова оказался на твоей киске, детка?

— Очень хочу, — стонет она, толкаясь бёдрами мне в лицо.

Погружаю палец в ее узкую щёлочку, поглаживая пульсирующий клитор. Ее тело дрожит, бедра дергаются, толкаясь к моему ожидающему рту.

— Перестань дразниться, Гейб.

Ее мольба - моя погибель. Опускаю рот на ее плоть, ее вкус взрывается на моем языке и мчится по венам.

— Да! — Она хватается меня за волосы и с силой тянет их, пока трахает мой рот, не стыдясь беря то, что хочет.

Я пожираю ее, словно гребаное животное, мой язык проходится по ее клитору, затем в тугую дырочку, пока палец движется позади нее, поддразнивая запретную зону.

— О, черт! — Ее колени почти подгибаются, пальцы еще больше напрягаются в моих волосах. — Больше не могу. Я сейчас кончу.

Рычание вырывается из моей груди. Я облизываю клитор, всасывая его, пока пальцем проникаю в тугую попку. И эта комбинация отправляет ее через край.

Ее крики удовольствия наполняют мою грудь, принося удовлетворение той части меня, которую я никогда не знал. То глубокое место, куда может добраться лишь она.

Когда она перестает дрожать, я поднимаюсь вверх, целую ее тело, лелея каждый участок кожи, пока не встаю на ноги. Поворачиваю ее голову, набрасываясь на ее рот в горячем поцелуе.

— Bella, только посмотри, как ты хороша на вкус. Я бы мог часами есть твою киску и никогда бы не устал, но прямо сейчас мне необходимо быть внутри тебя.

Нагнувшись, я подхватываю ее, поднимая вверх. Она обхватывает ногами мою талию, голая киска скользит по моему животу, когда она оставляет горячие поцелуи на моей челюсти.

Мои шаги быстры, когда я спешу к лестнице, готовый бросить ее на кровать и погрузиться в нее. Я дохожу лишь до второй ступеньки, когда она ерзает на мне, гладкая киска дразнит кончик моего члена.

— Гейб, здесь... сейчас, — стонет она.

Рычание вырывается из моей груди, когда я резко опускаю ее на спину и погружаюсь глубоко в нее. Огонь проносится по телу, ее вздох и мой стон смешиваются в горячем воздухе между нами.

— Черт, Блондиночка. Клянусь, ты создана лишь для меня.

— Боже, так хорошо, — стонет она.

— Охрененно хорошо.

Опираясь одной рукой на ступеньку над ней, я жестко и быстро трахаю ее, освобождая голод, росший всю неделю.

Каждый день.

Каждую секунду.

Я жажду ее.

Она принимает каждый дюйм, крича от жажды большего, пока впивается ногтями мне в плечи.

— Тебе нравится, когда мой член вколачивается в твою киску?

— Боже, да.

Признание лишь усиливает мою потребность в ней. Наши тела шлепают друг о друга, языки сражаются в яростной схватке за власть. Её жар сжимает меня, наслаждаясь каждым моим безумным толчком. От чего я приближаюсь к краю, понимая, что долго не продержусь.

— Ты со мной, Bella? — Дрожу я, пытаюсь сдержаться.

Она смотрит мне в глаза.

— С тобой.

В этот момент все меняется. Наши глаза не отрываются друг от друга, пока мы оба устремляемся к краю. Звуки удовольствия и необходимости сливаются вместе в горячем огне, и нет ни единого шанса, что хоть один из нас после этого будет прежним.

Я первым разрываю связь, утыкаясь лицом ей в шею, пытаюсь понять, что, черт возьми, она делает со мной. Осознать чувства, которые она вызывает.

СиСи обнимает меня сильнее, притягивая в место, где я мог бы жить вечно.

Как только мы восстанавливаем дыхание, я снова подхватываю ее на руки и продолжаю нести по лестнице, направляясь прямиком в душ. Там я мою ее тело, поклоняясь, исследуя и запоминая каждый изгиб.

Вина наполняет меня, когда я вижу ожог от коврового покрытия на ее спине, мои пальцы нежно касаются красной отметки.

— Больно?

— Нет, — бормочет она, откидываясь на меня. — Но даже если

бы и так, оно бы того стоило.

Удовлетворенный этим ответом, я заканчиваю мыть ее, а затем несу в постель. Она ложится рядом, кладя голову мне на грудь.

Минуты проходят, пока мы лежим вместе в комфортной тишине, мои пальцы скользят вверх и вниз по ее мягкой коже, пока ее путешествуют по моей груди. В конце концов, она тянется за моей свободной рукой и скользит ладонью в мою, переплетая наши пальцы.

— Хочешь знать, что мне нравится в нас больше всего?

— Что? — бормочу я.

— Как наша кожа смотрится рядом, — тихо говорит она. — Твоя - цвета меда, а моя - светлая.

Я никогда не замечал этого раньше, но теперь, когда она упоминает об этом, я вижу поразительный контраст. Ее безупречная фарфоровая кожа рядом с моей бесспорно... идеальна.

— Это довольно круто, — соглашаюсь я. — Хотя, полагаю, все, что касается нас, потрясающее.

— Больше, чем круто, это красиво, — шепчет она, и от этого все меняется.

Я переворачиваю ее и сажусь между ее ног, мое твердое тело прижимается к ее мягкому.

— Это потому, что ты прекрасна, каждый дюйм тебя идеален, — касаюсь ее губ своими в быстрой ласке.

Улыбаясь, она проводит рукой по моему лицу.

— Хочешь знать, что мне ещё в тебе нравится?

— Мой потрясающий характер и безумно сексуальное тело?

Она хихикает, мой любимый звук.

— Кроме этого.

— Что, Bella? — спрашиваю я.

— Прозвучит немного дико, но я странно очарована твоей челюстью, — говорит она, проводя пальцами по моему подбородку. — Не знаю почему, но мне очень сильно хочется укусить ее.

Удивительное признание заставляет меня рассмеяться.

— Я серьёзно. Потрясающая линия челюсти. Прямо-таки создана для обложки GQ.

— Что ж, если это тебя утешит, я одержим твоей попкой и всегда хочу прикоснуться к ней.

— Боже, спасибо, — отвечает она с большой долей сарказма, но при этом смеётся.

Мои пальцы поднимаются к ее раскрытым губам, прослеживая контур.

— Но больше всего мне нравится твоя улыбка.

Выражение ее лица смягчается, и она улыбается именно той улыбкой, о которой я говорю, заставляя меня чувствовать то, что я не могу объяснить.

— Это было приятно, Пожарничек, — шепчет она, притягивая меня вниз для поцелуя.

Пара секунд, и я снова в огне. Потянувшись вниз, я скольжу членом между мокрыми складочками, обнаруживая, что она готова. На этот раз я вхожу в нее гораздо нежнее, медленно дуюм за дюймом наполняя ее.

Ее дыхание прерывистое, ногти царапают мою спину.

— Боже, как же мне нравится быть внутри тебя.

Если бы она только знала, что я чувствую. Постоянная потребность, которую я испытываю, касается не только ее тела, но и ее улыбки, смеха и сердца.

Эта мысль заставляет меня произнести слова, которые лишь я могу понять.

— Me estoy enamorando, Bella, muy profundamente. *Я влюбляюсь Bella и очень сильно.*

Ее лицо смягчается, когда она поднимает на меня глаза.

— Ты не переведешь мне, что только что сказал?

В ответ лишь ухмыляюсь.

Однажды я повторю ей это по-английски, но не сейчас. Вместо этого, с каждым толчком, поцелуем и прикосновением, я показываю

ей то, что не могу заставить себя произнести вслух.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТЬ

CuCu

— Курицу надо варить до тех пор, пока она не станет мягкой настолько, что ее можно будет размять вилкой, — объясняет Марисоль, вытаскивая куриную грудку из кипящей кастрюли и помещая на разделочную доску. Она берет вилку и зубцами снимает с мяса шкурку. — Видишь, как легко теперь разобрать ее на кусочки?

Я киваю и притворяюсь, что все понимаю, на самом деле стараясь не вспоминать, как выглядел этот кусок мяса, прежде чем она его сварила.

От чего вздрагиваю.

Засовываю подальше свое отвращение, потому что это для Гейба. Мужчины, который владеет не только каждым дюймом моего тела, но и моим сердцем. За очень короткий промежуток времени он стал много значить для меня, и я обнаружила, что хочу выйти из зоны комфорта, сделав для него что-то особенное. Что-то такое, что я никогда раньше ни для кого не делала. А это значит - научиться готовить его любимую еду. Сегодня вечером, после того, как он закончит смену, я собираюсь удивить его.

Марисоль пихает вилку мне в руку.

— Продолжай разбирать на кусочки, а я соберу остальные наши ингредиенты.

Стараюсь подавить отвращение при виде того, насколько этот кусок твёрдый. У меня никогда не было проблем с мясом, но это было до того, как я увидела его сырым.

— Вот так? — спрашиваю я, показывая ей, чтобы убедиться, что все не испорчу.

— Да, идеально, — хвалит она, похлопывая меня по плечу.

Чувствуя гордость, я продолжаю вверенную мне задачу.

— Еще раз спасибо, что помогаете мне. Мы с мамой близки, но

она так же далека от готовки, как и я. Мы можем сходить вместе за покупками, но уж точно не в состоянии ничего приготовить.

— Не надо меня благодарить. Я очень обрадовалась, когда ты позвонила, и, уверена, Гейбу понравится такой сюрприз.

Ее воодушевление передаётся мне.

— Знаешь, а ты ему очень нравишься, — добавляет она, ее всезнающие глаза ищут мои.

— Вы так думаете?

— Я знаю. Видела, как он смотрел на тебя, когда ты играла с детьми. В его глазах была написана любовь.

Надежда наполняет мою грудь, распространяясь по всему телу. Этот мужчина начинает нравиться мне все больше и больше, так что ее слова очень важны для меня.

— Он сказал, что вы двое познакомились во время пожара, — говорит она, пытаясь выведать больше информации.

— Так и есть, но, поверьте, наша первая встреча была далеко не милой. Гейб думал, что я высокомерная, испорченная богатая девушка. А я и представить не могла, что пойду с ним на свидание, — разглагольствую я, со смехом вспоминая ту первую ночь.

Как все изменилось.

— К сожалению, это меня не удивляет, — вздыхает она, в ее голосе слышны печальные ноты. — Все из-за его собственных проблем. Ты здесь ни при чем.

Мое любопытство усиливается.

— Что вы имеете в виду?

Повисает тишина, прежде чем она смотрит на меня, ее взгляд полон боли.

— Он рассказал тебе о своем отце?

— Нет. Я спрашивала раньше, но он сказал, что это запретная тема. Так понимаю, у них напряженные отношения? — интересуюсь я, хотя мне не следует этого делать. Последнее, что я хочу, это предать доверие Гейба, но я бы солгала, если бы сказала, что мне не любопытно узнать больше, особенно после ее комментариев.

Она снова смотрит на свои руки, пока продолжает резать овощи, звук ножа, скользящего по разделочной доске, заполняет напряженную тишину.

Я начинаю чувствовать себя плохо и думаю, что позволила себе слишком много, но, прежде чем успеваю извиниться, она говорит:

— Отец Габриэля оставил нас, когда Луис был младенцем. Он влюбился в другую женщину.

Моя вилка замирает, как и сердце, когда я слышу боль в ее голосе.

— Она очень богатая. Мой муж работал у нее садовником, а я убирала дом.

Боже мой.

Гнев наполняет мою грудь, и мне хочется защитить эту семью.

— Он ушел от нас, не оглядываясь. Мы не видели его почти пятнадцать лет.

— Мне очень жаль, — шепчу я и тянусь, чтобы коснуться ее руки.

Она, наконец, смотрит на меня, и в ее глазах видны непролитые слезы. Очевидно, что даже по прошествии такого количества времени, она все еще страдает из-за этого.

— Вероятно, мне не стоит рассказывать тебе об этом, но, зная моего сына, он сам никогда не поведаст тебе эту историю. Гейб не любит говорить о нем. То время для нас было очень тяжелым, и нам было очень больно, но Габриэлю было больнее всего. Они с отцом были очень близки, и когда он ушел вот так... — она качает головой. — Габриэль изменился.

При мысли о том, что Гейб страдает, мое сердце начинает болеть. Я абсолютно точно могу понять, каково это, так неожиданно потерять отца.

— Он справился и стал главным мужчиной в доме, даже если ему было одиннадцать. Он косил газоны и делал все, что мог, чтобы оплачивать счета. Если бы не Гейб, наша семья не смогла бы жить так, как жила. Даже сейчас он по-прежнему заботится о нас, — говорит она, слабая улыбка появляется на ее губах. — Знаешь, он оплачивает мое обучение. Чтобы я смогла осуществить мечту и стать

учителем.

Улыбаюсь ей в ответ.

— Он говорил об этом.

И, конечно же, скрыл важный факт, что он платит за обучение.

— Я считаю, это восхитительно, что вы следуете за своей мечтой, — говорю ей.

— Спасибо, но у меня бы ничего не получилось без моего Габриэля. Другие мальчики тоже хорошие и помогают, но не как Габриэль. Он - наша скала.

Все, что я слышу, заставляет меня лишь сильнее влюбляться в него. Нельзя отрицать, что этот мужчина порой вспыльчив, но он хороший человек. После моего отца он лучший из тех, кого я знаю.

— На протяжении многих лет боль от ухода отца превращалась в гнев. Очень глубокий гнев, — говорит она. — Не удивлюсь, если это и есть причина, по которой он сначала недооценил тебя.

Зная теперь все это, должна согласиться с ней, но мысль о том, что он даже на секунду подумал, будто я была кем-то вроде женщины, ради которой его отец оставил семью, ранит меня. Замечание Каталины, сказанное ему в минувшие выходные, внезапно приобретает смысл. От чего я чувствую злость на обидчицу Гейба, но мне так же тошно от того, что меня поместили в одну категорию с этой разлучницей.

Отвлекаюсь от своих мучительных мыслей, когда Марисоль касается моей щеки.

— Возможно, мой Габриэль сначала и недооценил тебя, но я знаю, что он разглядел в тебе чудесную женщину, которой ты и являешься. Он хороший мужчина, просто иногда гнев, который он носит в себе, сбивает его с пути, — говорит она, похлопывая меня по груди.

Если кто и может понять, каково это, - жить с болью, так это я. В нашей жизни существуют моменты, которые бесповоротно меняют нас и, независимо от того, как сильно нам хочется иметь возможность вернуться назад и изменить прошлое, чтобы избавить себя от подобного горя, обратной дороги нет. Все, что мы можем сделать, это научиться каждый день жить с этой потерей.

— У вас прекрасная семья, — шепчу ей. — Спасибо, что позволили быть ее частью.

— Нет необходимости благодарить меня. Теперь, когда ты с Габриэлем, моя семья - твоя семья. Как сильно бы я не любила своих мальчиков, я всегда хотела девочку, чтобы заниматься с ней всякими женскими штучками. Возможно, теперь мне это удастся.

— Я определённо помогу вам в этом. Никто больше меня не любит всякие девчачьи дела, это уж точно.

Она усмехается и треплет меня по щеке, так же, как, похоже, делают все женщины в этой семье.

— Тогда все в порядке. Сегодня я научу тебя, как готовить любимое блюдо моего Гейба, а в следующий раз ты возьмешь меня на шоппинг и научишь всем модным премудростям.

Именно в этот момент я понимаю, что мы с этой женщиной точно станем отличными подругами.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТЬ

Гейб

Горячая вода льётся по моим больным мышцам, даря облегчение после самой изнурительной смены, которая у меня была. Три автомобильных аварии и два пожара.

Один смертельный исход.

Определенно, не самый великий гребаный день. Наверное единственное, что мне не нравится в моей работе, когда чья-то жизнь не подвластна мне. Иногда просто бывает слишком поздно.

Необходимость видеть СиСи сильнее, чем когда-либо. Я хочу похоронить себя в ее теле и забыть все, что случилось сегодня. К сожалению, она работает допоздна, поэтому мне придется подождать.

С этой удручающей мыслью я выключаю душ и направляюсь в свою комнату, чтобы одеться. Надев джинсы, я тянусь к рубашке и тут слышу звонок в дверь. Хмурюсь, пока спускаюсь вниз, чтобы

посмотреть, кто там, но от угрюмости не остается и следа, когда я открываю дверь, обнаруживая единственную женщину, которую безумно хочу видеть.

СиСи держит корзину для пикника, на плече одна из ее нелепых сумочек, голова маленькой собачки-крысы выглядывает из неё.

— Блондиночка, — приветствую ее, мое удивление очевидно, — думал, ты сегодня вечером работаешь.

Она прислоняется к дверному косяку, соблазнительная улыбка появляется на идеальных розовых губах.

— Джил была мила, и сказала, что поработает вместо меня, так чтобы я могла приехать и преподнести тебе сюрприз. — Она поднимает корзину, ее взгляд взволнованный.

— Что там?

— Дай войти, и все увидишь сам.

Улыбаясь, я отхожу в сторону, и она заходит в квартиру, направляясь прямоком на кухню. Мой взгляд падает на ее дерзкую попку. Теннисная юбка достаточно короткая и едва прикрывает ее стройные бедра, от чего мой член тут же твердеет.

Задушив стон, я усмиряю свою потребность и следую за ней на кухню, чтобы посмотреть, что она делает. Мои благие намерения исчезают в тот момент, когда она поворачивается, и посылает мне эту свою улыбку.

Это именно то, что нужно, чтобы воспоминания о моем дерьмовом дне исчезли.

Я обнимаю ее за талию, и притягиваю ближе, чтобы попробовать ее на вкус, небольшой контакт ее губ с моими заставляет мою кровь закипеть. Уверен, я могу целовать эту девушку до конца своей жизни и никогда не устану.

Нас прерывают, когда между нами втискивает свой влажный нос ее собака. СиСи хихикает и отстраняется, поглаживая его спину.

— Надеюсь, ты не против, что я пришла с ним. Мне было стыдно снова просить миссис Билсон об одолжении.

— До тех пор, пока он не станет гадить или мешать мне получать удовольствие в собственном доме, ему здесь рады.

— Ничего такого, обещаю.

Она целует его в макушку, а затем ставит на пол. Пес удаляется, обнюхивая пол, пока исследует новую обстановку.

— Готов к своему сюрпризу? — спрашивает она, волнение снова озаряет ее лицо.

— Да. Особенно если он включает тебя без одежды.

— Не совсем. Прибережем это на десерт, — говорит она, нахально подмигивая. — Сначала давай поужинаем. — Она снимает крышку с корзины и наклоняет ее, чтобы показать мне, что внутри. — Тадам!

Запах, доносящийся из корзины, заставляет мой живот заурчать от голода.

— Ты хорошо меня знаешь, Блондиночка.

— Угадай, кто это приготовил?

Я округляю глаза, ее вопрос поражает меня.

— Серьёзно?

— Будь уверен. Твоя мама помогла мне.

Ещё один сюрприз.

— Ты ходила к моей маме?

— Ага, и мы отлично провели время. Оказывается, готовить не так сложно, как я думала. Ну, если не считать сырого мяса, — добавляет она, заметно дергая плечами.

Как бы я не был изумлён, не могу отрицать давление в груди, когда осознаю, что она вышла из своей зоны комфорта.

— Пойдём, давай поедим, пока все не остыло, — говорит она, неся корзинку к столу.

Пока она идет, я хватаю пару тарелок и приборы. К тому времени, как возвращаюсь, она разложила всю еду, включая пиво для меня и «Маргариту» для себя.

— Ты все продумала, — замечаю я, впечатленный всем этим.

— Так и есть, и очень горжусь собой. А теперь сядь и скажи мне, какое все вкусное, даже если получился полный отстой.

Ни единого шанса, что у нее получилось невкусно, особенно если ей помогала моя мама.

Мы оба занимаем свои места, и она выжидающе смотрит, когда я откусываю первый кусочек. Подумываю над тем, чтобы пошутить над ней и сказать, как все ужасно, но надежда в ее глазах и райский вкус на языке, заставляют меня поступить иначе.

— Просто потрясающе, Bella, — стону я.

— Да! — Она вскидывает кулак в воздух. — Я совсем не хуже Марты Стюарт.

Усмехаюсь, но усмешка быстро исчезает, когда смотрю на ее красивое лицо.

— Я ценю все это, но ты ведь знаешь, что не должна готовить мне. Я имел в виду то, что сказал той ночью, СиСи.

Она пожимает плечами.

— Знаю, но я хотела. Не только ради тебя, но и для себя. Хотела доказать, что могу это сделать, что я не просто тупая блондинка, как думает твоя стерва-бывшая.

Моя кровь кипит от упоминания моей ссоры с Каталиной, и я ненавижу тот факт, что СиСи все слышала.

Потянувшись к ней, я беру ее за руку.

— Тебе далеко до тупой, Блондиночка, любой, кому выпадет возможность узнать тебя, поймет это. Чтобы добиться того, что есть тебя, нужны мозги, уверенность и надо упорно трудиться.

Она сжимает мои пальцы, на губах появляется теплая улыбка.

— Сегодня я чудесно провела время с твоей мамой.

— Рад слышать, потому что после тебя она самая важная женщина в моей жизни.

— И я понимаю, почему. Она прекрасная мать и очень любит тебя. Я восхищаюсь ее силой. Она через многое прошла. Как и вы все.

То, что я слышу в ее голосе, раздражает меня, и, взглянув ей в глаза, не сомневаюсь, что она знает о той части моей жизни, которую я хотел бы забыть.

— Она рассказала мне о твоём отце, — шепчет она, подтверждая мои подозрения.

Тяжело вздыхая, я отпускаю ее руку и откидываюсь на спинку стула.

— Пожалуйста, не сердись. Клянусь, я не расспрашивала ее. Мы просто разговаривали, делились подробностями о наших семьях, и разговор зашел о нем.

Ненависть наполняет меня, как всегда бывает, когда я вынужден думать о нем. Хватая пиво, я наклоняю бутылку к губам, надеясь, что оно охладит мою горячую кровь.

— Давай проясним все прямо сейчас. Этот кусок дерьма мне не отец. Поняла?

Она кивает, испытывая чувство вины, и что-то похожее на жалость видно в ее глазах. То, чего я не хочу.

— Прости, что подняла эту тему. Просто хотела быть с тобой честной.

Искренность в ее тоне заставляет меня напрячься и усмирить гнев.

— Я ценю, что ты рассказала мне об этом.

Как бы сильно я ненавидел тот факт, что она в курсе ситуации, я знал, что это лишь вопрос времени. По крайней мере, теперь мне не придется быть тем, кто расскажет ей подробности, хотя уверен, для мамы это тоже было непросто.

Чувствую, как она смотрит на меня, пока возвращаюсь обратно к еде, но я совершенно потерял аппетит, каждый кусок, словно кислота на моем языке.

— Сегодня, пока я была с твоей мамой, я стала еще больше скучать по своей собственной, — меняя тему, тихо начинает она. — И я задумалась об отце. — Боль и печаль пронизывают ее голос, смешиваясь с моими и без того бурными эмоциями.

Потянувшись к ней, снова беру ее за руку.

— Мне очень жаль.

— Мне тоже, — шепчет она, посылая мне грустную улыбку. — Хочешь узнать, как он умер?

— Только если ты сам хочешь рассказать.

— Хочу. Самое время.

Я киваю и терпеливо жду, зная, эта тема тяжела для нее. Что я отлично понимаю.

Она глубоко вздыхает, собираясь с силами ради того, о чем говорит дальше.

— Его убили.

Каждая мышца в моем теле напрягается, и шок поражает меня. Я думал, может быть, он погиб в результате несчастного случая или умер от сердечного приступа. А не в результате такого ужасного события, как убийство.

— Помнишь тот политический скандал несколько лет назад, в котором были замешаны девочки-подростки из приюта, которых продавали? — спрашивает она.

— Да, помню. В этом участвовал сенатор Майклс.

Эта мерзость несколько месяцев была на первых полосах газет.

— Он - отец Эмили.

Я шокирован этим открытием.

— Эмили, которая твоя лучшая подруга?

— Поверь мне, она не гордится этим. Ей попались дерьмовые родители.

Это и понятно. Помню, как читал, что даже его жена была вовлечена в торговлю этими девушками. Если память меня не подводит, она за решеткой, а ее муж, надеюсь, горит в аду. Хотя, если спросите меня, для такого ублюдка, как он, смерть слишком легкий выход,

— Мы с Эмили лучшие подруги с самого рождения. Наши родители были очень близки, но даже мой отец не знал, насколько ужасным был сенатор Майклс, пока не стало слишком поздно.

Печаль в ее голосе опустошает меня. Она никогда не должна была познать подобную потерю и грусть. Если бы я мог забрать их у нее, так бы и сделал.

— Мой отец был там в ту ночь, когда все произошло. Он

несколько месяцев знал, что они творят, и пытался собрать доказательства для полиции. Только все пошло прахом, и Эмили оказалась под перекрестным огнем, — она замолкает, тяжело сглатывая. — Мой отец получил ее пулю. Он спас ей жизнь.

У меня в голове не укладывается все то, что она сейчас говорит, и я не могу в это поверить.

СиСи смотрит на меня, и слезы, текущие по ее красным щекам, для меня, словно удар в живот.

— Ситуация была горько-сладкой. Я потеряла отца, но моя лучшая подруга была спасена.

Мои пальцы сжимают ее, желая предложить любой комфорт, который у меня есть.

— Он умер героем, СиСи. Не о многих людях можно сказать подобное.

Возможно, ей не станет лучше от моих слов, но это правда.

Она посылает мне еле заметную улыбку.

— Да, так и есть. Но для меня он всегда был моим героем. И теперь я нашла еще одного.

Ее пристальный взгляд подтверждает то, что она считает меня не тем, кто я есть.

— Я далеко не герой, Блондиночка. Я никогда не получал пулю вместо другого.

— Может и нет, но ты кинулся в горящее здание ради девушки, которую даже не знал, потому что она не хотела бросать дорогую ее сердцу вещь.

— Ради тебя я бы в любой день вбежал в горящее здание.

Выражение ее лица смягчается, когда она вскакивает на ноги и встает передо мной, ее руки двигаются к моим плечам, когда она садится мне на колени.

Мои пальцы впиваются в ее бедра, заманчивые губы всего в нескольких дюймах от моих.

— Я знаю, что ты бы так и сделал, потому что после папы ты самый лучший мужчина, которого я знаю. Мужчина, который взял и

стал заботиться о своей семье, когда они в этом нуждались, несмотря на то, что сам в то время был ребенком.

Мама все ей разболтала, определенно.

— Не велико дело. Я просто сделал то, что нужно было.

— Не согласна. Я считаю, что это очень большое дело, и твоя мама думает так же. Она тебя очень любит.

— Говорил же, я ее любимчик, — шучу я, пытаюсь разрядить обстановку, но она не позволяет.

Ее рука движется к моей щеке, пальцы поглаживают челюсть.

— Мне очень жаль, что он причинил тебе боль.

Я сжимаю зубы, пытаюсь не подпустить сильную боль, которую ощущаю всякий раз, когда думаю о нем.

— Нечего тут жалеть. Без него нам лучше.

— Можно я спрошу у тебя кое-что и больше никогда не стану поднимать эту тему?

Я понимаю, что киваю, хотя он - последний человек, о котором мне хочется разговаривать.

— Вот почему ты ненавидел меня, когда мы впервые встретились? — шепотом спрашивает она. — Потому что думал, что я похожа на нее?

Боль, которую я тогда причинил ей, заставляет меня ощущать еще большую вину, чем я уже чувствую.

— Я никогда не ненавидел тебя, СиСи, — честно отвечаю ей. — Но я ненавидел то, что, как я думал, ты символизировала. Твой дорогой образ жизни, но больше всего на свете я ненавидел то, какие чувства возникали у меня, когда я был рядом с тобой, потому что из-за этого я стал думать, что похож на него.

— Я никогда не поступлю так, как она — шепчет она, одинокая слеза катится по ее щеке. — Никогда не стану разбивать семью.

— Думаешь, я этого не знаю? Вначале я ошибся насчет тебя, и ты никогда не поймешь, как сильно сожалею. Но не надо делать ошибок, СиСи, я знаю, что ты не похожа на эту суку. — Тянусь вперед и сжимаю ее щеку. — Ты прекрасна, — шепчу я, наклоняясь,

чтобы поцеловать ее в щеку, — дерзкая и добрая. — Беру ее нижнюю губу своими двумя, овладевая ее ртом, прежде чем отстраниться и взглянуть ей глубоко в глаза. — Но лучшее из всего этого то... что ты моя.

В тот момент, когда слова покидают мой рот, она сокращает оставшееся между нами расстояние, наши рты сливаются в лихорадочном голоде, языки сражаются друг с другом.

Рычание вырывается из моего горла, руки скользят ей под юбку, чтобы сжать идеальную круглую попку. Она лишь на секунду разрывает контакт, тянется вниз, хватая край своей майки, и снимает ее. Я замираю, глядя на сексуальный фиолетовый кружевной лифчик, любуясь сливочной кожей, выступающей над краем белья.

— Давай пропустим ужин и перейдем прямо к десерту, — игриво говорит она, от чего мой член в джинсах сразу же напрягается.

— У тебя всегда чертовски хорошие идеи.

Ее смех наполняет воздух, но исчезает, когда я смахиваю все со стола, и наша еда падает на пол. Я прижимаю ее к блестящему дереву, укладывая на стол перед собой.

Она смотрит на меня, глаза прикрыты от возбуждения.

— Мне бы надо сходить с ума от того, что ты сделал, но я не схожу. Ни капельки.

Ухмыляясь, я тянусь и снимаю рубашку через голову.

— Не волнуйся, детка. Сейчас я все улажу.

Снова сядя на место, я медленно поднимаю руки вверх по ее гладким ногам и под юбку, чтобы сорвать с нее трусики. Она снова вздыхает, поднимая бедра вверх.

Притягиваю ее ближе к краю, подвигая эту розовую блестящую сладость ближе к своему рту. Обхватываю пальцами одну из ее икр, поднимая ногу, и кладу ее себе на плечо, а затем проделываю то же самое с другой ногой. Ее аромат наполняет мой нос, подпитывая жажду, пульсирующую по венам.

— Как сильно бы мне не понравилось то, что ты сделала сегодня вечером, Bella, ничто не сравнится со вкусом твоей киски. — Опускаю рот, проникая в нее.

— О черт! — Ее крики эхом звенят по комнате, когда она толкается мне в лицо, получая удовольствие от того, что я охотно даю ей.

Я пожираю всю ее, мой язык ласкает мокрую плоть. Поверх ее юбки я смотрю, как он проводит руками по животу и тянется к груди, чтобы сжать свои покрытые кружевами половинки.

Издаю стон, отрываясь от нее, и заменяя рот пальцами, поглаживая ее клитор.

— Сними лифчик, СиСи. Я хочу видеть твои руки на твоих сладких девочках.

Она делает, как я говорю, снимая кружевные чашечки и позволяя всей этой красоте попасть в ее руки. Сексуальные маленькие стоны срываются с ее губ, когда она пальцами щипает себя за соски.

— Черт побери, это чертовски сексуально. — Моя свободная рука двигается к моему ремню, расстегивая пряжку, прежде чем сделать то же самое с молнией. Я выпускаю ноющий член и поглаживаю себя, нуждаясь в облегчении давления. Смотрю ей в глаза, когда опускаю свой рот обратно к ее обнаженной киске, упиваясь ее сладостью.

Чем быстрее я работаю языком, тем быстрее глажу себя.

— Боже, я сейчас кончу, — кричит она.

— Давай, детка, — стону я. — Кончи мне на лицо.

Поощрение отправляет ее через край.

Я не отрываюсь от нее, облизывая каждую каплю, которую она дает мне. Когда ничего не остается, я встаю, мой член все еще тяжелый и твердый в моей руке.

Глаза СиСи прикованы к нему, губы распахиваются от резкого вдоха.

— Тебе нравится видеть, каким твердым я становлюсь из-за тебя, Bella?

— Да. — Выдыхает она, глядя, как я глажу себя. — Мне нравится знать, что это я заставляю тебя испытывать такие чувства.

— Ты понятия не имеешь, что заставляешь меня чувствовать.

Ее глаза устремляются к моим, ситуация накаляется от наших невысказанных слов.

Продолжая смотреть ей в глаза, снова хватаю ее за бедра и вхожу в нее одним идеальным движением. Соединение настолько совершенное, что оно поражает саму основу того, кто я есть. Ее влажные губы раскрываются от голодного вздоха, пока киска растягивается вокруг меня. Вхожу до конца, и ее спина на столе выгибается.

— Как ты хочешь, — спрашиваю я грубым голосом, — медленно или быстро?

— И так и так, — шепчет она, — хочу все, что ты можешь дать мне.

У нее есть весь я, особенно тот орган, что бьется в груди. Тем не менее, я продолжаю держать эту информацию при себе. Я начинаю с медленных, глубоких ударов, ее тесная киска сжимает меня.

Когда она извивается, прося о большем, я набираю скорость. Ее грудь колыхается, пока наши тела работают вместе, усиливая мою потребность в ней.

Она впивается зубами в нижнюю губу, пытаясь заглушить маленькие сексуальные звуки, рвущиеся из ее рта.

— Не молчи, СиСи. Кричи для меня. Я хочу, чтобы каждый человек в этом проклятом мире узнал, кому ты принадлежишь. — Изменяю угол толчков, бедрами толкаясь сильнее, когда ударяю местечко глубоко внутри нее.

Спустя несколько секунд она снова падает через край, мое имя слетает с ее губ, ударяя меня в грудь.

Я следую за ней, борясь с тем, чтобы не упасть на колени от удовольствия, мчащегося по моей крови.

Мы оба стонем, когда я выхожу из нее.

Подтягиваю джинсы настолько, чтобы взять ее на руки, наслаждаясь тем, как идеально она вписывается.

— Скажи мне, Пожарничек, — бормочет она, голос мягкий и сонный. — Скольких женщин ты носил вот так?

— Никогда никого такого же прекрасного, как ты.

Она кладет руку мне на плечо, улыбка играет на ее идеальных губах.

Я несу ее прямо к кровати, не желая ничего другого, кроме как почувствовать ее обнаженное тело под своим. Матрас опускается под весом моего тела, когда я заползаю за ней.

Она поворачивается ко мне лицом, кладя руку на мою челюсть.

— Хочешь узнать, чему я еще сегодня научилась?

— Чему же?

Перемена происходит в ее глазах, но ничто не могло подготовить меня к тому, что она говорит дальше:

— *Me estoy enamorando, muy profundamente,* — испанские слова, которые я сказал ей на днях, идеально соскальзывают с ее языка.

Я влюбляюсь, и влюбляюсь сильно.

Ухмыляюсь ей.

— А ты сегодня была занята, Bella.

— М-м-м, — бормочет она, но ее дразнящий тон становится мягче, как и взгляд, — ты это имел в виду?

Не разрывая зрительный контакт, я убираю золотую прядь волос с ее лица.

— Да, именно это я имел в виду.

— Хорошо, потому что и я тоже. — Приподнявшись на локте, она целует меня в губы, от чего я желаю большего, но, к сожалению, она слишком быстро отступает. — Я также погуглила и узнала, что «puta» означает «шлюха». Знаешь, меня ведь называли так в старшей школе, — говорит она, и в ее голосе слышится гнев. — Стерва из другой команды, с которой мы боролись. Тогда я не знала, что означает это слово, но понимала, это что-то неприятное. Теперь, когда я знаю, что она говорила, мне хочется найти ее и выцарапать ей глаза.

— Давай так и сделаем. Ты можешь надрать ей задницу, а если у нее есть парень, я надеру зад и ему.

— Годится, но давай сначала вздремнем. Я устала, — соглашается она, снова ложась мне на грудь. — В конце концов, я

весь день трудилась у плиты.

Поднимая бровь, смотрю на нее.

— Ну ладно, не весь день, но достаточно долго.

Я издаю смешок.

Умеет она готовить или нет, она идеальна, и я планирую никогда не отпускать ее.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТЬ

CuCu

Подсчитывая сегодняшнюю выручку, я испытываю гордость. Неплохо для воскресенья. Уверена, как только запущу мужскую линию, цифры вырастут.

Торжественное открытие состоится менее чем через неделю, и я не могу дождаться этого дня. На презентацию придут кое-какие известные люди. В том числе репортер из *Vogue*, крупнейшего журнала моды в этой стране.

Наконец-то мои мечты становятся реальностью.

Я смотрю на стопку приглашений, лежащих рядом со мной. Мой план состоит в том, чтобы передать их немногим избранным, и моя первая остановка будет у Гейба. В конце концов, мне нужна сексуальная пара, а он идеальный кандидат.

Надеюсь, он не будет против того, что я появлюсь на станции без предупреждения, но сегодня он работает допоздна, а я не хочу ждать, чтобы отдать ему приглашение. Кроме того, прошло три дня с тех пор, как я видела его в последний раз. Это слишком долго. Мне нужно увидеть его и поцеловать.

С этой мыслью, я заканчиваю прибираться и тянусь за сумочкой, когда дверь издает сигнал о том, что кто-то пришел. Сдерживаю досаду, понимая, что мне стоило убрать табличку «Открыто».

Нацепив улыбку, иду, чтобы поприветствовать пришедшего, но тут же останавливаюсь, когда вижу, кто это. Мои ноги остаются на

месте, от шока я словно приросла к месту.

— Мам? — шепчу я.

Она стоит прямо в дверях, на лице теплая улыбка, но, нет никаких сомнений, в ее глазах видны слезы.

— А вот и моя девочка.

Она разводит руки в стороны, открывая для меня объятия, и я не стесняюсь, мое сердце практически взрывается от счастья, когда она обнимает меня. Я ощущаю тонкий аромат ее духов, и он согревает ту часть меня, которая заледенела, когда она ушла.

— О милая. Я скучала по тебе, — выдыхает она, глядя меня по волосам.

— Я тоже. — Отступая назад, я вытираю слезы, пока она делает то же самое. — Что ты здесь делаешь? Я думала, ты вернешься через неделю.

— Я прилетела более ранним рейсом. Мне надо было увидеть тебя, — она замолкает, ее подбородок дрожит, пока она пытается сохранить самообладание. — Я вела себя как эгоистка, СиСи.

Я качаю головой.

— Мам, нет.

Она поднимает руку, мешая мне продолжить.

— Да. Так и есть. После нашего последнего разговора я много думала и мне пришлось посмотреть в лицо вещам, которых я избегала. Таких как... реальность, — шепчет она, и в ее голосе слышна печаль. — Мне очень жаль, что я так часто оставляла тебя. Наверное, я просто думала, что, чем меньше времени буду проводить здесь, тем меньше боли испытаю, но, правда заключается в том, что, куда бы я ни пошла, боль следует за мной. И так еще хуже, потому что я не с тобой. Не там, где должна быть.

Признание заставляет меня снова обнять ее.

— Я тоже скучаю по нему, мама. Каждую секунду каждого дня, но мы можем быть здесь ради друг друга.

— Совершенно точно, — она отпускает меня, ее глаза встречаются с моими. — Я назначила встречу с психологом, если хочешь, можешь присоединиться ко мне.

Я улыбаюсь.

— С удовольствием.

— Хорошо. Теперь, когда мы это уладили. Как насчет ужина?

— Сегодня?

Она кивает.

— Мы можем пойти в загородный клуб, и ты расскажешь мне обо всем, что происходит в твоей жизни.

От упоминания загородного клуба мои внутренности стягивает узлом, потому что шанс наткнуться на Грэма слишком велик. Он и его жена часто бывают там, а я больше никогда не хочу видеть этого человека.

— Как насчет «У Фредерика»? — предлагаю я.

Когда придет время, я расскажу ей о Грэме. Она должна знать, что он за ничтожество, но не сегодня.

— Давай там.

— Отлично, встретиться там через полчаса? Сначала мне надо заскочить в одном место.

— Конечно, но если ты занята, дорогая, мы можем выбрать другой вечер. Мне не стоит полагать, что ты обязательно должна быть свободна.

— Нет. У меня нет планов. Мне просто нужно остановиться у пожарной станции, чтобы отдать приглашение моему другу... — Моя запинка заставляет ее материнское чутье заработать на полную мощь.

Она поднимает бровь, на лице написано любопытство.

— Другу?

— На самом деле, он больше, чем друг, — признаюсь я, решая, что сейчас подходящее время, чтобы рассказать ей о Гейбе. — Это парень, с которым я встречаюсь.

— У тебя есть парень? — восклицает она.

Киваю, широкая улыбка появляется на лице.

— Долго вы встречаетесь? Все серьезно? Расскажи мне все прямо сейчас, — требует она, возбуждение озаряет ее лицо.

— Совсем недавно. Несколько месяцев, но... — Смущаюсь я, пытаюсь выразить свои чувства словами. — Все серьезно. Он мне нравится, мама. Сильно.

— О, дорогая, это замечательно. Я так счастлива за тебя. — Счастье в ее голосе отражает то, что я чувствую. — Когда я с ним познакомлюсь?

— Скоро. — Обещаю я.

— Никогда бы не подумала, что пожарный - твой тип, — шутит она, играя бровями.

— Как и я, но, оказывается, пожарные латиноамериканцы мои любимчики.

И мы обе смеемся.

— Не могу дождаться, когда узнаю больше, — говорит она. — Ты делай то, что должна, а я пойду и найду нам столик.

— Звучит здорово. Я не долго.

Она собирается выбежать из двери, но, в конце концов, возвращается и снова обнимает меня.

— Люблю тебя.

Слезы снова обжигают мои глаза, но я стараюсь сдержать их.

— Я тоже тебя люблю.

Как только она уходит, я запираю магазин, а затем направляюсь к своей машине. Пока еду, чтобы увидеть Гейба, улыбка не сходит с моего лица, и любовь не покидает мое сердце.

Вот теперь в моей жизни все правильно.

Подъезжая к пожарной части, я обнаруживаю, что подъемные двери открыты, а на улице стоят два грузовика, которые опрыскивают несколько пожарных.

Паркуюсь через улицу, убедившись, что не помешаю, если они получат вызов. Вылезая из машины, снова начинаю нервничать. Некоторые из пожарных замечают меня, когда я приближаюсь, их глаза расширяются с одобрением.

— Ладно, кто из вас, придурков, преподнес мне подарок на день рождения? — спрашивает один, его взгляд дрейфует по мне.

Насколько сильно бы я не нервничала, не могу сдержать улыбку, появляющуюся на губах, от чего становлюсь немного смелее.

Другой парень делает шаг вперед, чтобы поприветствовать меня, и протягивает руку.

— Привет. Чем можем вам помочь?

— Привет. Я ищу Гейба.

— Гейба?

— Да, Габриэля Мартинеса, — уточняю я, надеясь, что нахожусь в правильном месте.

Насколько это неловко? Он ведь точно сказал, что работает именно на этой станции.

Другой пожарный высовывает голову из грузовика, и я узнаю его, это он принес мне одеяло в ту первую ночь. Бэнкс, помню как Гейб разговаривал с ним.

Узнавание озаряет его глаза, когда он выпрыгивает из грузовика.

— Матерь божья. Это ведь любительница сумочек.

Любительница сумочек?

— Не узнал тебя в одежде.

Мои щеки краснеют, но я стараюсь оставаться невозмутимой.

— Ха-ха, — сухо говорю я.

— Подождите, — бормочет именинник, поднимая руку вверх. — Она та девушка, которую Мартинес нашел в ту ночь?

— Единственная и неповторимая, — подтверждает Бэнкс.

— Этому засранцу повезло, — ворчит тот, у которого день рождения.

Откашливаясь, я возвращаюсь к теме своего визита.

— Хорошо, теперь, когда мы все установили, что я та девушка, которую Гейб нашел в нижнем белье, могу я, пожалуйста, поговорить с ним?

Ухмылка появляется на лице Бэнкса.

— Да, сейчас. Я позову его. — Он делает несколько шагов к

стальной двери и открывает ее: — Эй, Мартинес. Тащи сюда свою задницу. Тебе посылка.

Все остальные остаются там, где стоят, и продолжают глазеть на меня. Уверена, этот момент не может стать еще более неудобным.

Через несколько секунд выходит Гейб, выглядя в униформе сексуально, как и всегда.

— Какого черта ты орешь?

Бэнкс указывает туда, где стою я.

— Привет. — Смущенно машу ему, переступая с пятки на пятку.

Улыбка, появляющаяся на его красивом лице, развеивает мои опасения.

— Блондиночка. — Его шаги решительные, когда он направляется ко мне. Гейб отталкивает именинника — все еще смотрящего на меня — с дороги, достаточно сильно, чтобы тот упал на грузовик. — Хватит пялиться, придурок.

Хихиканье срывается с моих губ до того, как я успеваю остановить его.

Гейб оборачивает руки вокруг моей талии и крепко целует меня прямо на глазах у остальных.

— Позер, — ворчит парень, у которого день рождения.

Улыбаясь, я вглядываюсь в его пленительные карие глаза.

— Надеюсь, ты не против, что я заявила вот так.

— Тебе всегда рады здесь, Bella.

— Да, в любое время, — говорит именинник. — И приводи с собой столько горячих подружек, сколько хочешь.

Это заявление заставляет Гейба повернуться лицом к группе парней.

— Эти грубияны тебе еще не представились?

— Нет, но мы установили, что я — любительница сумочек и та, кого ты нашел в нижнем белье.

— Роман думал, что она — его подарок на день рождения, — веселясь, говорит Бэнкс.

Гейб хмурится на именинника.

— Мечтай-мечтай.

А тот кивает.

— Я и мечтаю.

Гейб хмыкает и начинает знакомство с него.

— Этот неадекватный придурок - Роман Брэдли. Сегодня у него день рождения, и он хочет убедиться, что все в курсе.

— С днем рождения, — говорю я

— Спасибо, но день уже не такой удачный, как пять минут назад, когда я думал, что ты свободна.

Его честный ответ заставляет меня рассмеяться.

Гейб лишь качает головой, затем переходит к следующему парню.

— Это - Курт Нгуен, — говорит он, указывая на парня, чью руку я пожалала, когда только подошла к ним.

Приветствую его снова, когда машу ему, он вежливо машет в ответ.

— В задней части грузовика Блэр Дэвис.

Парень кивает мне.

— И последний - Кевин Бэнкс. Уверен, ты его помнишь.

— Помню. Спасибо за одеяло и за то, что позаботился о моей собаке.

— В любое время, любительница сумочек.

Думаю «любительницы сумочек» не худшее прозвище, которое он мог дать мне, учитывая, что видел меня в нижнем белье.

Гейб игнорирует их, притягивая меня ближе.

— Хочешь остаться на ужин?

— Будет пицца и праздничный торт, — заманчиво добавляет Роман.

Гейб раздраженно смотрит на него за то, что прервал нас.

— Спасибо за приглашение, но у меня уже есть планы, — с сожалением отвечаю я. — Можешь уделить мне минутку?

— Да, пойдём. Провожу тебя до машины.

Я прощаюсь с остальными, они отвечают мне, но Роман не может не бросить последний прощальный комментарий:

— Если когда-нибудь решишь расстаться с ним, позвони мне, — кричит он мне вслед.

Я смеюсь, но Гейб, кажется, не находит его таким же забавным, как я.

— Похоже, по большей части, вы все ладите, — улыбаясь ему, замечаю я.

— Так и есть, если только они не пялятся на мою женщину.

Поднимаю брови.

— Ревнуешь, Мартинес?

Что-то темное вспыхивает в его глазах, то, от чего у меня перехватывает дыхание.

Когда мы доходим до моей машины, он поворачивает меня и прижимает к ней, его руки лежат по обеим сторонам от моих бедер.

— Нет, Bella, я не ревную, потому что мы оба знаем, что никому кроме меня не получить тебя.

Я встаю на цыпочки и обнимаю его за шею.

— Верно. Я вся твоя, Пожарничек.

Он целует меня длинным, глубоким поцелуем, который не сравнится с теми, что были раньше. К тому времени, когда он отступает, я еле стою на ногах.

— Так о чем нам надо поговорить? — спрашивает он.

— Поговорить? — повторяю я, с трудом приходя в себя. Мой разум и сердце все еще поглощены поцелуем.

На его губах греховная ухмылка.

— Ты сказала, что нам нужно поговорить. Или ты приехала сюда лишь ради поцелуя? Если так, то я не возражаю.

Качаю головой, пытаюсь избавиться от тумана, заполняющего

мой разум.

— Точно, я пришла и за этим, но главная причина моего визита - отдать тебе это. — Достая из сумки запечатанный черный конверт и протягиваю ему.

— Что это? — спрашивает он, забирая конверт у меня.

— Твое персональное приглашение на мой фуршет. Мне нужен сексуальный мужчина в качестве пары. Можешь помочь мне с этим?

— Черт, да. Ни единого шанса, что с тобой рядом будет кто-то еще.

Его собственнические слова заставляют бабочек в моем животе танцевать.

— Когда мероприятие? — спрашивает он.

— В эту субботу. Подумала, ты можешь пригласить и свою маму. Как думаешь, она придет?

Он пожимает плечами.

— Не вижу причин, почему нет. Насколько шикарно там все будут одеты? Мы с мамой простые люди. У нас нет ничего, что могло бы стоить три тысячи долларов.

Я держусь, чтобы не закатить глаза. Клянусь, он никогда не забудет мне то платье.

— Не стоит беспокоиться об этом. Некоторые люди будут одеты официально, другие более повседневно, но я позаботилась о тебе.

Неуверенность видна на его лице.

— Что это значит?

— Я надеюсь, что ты наденешь один из костюмов из моей новой линии и покажешь его для меня... — говорю я, с надеждой глядя на него.

— Не знаю, Блондиночка. Я не очень люблю костюмы. Предпочитаю джинсы и футболки.

— И мне это нравится, но никто не будет выглядеть так же хорошо в костюме, который я для тебя выбрала, как ты. Надень его для меня... пожалуйста? — хлопая ресницами, добавляю я.

— Ладно, — тяжело вздыхает он.

Я бросаюсь к нему, крепко целую его в щеку.

— Спасибо.

— Для тебя все, что угодно.

Этот мужчина творит невообразимые вещи с моим сердцем.

— Итак, куда собираешься на ужин сегодня вечером? — спрашивает он, ставя меня на ноги.

— Вообще-то, я встречаюсь с мамой, — говорю ему, счастье наполняет меня.

— Я думал, она приедет не раньше следующей недели?

— Я тоже, но, оказывается, она взяла билет на ранний рейс. Не могла больше ждать, чтобы увидеть меня. — Мой голос становится мягче, как и моя улыбка.

Он протягивает руку, убирая прядь волос с моего лица.

— Рад слышать. Знаю, как сильно ты скучала по ней.

— Так и есть, и я рассказала ей о тебе. Она будет на вечеринке.

— Хорошо, рад, что, наконец, познакомлюсь с ней.

Мы смотрим друг на друга, потребность друг в друге невозможно отрицать, и мои пальцы хватают его накрахмаленную рабочую рубашку.

— Приходи вечером после смены, — шепчу я.

Его шоколадные глаза темнеют, руки вокруг меня сжимаются.

— Я поздно закончу. После полуночи.

— Мне все равно. Я скучаю по тебе и хочу спать в твоих объятиях.

— Тоже скучаю по тебе, детка. — Он притягивает меня ближе, и невозможно не ощущать его эрекцию напротив моего живота. — Я приеду. Дайте мне ключ, чтобы я не разбудил тебя.

Отдаю ему запасной, который висит у меня на брелке. После этого он снова целует меня, прежде чем, самодовольно шагая, снова отправить свою сексуальную задницу на станцию.

Я абсолютно счастлива, когда еду, чтобы встретиться с мамой в ресторане, и вечер становится лишь лучше. Мы замечательно

ужинаем, несколько часов проводя за столиком. Я рассказываю ей больше о Гейбе и о том, что происходит в бутике. Она рассказывает о своей поездке и сумасшедших шалостями, которые вытворяла с моими тетями. Но, что лучше всего, мы говорим о папе. Разделяем некоторые из наших любимых воспоминаний о нем. Лучшее лекарство для наших заживающих сердец.

Позже, в тот же вечер, я ложусь в постель, одетая в самый сексуальный комплект белья, который у меня есть. Красное кружево с, украшенной камнями, застежкой спереди на лифчике и подходящие стразы на бедрах. У меня уходит целый час на то, чтобы заснуть, мое тело и ум с нетерпением ожидают того, что должно произойти.

Следующее, что я понимаю, шум заставляет меня проснуться, пробуждая меня ото сна.

— Это всего лишь я, Bella, — глубокий голос Гейба ласкает меня, успокаивая мое безумно бьющееся сердце.

Он включает лампу рядом с кроватью, мягкое свечение освещает его красивое лицо. Протягивает руку, скользя пальцами по моей щеке, и от этого жеста мое сердце трепещет.

Я накрываю его руку своей и поворачиваю лицо в сторону, целую его ладонь, прежде чем сбрасываю с себя одеяло и открываю то, что под ним.

Его резкий вдох наполняет комнату, когда в глазах загорается огонь, распространяясь по моему полуобнажённому телу. Он снимает рубашку, затем брюки, при этом не сводя с меня глаз, а затем заползает на меня. Я едва могу дышать, а ощущение его темной кожи напротив моей изменяет мой мир.

Его движения крайне медлительны, когда он снимает одежду с моего тела. Он любит меня своим ртом, доставляя мне умопомрачительный оргазм, прежде чем входит в меня, заявляя права не только на тело, но и на мою душу.

Хватая мою руку, он сплетает наши пальцы, прежде чем поднять руки над моей головой, его глаза не покидают мои, пока он занимается со мной любовью так, как никогда прежде.

Нежно и интимно, каждое его движение крадет частичку моего сердца.

Его губы ласкают мое ухо, пока он шепчет фразы по-испански. Они слетают с его языка самым красивым способом. Понятия не имею, что он говорит, но мне и не нужно, потому что его прикосновения говорят сами за себя.

В этот момент я, без всякого сомнения, знаю, что безоговорочно влюбилась в Габриэля Мартинеса и сделаю все, что нужно, чтобы он всегда принадлежал мне.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТЬ

Гейб

Сидя за рулем грузовика, я еду по улице, где вырос, направляясь к дому мамы. На мне идиотский обезьяний костюм, который я согласился надеть, в котором я чувствую себя нелепо. Он сковывает меня, но я затыкаюсь и натягиваю улыбку на лицо, потому что это для СиСи. Не существует ничего такого, что бы я не сделал ради нее.

Красный спортивный автомобиль, припаркованный на подъездной дорожке моей матери, заставляет меня нахмуриться. Не только потому что я не узнаю его, но и из-за того, что подобная машина на этой улице выглядит совершенно неуместно. Мое замешательство превращается в беспокойство, когда я вижу Луиса, сидящего на передних ступенях. Голова и плечи опущены.

Что этот засранец натворил на этот раз?

Паркуясь через улицу, я вылезая из грузовика и захлопываю дверь. Луис резко поднимает голову. Его глаза широко раскрыты, когда он вскакивает на ноги. От страха в его взгляде, я ощущаю тревогу.

— Привет, — здороваюсь я, поднимаясь по подъездной дорожке.

— Что ты здесь делаешь?

— Приехал, чтобы забрать маму на вечеринку СиСи.

Он тяжело сглатывает.

— Не думаю, что она пойдет туда теперь.

Нервный взгляд, который он бросает через плечо, лишь усиливает мое беспокойство.

— Что происходит? Чья это машина? — спрашиваю я.

Его молчание побуждает меня двинуться вперед.

Он встает у меня на пути, кладя руку мне на грудь.

— Поверь мне, Гейб, не стоит ходить туда.

Гнев начинает пробуждаться, и я отбрасываю его руку, отталкивая его назад.

— Убери от меня руки. Что, черт возьми, с тобой не так?

— Говорю тебе, мужик, ты не захочешь туда заходить!

От взгляда на его лице мне становится не по себе.

— Убирайся, нахрен с моего пути, Луис!

Когда он не двигается, я отталкиваю его в сторону и, врываясь в дом, замираю на месте.

Кровь кипит, миллион эмоций бушует во мне, когда я смотрю на мужчину, сидящего за кухонным столом с моей мамой. Мужчину, которого я не видел пятнадцать лет.

Того, кого ненавижу больше всего на свете.

Моя мать быстро встает.

— Mijo! — нежное прозвище срывается с ее дрожащих губ, но я не смотрю на нее. Не могу. Мои прищуренные глаза сосредоточены на мужчине передо мной.

Медленно вставая, он поднимается.

— Сын, — кивает в знак приветствия.

— Не смей так меня называть, — выплевываю я, — какого черта ты здесь делаешь?

Прочищая горло, он нервно переступает с ноги на ногу.

— Знаю, это должно быть шоком для тебя, но, если позволишь, я все объясню.

— Черта с два. Убирайся из этого дома, прежде чем я сам тебя вышвырну.

— Mijo, пожалуйста, — умоляет мама.

Переключая, наконец, внимание на нее, я вижу, что она плачет, слезы опустошения текут по ее щекам. Я сразу же вспоминаю прошлое, все ночи, когда она рыдала из-за этого мудака.

Снова смотря на него, ощущаю ярость настолько сильную, что она уничтожает все крупницы самоконтроля, которые были у меня до этого момента. Потянувшись вперед, я хватаю его за горло и прижимаю к стене.

— Что ты с ней сделал?

— Габриэль, остановись!

Игнорирую полную ужаса мольбу мамы и сжимаю пальцы. Мужчина передо мной впивает ногтями мне в руку, пытаюсь освободиться. Я смотрю в его выпученные глаза. Глаза того же цвета, что и мои, те, из-за которых я плакал, будучи ребенком, когда он ушел и ни разу не оглянулся.

— Тебе здесь не рады, — выдавливаю я.

Мама пытается оттащить меня, но безрезультатно.

— Луис, помоги мне!

Брату удается влезть между нами и оттолкнуть меня назад с силой достаточной для того, чтобы я отпустил шею этого ублюдка.

Кашляя и хватая ртом воздух, он падает на колени.

— Что, черт возьми, ты творишь, чувак? — орет Луис, направляя свой гнев на меня, а не на кусок дерьма, который этого заслуживает.

— Что я творю? — возмущаюсь я. — Что ты, черт возьми, творишь? Зачем ты позволил ему войти в дом?

— Потому что он хочет поговорить с ней. Он пытается сделать все правильно, Гейб.

Я моргаю, не веря в дерьмо, которое слышу.

— Ты действительно настолько глуп? Он ушел, Луис, потому что ему до нас нет дела. Ни до меня, ни до тебя, и, определенно, не до мамы!

— Неправда, — мой отец выпрямляется, потирая горло. — Я совершил ошибку. Я знаю это, и пришел, чтобы исправить то, что

натворил.

Смотрю на него.

— С чего бы? Стерва устала от тебя и теперь наслаждается новым садовником?

Правда в его глазах говорит мне все.

Я издаю горький смешок, полное противоречие с горячей яростью, кипящей внутри.

— Ты сумасшедший, если считаешь, что можешь сделать все правильно. Это не твой дом и не твоя семья, и так всегда будет. А теперь, убирайся отсюда, а то тебе придется покинуть дом в мешке для трупов.

— Габриэль, перестань. Пожалуйста.

Я переключаю внимание на маму, она стоит, обнимая себя руками и глядя в пол.

— О чем ты думаешь, Ма? — спрашиваю я, наклоняясь, чтобы посмотреть ей в лицо. — Ты серьезно рассматриваешь возможность услышать то, что он скажет? Ты забыла, через что мы прошли по его воле?

Она молчит, лишь продолжая плакать.

Луис выходит вперед, закрывая ее от моего взгляда.

— Отвали, Гейб. Это ее право, если она хочет услышать, что он скажет. Тебе нужно уйти. Ты делаешь все лишь хуже.

Предательство растекается по моим венам, когда я смотрю на своего брата.

— Да вы все, бл*дь, спятили. — Отступая, я оборачиваюсь и пинком открываю дверь. Она слетает с петель и падает на лужайку.

Слезы мамы слышны позади, когда я несусь к своему грузовику.

— Гейб, подожди! — вылетая из дома, зовет Луис.

Я продолжаю двигаться вперед, яростно ступая на траву. Если не уйду сейчас, не смогу контролировать то, что произойдет дальше. Эмоции слишком сильны, они душат меня, угрожая вырваться наружу.

Но брат не понимает намека.

— Ты можешь послушать хоть одну чертову секунду?

Когда он оказывается рядом, я хватаю его за рубашку и прижимаю к грузовику.

— Не хочу слышать ни одного долбанного слова. Ничто из того, что ты скажешь, не заставит меня простить его.

Его взгляд напряжен.

— Люди ошибаются, Гейб.

— Ошибаются? — повторяю я, недоверие проходит через меня. — Ты не понимаешь. Ты был всего лишь ребенком. Не ты наблюдал за тем, как, не оглядываясь назад, с чемоданом в руке он проходил мимо каждой комнаты в этом доме. Не ты слушал, как Ма плакала каждую ночь, пока у нее не оставалось слез. И я уверен, что ты, черт возьми, не знал, что значит голодать и из кожи вон лезть, чтобы убедиться, что твоей семье есть что поесть, пока он трахал какую-то богатую шлюху и строил с ней новую жизнь!

Его губы крепко сжаты, но, в конце концов, этого недостаточно, чтобы сдержать эмоции, которые он так отчаянно пытается удержать. Они выходят из него с помощью слез, текущих по лицу.

Отпуская его рубашку, я делаю шаг назад.

— Это, мой братец, не гребаная ошибка. Такое непростительно.

Это последнее, что я говорю ему, прежде чем запрыгнуть в грузовик и уехать. Стоит мне повернуть за угол, как узел, образовавшийся у меня в горле, нестерпимо сжимается, и мои глаза адски горят. Стискивая зубы, я стараюсь похоронить эту боль.

Я не плакал с одиннадцати лет, и, будь я проклят, если пролью хоть одну чертову слезу из-за этого подонка.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ

CuCu

В бутике всплеск активности, пока рабочие перемещаются, готовя все для вечеринки. Стоя посреди хаоса, нервы на пределе, я

начинаю волноваться, что взяла на себя слишком много, пытаюсь организовать эту вечеринку.

Дыши глубже, СиСи, у тебя все получится.

Почему именно в эти выходные Джил пришлось покинуть город? Этим вечером мне бы оченьгодились ее спокойствие и собранность.

Шум доносится из дверей, вырывая меня из моих беспорядочных мыслей.

— Смотри куда идешь, придурок. Ты чуть не сбил мою жену.

Слыша грубый голос, принадлежащий мужу моей подруги, я поднимаю голову. Огромная улыбка появляется у меня на лице, а сердце поет, при виде Райдера и Эмили, стоящих в дверях.

Эмили кладет руку на грудь Райдера, успокаивая его, прежде чем улыбнуться работнику. Она оглядывается по сторонам, пока не замечает меня, и на ее лице появляется соответствующая улыбка.

Мы бросаемся навстречу друг другу, наши каблуки цокают по плитке, пока не оказываемся в объятиях друг друга.

— Я так рада, что ты здесь, — шепчу я, крепко обнимая ее.

— Ни за что не пропустила бы такое событие.

Потому что она знает, что такое преданность. Вот почему она моя лучшая подруга.

Когда мы отрываемся друг от друга, я обращаю внимание на ее угрюмого мужа.

— Отлично выглядишь, Секретный агент.

— Кенсингтон, всегда рад тебя видеть. — его сухой тон говорит об обратном, от чего мы с Эмили начинаем смеяться.

— Где моя милая маленькая Роза? — спрашиваю я.

— Мы оставили ее на ночь с Ником и Кейтлин, — говорит Эмили, имея в виду напарника Райдера и его жену. — Мы не были уверены, насколько хорошо она перенесет поездку на машине, и, к тому же, у нас будет ночь для нас двоих. — Она обнимает своего мужа, и в ее глазах сияет любовь.

— Я также не хотел, чтобы, помешанная на сумочках, тетя СиСи

испортила ее, — с ухмылкой добавляет Райдер.

— Ой, что случилось? Видя все эти сказочные сумочки, к тебе возвращаются плохие воспоминания?

Он хмыкает.

— Да ими убить можно.

— Тем более, Розе нужна хотя бы одна.

— Ей не нужна защита. Для этого у нее есть отец, — возражает он.

Тут я не стану спорить. Никогда не думала, что когда-нибудь увижу, как он смотрит на другого человека так, как смотрит на мою лучшую подругу, но я ошибалась. Малышка вертит им как хочет. И я очень горжусь ей.

— Как насчет размера поменьше? — предлагаю я. — Готова поспорить, Michael и Louis будут отличными друзьями.

Он выглядит не впечатленным моим предложением, и я начинаю смеяться.

— Да ладно, я просто дразнюсь, — говорю я, легонько пихая его локтем. — Рада, что ты пришел, даже если только ради моей лучшей подруги.

— Я пришел не только ради нее.

С сомнением смотрю на него, ожидая очередного выпада, но его нет.

— Шутки в сторону, Кенсингтон, хорошая работа. Место отличное, даже если это не мой стиль.

У меня становится тепло на душе, я удивлена его трогательными словами.

— Так и есть, — добавляет Эмили, обнимая меня за плечи. — Мы действительно гордимся тобой, и я знаю, что эта линия будет успешной, как и все остальное.

Несколько подобных слов способны сотворить чудеса.

— Спасибо, ребята, — шепчу я, голос хриплый от эмоций.

В этот момент в дверь заходит мама, на ней бирюзовое платье Marc Jacobs, которое я одолжила ей для сегодняшнего вечера, и она

выглядит так же блестяще, как и всегда.

— А вот и моя красавица дочь. — Она обнимает меня и приветствует, целуя в щеку.

— Привет, мам. Отлично выглядишь.

— Спасибо, как и ты, но на мне нет ничего нового.

«Она такая скромная, — с улыбкой думаю я».

— Эмили, рада тебя видеть, — говорит она, обнимая мою лучшую подругу.

— Как и я вас. Прошло столько времени.

— Слишком много, — соглашается мама.

Они обнимают друг друга немного дольше, чем необходимо, и меня снова одолевают эмоции. Эмили достаточно долго беспокоилась, что моя мать винила ее в смерти папы, но все было наоборот. Как бы мы не грустили о том, что потеряли папу, мы гордимся тем, что он боролся за правильные вещи и спас жизнь моей лучшей подруге.

Затем мама двигается к Райдеру, пожимая ему руку.

— Мистер Джеймсон, рада снова видеть вас.

— Взаимно.

Она поворачивается ко мне, беря меня за плечи.

— Как ты держишься?

— Нервничаю, но в восторге, — честно отвечаю я.

— Все будет потрясающе. Ты будешь сиять, как всегда, — говорит она. — А, где твой знаменитый пожарный? Он уже здесь?

— Ещё нет, но скоро должен приехать.

Слава богу за это. Я не сомневаюсь, что его присутствие рядом со мной - именно то, что нужно мне, чтобы помочь пережить этот нервный вечер.

— Не могу дождаться, когда же познакомлюсь с ним.

— Я тоже, — добавляет Эмили. — Умираю, как хочется увидеть мужчину, которому удалось украсть сердце моей лучшей подруги.

О да, он абсолютно точно украл его, и, если мне повезёт, я не верну его себе обратно.

Наш разговор прекращается, когда позади мамы я вижу, как мужчина поднимается по высокой лестнице, чтобы повесить большую фотографию, которую я поместила в рамку. Фотографию, заставляющую мое сердце практически выскочить из груди.

— Милая, что такое? — спрашивает мама, пытаюсь понять, почему я плачу.

Когда я указываю назад, она оборачивается и у неё перехватывает дыхание от вида фотографии моего отца в золотой рамке.

Памяти Пола Кенсингтона.

Преуспей в делах. Живи правильно. Одевайся хорошо.

— О, СиСи, это прекрасно, — бормочет мама, ища в сумочке платок.

— Так и есть, — шепчет Эмили, сжимая мою руку

Мы все молчим, и, когда я смотрю на фотографию папы, начинаю вспоминать...

— Папочка, — бегу в его раскрытые руки так быстро, как позволяют мои маленькие ножки. Он поднимает меня, прижимая ближе к груди.

— Моя принцесса. Как прошёл твой день во дворце?

— Хорошо, но я скучала по тебе.

— Ну, теперь я дома, там, где и должен быть.

Слеза катится по моей щеке, но, впервые после смерти моего отца, эта слеза не символ печали. Это слеза мира и восхищения.

Я горжусь тем, что продолжаю чтить его память, назвав бутик его именем, и он всегда будет частью моих мечтаний.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ОДИН

Гейб

Спустя несколько часов гнев все еще пылает в венах, когда я сижу на темной парковке перед бутиком, издалека наблюдая за вечеринкой. Вечеринкой, на которой я больше не горю желанием присутствовать. Я опоздал на час и даже думал вообще не появляться, но мысль о том, чтобы продинамить СиСи лишь заставляет меня почувствовать себя еще хуже.

Сегодняшняя ночь касается ее, не меня.

Так что я здесь, пытаюсь успокоиться, прежде чем пойти туда и провести вечер с богатыми и заносчивыми, в гребанном костюме, который в любое другое время ни за что не надел бы.

Желудок скручивает от страха, когда я заставляю себя выбраться из грузовика. Приближаясь, я наблюдаю за СиСи через окно, ее улыбка освещает чертово место, пока она позирует для фотографии. Она выглядит красивой в длинном золотом платье. Наряд мерцает, ловя каждый луч свет в комнате, точно так же, как и сама девушка.

В тот момент, когда я вхожу, приближается официант и предлагает мне бокал шампанского. Он тоже одет в костюм обезьяны, как и все остальные здесь

Вот тебе и скромная вечеринка.

Отклоняю его предложение, хотя действительно мог бы выпить прямо сейчас. Шампанское - не мой напиток, тем более сегодня.

Ощущая мое присутствие, СиСи поворачивает голову в мою сторону. Ее улыбка становится шире, когда она извиняется перед людьми, с которыми разговаривала, и направляется ко мне.

— Вот ты где, я волновалась, — говорит она, обнимая меня за шею.

Притягиваю ее ближе, ощущение стройного тела напротив моего, уменьшает мое смятение.

— Прости, я опоздал, — бормочу я, уткнувшись лицом ей в волосы.

От моего резкого тона она делает шаг назад и касается рукой моей челюсти, глаза наполнены беспокойством.

— Все в порядке?

Мне очень хочется ответить «нет». Рассказать ей обо всем, что произошло, но я держусь, зная, что сейчас не время. Не хочу испортить ей вечер.

— Угу, Bella. Я в порядке.

В ее глазах мелькает сомнение, но, к счастью, она не настаивает.

— Где твоя мама? — спрашивает она, глядя мне за спину.

Вопрос усиливает боль в моей груди.

— Она не смогла прийти.

— Очень плохо, — замечает она, и в ее голосе звучит разочарование. — Ладно, я оставила для нее VIP-пакет. Там есть винтажный шелковый шарф, потому что я знаю, как сильно тебе нравится этот материал, — ее тон поддразнивающий, когда она ударяет меня плечом.

— Она не нуждается в этом дерьме, СиСи. Она простая. Я же тебе говорил.

Ее улыбка дрожит, боль отражается в глазах.

Я качаю головой, от чувства вины все в груди сжимается.

— Прости. Не хотел грубить. Просто сегодня плохой день.

— Что произошло? — спрашивает она, потянувшись к моей руке. — Расскажи мне.

— Не здесь, Bella. Прямо сейчас я хочу забыть об этом и наслаждаться вечером с тобой, — чтобы показать ей, что именно это имею в виду, я поднимаю ее руку ко рту и целую пальцы.

— Ладно. Но позже мы поговорим об этом.

Киваю, соглашаясь с ней.

— Пойдем, — улыбается она и тянет меня за руку. — Мама и Эмили с нетерпением ждали твоего приезда.

Когда она ведет меня через толпу людей, женщина оборачивается через плечо, замечает нас и направляется к нам. Судя по светлым волосами, зеленым глазами и характерным чертам, я не сомневаюсь, что это мама СиСи. Все в ней кричит о богатстве, но у нее такая же улыбка, как и у ее дочери.

— Именно с этим мужчиной я так долго ждала встречи? —

спрашивает она, глядя мне в глаза.

— Да. Мам, это Гейб. Гейб - моя мама, Элизабет Кенсингтон.

Я протягиваю руку.

— Миссис Кенсингтон, приятно, наконец, познакомиться с вами.

— А мне с тобой, Гейб. Моя дочь говорит о тебе только хорошее. Спасибо, что позаботился о ней, пока меня не было.

— Мне это доставило удовольствие.

СиСи посылает мне одну из своих фирменных улыбок, которая поражает меня в самое сердце, и все дерьмо, случившееся ранее, уходит на второй план.

Другая пара подходит к нам, чтобы познакомиться, и я узнаю в них Райдера и Эмили со свадебной фотографии СиСи в ее квартире.

— Это он? — спрашивает Эмили.

— Это он, — гордо улыбается СиСи, — Гейб - моя лучшая подруга Эмили.

— Приятно познакомиться, — говорю я, пожимая ей руку.

— Мне тоже, Гейб. Я много слышала о тебе последние несколько недель.

Судя по улыбкам, которыми они обмениваются с СиСи, у меня не остается сомнений, что она знает все.

СиСи указывает на Райдера.

— А этот жизнерадостный парень - ее муж, секретный агент Коди Бэнкс. Он крутой. Даже носит пистолет.

Он, кажется, не очень рад нахальному представлению, но не удивлен.

— Райдер, — поясняет он, пожимая мне руку. — Тебе очень повезло, что ты нашел такое сокровище, как она.

Впервые после катастрофы, произошедшей в доме матери, я чувствую, как у меня на губах появляется улыбка.

СиСи усмехается, нисколько не оскорбленная его холодным сарказмом.

— Пойдем, позволь мне представить тебя всем остальным.

К сожалению, другие люди, с которыми я знакомлюсь, не такие классные и открытые, как ее мать и друзья. Некоторые смотрят на меня с неодобрением, некоторые даже задирают нос. СиСи не обращает на это внимания.

Вечер продолжается, и я чувствую себя еще более неуместно. Не в первый раз ко мне подкрадывается мелочное чувство сомнения, когда я думаю как, черт возьми, она и я сможем быть вместе, когда мы родом из двух совершенно разных миров. Пока я рос, я ненавидел тот мир, в котором росла она.

Просто выдержи следующие пару часов, а затем никогда не соглашайся делать это снова.

В конце концов, подходит фотограф из какого-то модного журнала и спрашивает СиСи, может ли он сделать еще несколько фотографий с ней. Сиси соглашается и кладет руку мне на талию, но леди неловко прочищает горло и спрашивает, может ли она сфотографировать лишь ее.

То, что меня не воспринимают всерьез, более чем очевидно всем, кроме СиСи. Ее улыбка не увядает ни на секунду.

Она действительно ничего не замечает.

От чего мне следовало бы злиться, но я не злюсь. Она не понимает подобное, и не думаю, что когда-то поймет.

— Я сейчас вернусь, хорошо?

Когда я киваю, она встает на цыпочки и целует меня в щеку.

Стоит ей исчезнуть в толпе, я иду в пустой угол комнаты, нуждаясь в небольшой передышке. По пути я все же решаю умыкнуть бокал шампанского. Ослабив галстук, одним глотком выпиваю шипучую жидкость.

— Судя по всему, ты наслаждаешься своими обязанностями так же, как и я, — говорит Райдер, подходя, чтобы присоединиться ко мне.

— Обязанности не напрягают меня так сильно, как люди, — я замолкаю, думая о том, как плохо это звучит, и смотрю в его сторону. — Без обид.

Он ухмыляется.

— Я не в обиде. Я вписываюсь сюда примерно так же, как и ты. Но моя жена вписывается везде, куда бы она ни пошла, так что я смирился с этим ради нее.

Могу это понять, потому что именно так и пытаюсь сделать.

— Итак, СиСи сказала, что вы, ребята, знакомы друг с другом со средней школы, — говорю я, решая немного поболтать.

— Да. Большую часть жизни мы ходили в школу вместе, но, давай просто скажем, зависали совсем в разных компаниях.

По крайней мере, эта информация не удивляет меня. Он совсем не похож на парня, который стал бы общаться с какой-то компанией.

— Так было до выпускного класса, пока она не избила меня сумкой, и вот тогда мы впервые поговорили друг с другом.

Весело смотрю на него и ухмыляюсь.

— Она упоминала об этом.

— Уверен в этом. Ей нравится рассказывать всем эту историю и чрезмерно драматизировать.

Я усмехаюсь.

— В этом вся Блондиночка.

Телефон в кармане вибрирует, прерывая наш разговор. Вынимая его, я вижу, что это моя мать. Последнее, чего я хочу, это ответить на звонок, но она звонила, по крайней мере, четыре раза, и, зная ее, она, вероятно, беспокоится, что я уже лежу мертвый в канаве.

Извинившись, я направляюсь к задней части комнаты для уединения и ненароком задеваю плечо какого-то парня, стоящего с группой людей, выпивая и общаясь. Извиняюсь, но останавливаюсь, когда он вручает мне пустой бокал.

— Я возьму еще один, — говорит он, даже не удосуживаясь взглянуть на меня, его глаза прикованы к группе мужчин перед ним.

Смотрю на пустой бокал, не делая никакой попытки взять его.

— Простите?

Наконец, он смотрит на меня, его раздражение и неодобрение очевидны.

— Еще одно шампанское, — говорит он. — Ты говоришь по-

английски?

Каждый мускул в моем теле напрягается, кровь ревет в ушах.

Когда я не отвечаю, он возвращается к остальным.

— Языковой барьер в наши дни переходит все границы.

Его слова уничтожают то, что осталось от моего драгоценного контроля, и у меня перед глазами все краснеет. Мой кулак приземляется на его лицо, сразу же отправляя его на пол.

— Как тебе такой языковой барьер, козел!

Присутствующие ахают от ужаса, и кучка людей спешит, чтобы помочь ему встать на ноги.

СиСи проталкивается сквозь толпу, ужас и смущение искажает ее черты. Она смотрит то на меня, то на мужчину, боль и неверие в ее взгляде.

— Что, скажи на милость, ты творишь?

На кончике языка вертятся слова объяснения, но вид презрения на лицах всех остальных заставляет меня закрыть рот. Никакое объяснение их не устроит, поэтому не буду даже пытаться.

Качая головой, я начинаю идти к двери, мои туфли стучат по паркету, пока все расступаются передо мной.

— Гейб, подожди, — кричит СиСи, выбегая за мной.

Я поворачиваюсь и опустошение, которое вижу на ее лице, уничтожает другую часть меня, ту, которую я берег только для нее.

— Что с тобой происходит? Как ты мог сделать такое? Именно сегодня.

— Он думал, что я чертов официант! Что я должен был делать? Не обращать внимания?

— Конечно, нет, но неужели было необходимо прибегать к насилию? Теперь моя вечеринка разрушена.

Вина наполняет меня, когда я вижу слезы, текущие по ее щеке, но это было неизбежно.

— Именно поэтому мне не надо было приходить.

— Почему ты так говоришь?

— Потому что я, бл*дь, не вписываюсь сюда, СиСи, и никогда не впишусь! — Сняв душный пиджак, я срываю с шеи галстук и бросаю его в открытое окно. — Ничего не выйдет.

Она смотрит на меня, боль и смятение написаны на ее лице.

— О чем ты говоришь?

— Я, ты, — указываю на бутик, — это. Разве ты не видишь? Это никогда не сработает. Мы слишком разные.

— Но мы подходим друг другу, помнишь? Ты и я. Нам хорошо вместе.

— Больше нет, Блондиночка.

— Не делай этого, — шепчет она, ее губы дрожат. Мне хочется протянуть руку, прикоснуться к ней, но я решаю не делать этого. Оттягивание неизбежного лишь ухудшит ситуацию.

— Прости.

Как бы тяжело мне не было, я залезаю в грузовик и убираюсь прочь. Позволяю себе лишь раз посмотреть в зеркало заднего вида, наблюдая, как единственная женщина, которую я когда-либо любил, исчезает в ночи, оставляя позади мое сердце и погружая меня в темное место, из которого я, возможно, никогда не выберусь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДВА

CuCu

Опустошенная и шокированная, я двигаюсь по магазину, наводя порядок, пока слезы продолжают течь по лицу. С тех пор, как Гейб выскочил с вечеринки и исчез из моей жизни, я не перестаю плакать.

Вечер превратился в полную катастрофу. Вероятно, моей карьере тоже пришел конец. Моя репутация никогда не будет прежней. Мне бы следует расстраиваться из-за этого, но это не так. Ничего из этого не имеет значения. Ни тогда, когда мужчина, который сумел украсть мое сердце, только чтобы сломать его, навсегда ушел от меня.

Нежная рука касается моего плеча, и я поворачиваюсь к Эмили, которая сочувствующе улыбается.

— Твоя мама провожает последних гостей.

Я киваю, не в силах произнести ни слова из-за боли в горле.

— С тобой все будет в порядке? — спрашивает она.

Я собираюсь солгать и сказать «да», но вместо этого вырывается всхлип.

Она крепко обнимет меня.

— Мне очень жаль, СиСи.

— Не могу поверить, что он сделал такое... со мной... с нами.

— А стоит ли винить его?

Я резко поднимаю голову, видя, как Райдер выходит из задней комнаты.

Он прислоняется к стене, ослабляя галстук.

— Парень принял Гейба за официанта из-за цвета кожи. Если спросишь меня, этот мудака получил то, что заслужил.

— Что не даёт ему права вести себя так, как повёл он, — встаёт на мою защиту Эмили. — Дело касалось не его, Райдер. Сегодняшний вечер принадлежал СиСи и ее карьере.

— Извини, Эм, но тут ты ошибаешься. То, что произошло, имело отношение к нему, — возражает Райдер. — Вы двое не понимаете. Вам это не дано, потому что вы росли с подобными козлами. С вами никогда не обращались так, словно вы недостаточно хороши, чтобы дышать тем же воздухом, что и они. Я знаю, каково это, и, если Гейб до этого не знал, что это такое, теперь, чертовски уверен, он в курсе.

— Он прав, — подходя ко мне, добавляет мама. — Я не оправдываю Гейба, ему следовало лучше справиться с ситуацией, но, уверена, ему очень больно.

Так и есть. Боль в его глазах, когда он выскочил - взгляд, который я никогда не забуду.

— То, как Виктор обращался с ним, было совершенно неуместно.

— Да, это так, — соглашаюсь я. — Я злюсь и на него тоже. Но я

бы разобралась с этим. Я бы никогда никому не позволила относиться к нему таким образом. Он даже не дал мне шанса.

У мамы грустное лицо, когда она подходит и обнимает меня за плечи.

— Просто дай ему немного времени остыть, дорогая. Уверена, он поймет, что совершил ошибку.

Я качаю головой, чувствуя неуверенность.

— Не знаю. Может быть, в конце концов, мы и правда разные.

Доводы кажутся слабыми даже для меня. Мы не слишком разные, когда смеемся вместе или прикасаемся друг к другу. Когда мы вдвоем, все кажется очень даже правильным.

— Посмотрите на нас с Райдером, — говорит Эмили, глядя на своего мужа. — Мы вышли из разных слоев, и заставили все это работать. Если он заботится о тебе так, как я думаю, он вернется, СиСи.

Хотела бы я чувствовать такую же надежду, какую чувствуют они, потому что даже сама мысль о том, что я больше не увижу его, причиняет мне боль.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРИ

Гейб

Непрерывный стук пробуждает меня от мучительного сна. Едва приоткрываю глаза, прежде чем зажмуриться, яркий солнечный свет приносит мне головную боль.

Напиваться в течении двух ночей - не очень хорошая идея, особенно учитывая, что это не помогло облегчить тяжесть в груди или стереть болезненные воспоминания, которые появились с тех пор, как нарисовался этот ублюдок.

А еще образ прекрасной женщины, от которой я ушел прошлой ночью. Именно это воспоминание преследует меня чаще всего.

Когда стук продолжается, я заставляю себя встать с кровати и

неуклюже натягиваю джинсы и футболку, прежде чем спуститься вниз. К тому времени, как добираюсь до двери, я вынужден прижать руку к стене, чтобы успокоиться, пол под ногами дрожит.

Пока я тянусь к ручке, проблеск надежды появляется в груди, и я молюсь, что там окажется единственная женщина, о которой я не могу перестать думать. Проблеск исчезает, когда я открываю дверь и обнаруживаю маму.

— Мiјо, — приветствует она меня шепотом. Видя опустошение на ее лице, пока она стоит на моих передних ступенях, я засовываю раздирающие меня эмоции подальше. — Я звонила тебе.

— Я был занят.

Пытался напиться до беспамятства и забыть последние пару дней жизни. Оказывается, никакое количество алкоголя не способно помочь забыть те чувства, что бушуют во мне.

— Могу я войти? — спрашивает она.

Последнее, чего я хочу, это выяснять с ней отношения, потому что тогда мне придется поговорить о нем, что я делать не намерен. Я хочу притвориться, что его не существует, так, как я и поступал последние пятнадцать лет. Однако, когда я смотрю на женщину, которая подарила мне жизнь, я не могу отказать ее просьбе.

Отхожу в сторону, позволяя ей войти, а затем прохожу и сажусь на диван, потому что меня мутит. Откидываю голову назад, закрываю глаза, пока пытаюсь собраться с силами.

Подушка рядом со мной падает, когда мама садится на диван. Она тянется ко мне и поворачивает мое лицо так, чтобы видеть его.

— Ты ужасно выглядишь.

Я открываю глаза, встречаюсь с ней взглядом.

— Вот что делает с людьми предательство.

Боль искажает ее лицо.

— Я не предавала тебя, mijo.

— Именно так и казалось, когда мне сказали уйти, чтобы он мог остаться.

— Что было ради твоей же безопасности. Ты был ужасно зол, —

шепчет она.

— Чертовски верно, был, и у меня есть полное право злиться.

— Да, так есть, но тебе нужно научиться контролировать свой нрав. Он будет поглощать и разрушать тебя, если ты позволишь. Он может уничтожить все вокруг тебя, включая тебя самого.

Моя челюсть напрягается, когда я борюсь с желанием поспорить, но не могу. В конце концов, из-за своего нрава я потерял единственную девушку, которую любил.

— Ты позволила ему находиться в нашем доме, ма. Почему ты так поступила?

— Потому что я хотела услышать то, что он должен был сказать.

— Кому какое дело до того, что он должен был сказать?

— Мне! — парирует она. — Я заслуживаю объяснения того, что он сделал, Габриэль, даже если они непростительны. Все мы заслуживаем.

— Никакие его слова не способны отменить нанесенный им ущерб. Зачем вообще давать ему шанс?

— Потому что мне нужно успокоение, — еле слышно произносит она. Слезы, которые она пыталась удержать, начинают течь по ее лицу. — Даже после всех этих лет я все еще люблю его.

Каждая мышца в моем теле напрягается, недоверие поражает меня.

— Ты не можешь говорить серьезно.

— Часть меня всегда будет любить его. А почему нет? Он подарил мне пять самых ценных подарков на свете.

— Ага, только вот потом тебе пришлось растить их самостоятельно, — напоминаю ей твёрдым голосом.

Она вытирает слезы ладонью.

— Да. Но ты должен понять, мужчина, который покинул меня в тот день это не тот мужчина, в которого я влюбилась. Я всегда буду любить первого, но не того, кем он стал.

— Что ты такое говоришь? Ты, правда, думаешь принять его обратно? — От этой мысли меня начинает мутить ещё сильнее.

— Нет. Несмотря на противоречивые чувства, которые испытываю, я никогда не смогу принять его назад. Потому что никогда снова не смогу доверять ему.

Я благодарен за это, потому что не смог бы справиться с ситуацией, если бы она так поступила. Из-за этого наши отношения изменились бы.

— Прости, — шепчет она, беря мою руку. — Не только за то, как сильно он ранил тебя, но и за то, что много лет назад ты был вынужден взять на себя ответственность. Это было несправедливо. Ты заслуживал больше, ты ведь был ребенком, и я действительно сожалею об этом.

— Тебе не за что извиняться, — говорю ей хриплым голосом. — У меня было хорошее детство и отличная мама. Я ни о чем не жалею.

Она всхлипывает, когда тянется, чтобы обнять меня.

— Я люблю тебя, Габриэль. Я бы никогда не справилась без тебя. Ты был моей скалой.

Весь гнев, который я питал к ней минуты назад, тает под ее объятиями.

— Нам было лучше без него, ма. Ты была слишком хороша для него, и ничего не изменилось. Он тебя не заслуживает.

Она откидывается назад, ее наполненные слезами глаза смотрят на меня.

— Я не приму его назад, *mijo*, и он это знает. Но он хочет общаться со своими детьми.

Ярость снова проносится по венам.

— Ни за что.

Да быстрее ад замерзнем, чем я позволю этому мужчине снова присутствовать в моей жизни.

Она кивает.

— Я так и думала, и это твой выбор, но кто-то из твоих братьев может чувствовать себя по-другому. Я знаю, что Луис подумывает об этом. Ты должен уважать его право, даже если не одобряешь его выбор.

У меня в голове не укладывается, как кто-то может дать такому человеку еще один шанс. Мой младший брат, возможно, не помнит, как он ушел от нас, но он помнит, что значит расти без отца.

— А теперь расскажи, что произошло с СиСи.

Я смотрю на маму, жжение в груди усиливается.

— Как ты узнала?

— Ты не отвечал на мои звонки, я искала тебя и позвонила ей, а она сказала, что вы больше не вместе. И казалась при этом очень расстроенной.

Вина и сожаление сражаются в моей груди, когда я вспоминаю, как оставил ее в слезах.

— Что ты сделал, мiјо?

— Все испортил, — отвечаю я, не трудясь подсластить пилюлю.

— Тогда тебе надо все исправить.

— Не думаю, что могу, и мне вообще следует. Мы слишком разные, ма.

— Глупости, — с жаром возражает она.

Я качаю головой. Мама не понимает, она не видела, как сильно я выделялся на той вечеринке.

Беря мое лицо в руки, она заставляет посмотреть ей в глаза.

— Ты ее любишь?

Мне не надо даже думать над этим вопросом.

— Да. Я люблю ее.

— Тогда исправь все, мiјо, или будешь жалеть об этом всю жизнь.

— Как?

Грустная улыбка появляется на ее губах.

— Это то, с чем тебе придется определиться самостоятельно, но я не сомневаюсь, что у тебя получится. Если кто и может исправить свои ошибки, это ты, Габриэль. Покажите ей, как сильно ты сожалеешь. Завоюй ее снова, и как только тебе удастся... никогда не отпускай ее.

В груди появляется новообетенная надежда. Будем надеяться, что я не слишком опоздал.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ

CuCu

Я приезжаю в бутик немного раньше обычного. Предпочитаю начать с самого утра, чем провести еще один день в постели. Похоже, последние пять дней я только этим и занималась

Мое сердце разбито и, кажется, никогда не будет в порядке. Я знала, что сильно влюблена в Гейба, но случившееся показало мне, что за прошедшие пару месяцев я действительно потеряла свое сердце. Без него у меня больше нет энергии и сил, даже работа в бутике не поднимает мне настроение.

Я скучаю по его красивому лицу и дерзкой ухмылке. Теплым глазам цвета шоколада, которые навсегда останутся в моей памяти и моем сердце. Я была в таком раздрае, что даже пошла, купила темный шоколад и съела. Заработав проклятые пять фунтов.

Вот подонок.

Его запах, оставшийся на моей подушке, тоже не помогает. А словно насмехается надо мной и играет с моими чувствами.

Я подумывала связаться с ним, особенно после того, как узнала о его отце. Когда его мама рассказала мне, что случилось в ее доме, я стала еще больше переживать за Гейба. Неудивительно, почему он был так расстроен, когда приехал на вечеринку. В таком случае, грубое предположение Виктора только усугубило ситуацию.

Я хочу связаться с ним и проверить, как он, но, поскольку он не пытался поговорить со мной, продолжу оставаться в стороне. Как сильно бы я не скучала по нему, я не готова снова рисковать своим разбитым сердцем. Не думаю, что оно способно пережить еще одно подобное событие.

Вздыхая, забираю Пеппа с пассажирского сиденья, а затем

вылезаю из машины.

— По крайней мере, у меня есть ты, мальчик, — шепчу я, целуя его крошечную голову.

Миссис Нельсон из цветочного высовывает голову из магазина и с воодушевленной улыбкой на лице машет мне.

Я машу в ответ, но у меня нет сил улыбнуться. Добираясь до двери, открываю ее и захожу внутрь. Когдадвигаюсь к сигнализации, замираю, понимая, что система уже отключена.

Мои ноги словно прирастают к полу, и меня охватывает страх. Я поворачиваюсь, чтобы побежать назад, но останавливаюсь, когда замечаю под ногами лепестки роз. Сердце пропускает удар, когда я вижу радугу из цветов на полу передо мной. Надежда наполняет меня, пока я ставлю Пеппа на пол и иду дальше.

Напряжение нарастает, когда я поворачиваю за угол и вижу, что весь мой бутик заполнен цветами. Десятки ваз стоят на каждой свободной поверхности. А самое лучшее, от чего моя душа практически поет, мужчина, стоящий посередине с белой розой в руках.

Я моргаю несколько раз, молясь, чтобы все происходило не во сне. Но, когда он посылает мне эту сексуальную кривую ухмылку, я понимаю, что все очень даже реально.

— Привет, Блондиночка. — От его глубокого голоса у меня теплеет на сердце.

Я дышу, изо всех сил пытаюсь сохранить самообладание, но как бы не старалась, ничто не может остановить слезы, текущие по моим щекам.

— Как ты вошёл? — спрашиваю я, голос едва громче шёпота.

— Джил меня впустила.

Милая маленькая предательница.

— Почему ты здесь? — спрашиваю я, складывая руки перед собой и боясь услышать ответ.

— Потому что мне нужно было увидеть тебя. Я хотел извиниться за то, что натворил тем вечером.

Закрываю глаза от наплыва эмоций, надежда и страх борются во

мне. Я очень хочу поверить в то, что он говорит, но все же боюсь, ведь однажды он уже разбил мне сердце.

Он делает шаг вперёд, большие, теплые руки обнимают мои мокрые щеки. Этого маленького прикосновения достаточно, чтобы я приблизилась к разрушению.

— Посмотри на меня, Bella.

Я открываю глаза, его красивое лицо размыто передо мной.

— Прости меня за то, что сделал. Я был зол после того, как увидел отца, и, когда тот мудак сказал то, что сказал... — он замолкает, его челюсть напрягается. — Я взбесился, и хотя не жалею о том, что врезал ему, я сожалею о том, что испортил твою вечеринку.

— Вечеринка не имеет значения, — выдавливаю я. — Бутик много значит для меня, но ты тоже, и я никогда не позволю никому обращаться с тобой вот так. Я бы выгнала его, даже если бы потом потеряла возможность сотрудничать с ним. Но ты даже не дал мне шанса сделать это, Гейб. Ты просто ушел от меня, словно последние пару месяцев ничего не значили для тебя.

Он упирается лбом в мой лоб, раскаяние отражается в его темных глазах.

— Я знаю, и поверь мне, я сожалел об этом каждую секунду каждого дня. Но можешь не сомневаться, СиСи, они имеют для меня значение, ты имеешь для меня значение. Ты самое важное, что есть в моей жизни... Я люблю тебя.

Я резко выдыхаю.

— Что ты только что сказал?

— Я сказал, что люблю тебя. — Его пальцы касаются моей щеки, вытирая слезы. — Люблю все в тебе. Твою собаку, нелепого размера сумки, даже твой нахальный ротик, — добавляет он с ухмылкой. — Нет ничего, что я бы не любил в тебе.

Всхлип, который я пытаюсь сдержать, срывается с моих губ. Я упираюсь лбом ему в грудь и бормочу, как дурочка.

— Я тоже тебя люблю, даже если на этой неделе из-за тебя набрала пять фунтов.

Смех вибрирует в его груди, когда он заключает меня в объятия, они приносят мне комфорт, по которому я скучала.

Удерживая мое лицо, он заставляет меня посмотреть ему в глаза.

— *Cásate conmigo*, — шепчет он, слова звучат очень красиво, пока его теплые глаза проникают мне в душу

Шмыгая носом, я в замешательстве смотрю на него.

— Можешь ты хоть на секунду перестать быть сексуальным и сказать это по-английски? На этой неделе я совсем не занималась испанским.

Привлекательная усмешка изгибает его губы, но быстро исчезает, выражение лица становится серьезным.

— Выходи за меня.

Я застываю на месте от шока.

— Выслушай меня, — поднимая руку, начинает он. — Я знаю, все происходит очень быстро, и ты, вероятно, думаешь, что я сошел с ума. Я мог бы подождать и спросить тебя об этом через год или даже два, но вопрос не изменится, СиСи. Я хочу, чтобы ты навсегда стала моей.

Внутри меня все трепещет от волнения, пока мозг пытается осознать происходящее.

— Есть много того, что я не могу тебе дать, — продолжает он. — Например, дорогой Барбимобиль или платье за три тысячи баксов от той цыпочки Веры.

Маленькая улыбка танцует на моих губах.

— Но, ради тебя, я пройду сквозь огонь. Ради тебя вбегу в горящее здание. — Он тянется, сжимая мою шею и поглаживая большим пальцем кожу. — Я умру ради тебя, СиСи.

От его красивых слов я начинаю паниковать.

Потянувшись назад, он берет белую подарочную коробку с красным атласным бантом, лежащую рядом с вазой с цветами.

— У меня нет кольца, потому что я провел по несколько часов в каждом ювелирном магазине в этом проклятом городе и не смог найти хотя бы одно, достойное тебя. Поэтому, вместо кольца, я

принес вот это. — Он протягивает мне подарок.

— Что это? — спрашиваю я.

— Открой. Это часть моей речи.

Стягиваю красную ленточку, прежде чем поднять крышку. И охаю, когда вижу, что там внутри.

— Боже мой.

Хрустальная туфелька лежит на атласной подушке, сверкая обещанием.

— Я знаю, ты всегда будешь папиной принцессой, но я хочу, чтоб ты стала моей королевой.

Всхлип срывается с моих губ, голова кружится от его заявления и продуманного подарка.

— Если скажешь «да», я обещаю построить для тебя дворец. Буду каждый вечер готовить, давать тебе углубленные уроки испанского и подарю кучу нескончаемых оргазмов.

Я смеюсь, мое сердце наполнено любовью.

— Что скажешь, Bella? — спрашивает он, заключая меня в объятия.

Улыбаясь, я смотрю на него сквозь слезы.

— Скажу, что Барбимобили переоценены. Я лучше соглашусь на оргазмы.

Хриплый смех, вибрирующий у него в горле, проникает в меня, когда он целует меня поцелуем, подтверждающим то, что я и так знаю. Этот мужчина все, что мне нужно. Я мечтала о подобной любви и буду лелеять ее до конца жизни.

— Я скучала по тебе, — говорю ему между горячими поцелуями.

— Тоже скучал по тебе, детка. — Он отрывается от меня, большим пальцем потирая мою нижнюю губу. — Скоро пойдём и вместе выберем для тебя кольцо.

Обхватывая его запястье, я наклоняюсь к нему.

— Мне не нужно кольцо. Мне не нужно ничего, кроме тебя.

— Я твой, навсегда.

Слезы радости текут по моему лицу, когда я представляю наше будущее. Дворец или обычный дом, деньги или нет, он принц, которого я ждала.

Его руки вокруг меня сжимаются.

— Как насчет того, чтобы ты позволила мне отвезти тебя домой и разрешила начать дарить все те оргазмы, которые я обещал? — говорит он с дерзкой ухмылкой.

Ухмылкой, которая раньше раздражала меня, но теперь я мечтаю увидеть ее.

— Джил ждет звонка и готова сегодня поработать, — соблазнительно добавляет он.

Не могу упустить возможность провести весь день в его объятиях. Поднимаясь на цыпочки, целую его в губы.

— Давай, Пожарничек. Посмотрим, что у тебя есть.

— Ох, Блондиночка, ты ведь знаешь, как я люблю вызов. — Наклоняясь, он берет меня на руки, от чего я начинаю смеяться.

Я обнимаю его за шею, улыбка сияет на моем лице, когда я смотрю в его завораживающие карие глаза.

— Готова? — спрашивает он.

— Более чем.

Почти уверена, что вся моя жизнь была подготовкой к этому моменту.

Когда мы выходим, я вешаю табличку «Закрыто», Пепп плетется за нами. Смотрю на фиолетовую корону на витрине моего бутика, и сердце наполняется теплом, когда я понимаю, что, наконец, получила сказку, о которой всегда мечтала. Только мой прекрасный принц оказался самоуверенным пожарным, который понятия не имеет, насколько важны отпадные каблуки или дизайнерские сумочки, но он знает, как любить меня, и для меня это важнее даже пары Jimmy's или моего друга Louis.

ЭПИЛОГ

CuCu

Солнце, яркое и теплое, сияет над нами, когда мы все собираемся, чтобы отпраздновать четвертый день рождения Розы. На заднем дворе Эмили и Райдера самые близкие друзья, и еще, по меньшей мере, дюжина детей бегают с шоколадом, размазанным по их маленьким личикам.

Я испытываю волнение и трепет, думая о том, что когда-нибудь и наш задний двор будет наполнен огромной любовью и счастьем.

— Это только я или вы тоже счастливые стервы? — спрашивает Кайла, подруга Эмили, живущая здесь, в Чарльстоне. Она указывает на наших мужей, стоящих в кругу и пьющих пиво. — У нас есть шериф, — говорит она, указывая на своего мужа. — Агенты ФБР, «морские котики», а теперь еще и пожарный... Нет зрелища приятнее на свете.

— Согласна. — Улыбается Эмили. — Нам очень повезло, и, если когда-то попадём в беду, нас точно выручат.

— Мой муж привык вытаскивать меня из передрыг, — замечает Кайла. — Хотя, если мне действительно повезет, именно он будет тем, кто арестует меня. — Ее ухмылка заставляет нас всех рассмеяться.

Она невероятно забавная, немного напоминает меня, и очень мне нравится. Мы с Гейбом отлично вписались в эту компанию. Наш дом в Атланте, но, если я когда-нибудь перееду куда-нибудь, только в этот причудливый городок, где живет моя лучшая подруга.

— Мама, — кричит Роза через лужайку, — можно я открою подарки сейчас?

— Конечно, милая. Садись на свой стул, а я принесу подарки.

Роза бежит к стулу, украшенному розовым тюлем и разноцветными воздушными шарами. Все ее друзья собираются вокруг ее ног, вставая бок о бок, чтобы оказаться как можно ближе. Эмили надевает ей на голову тиару и вручает первый подарок, в то время как остальные подходят ближе.

Я смотрю на своего мужа, пока он идет, наблюдая за его целеустремленными шагами. У него на глазах очки авиаторы, но

клянусь, я ощущаю, как его взгляд блуждает по моему телу, так же, как и мои глаза блуждают по нему.

Он встает позади меня, обнимая меня за талию.

— Продолжай смотреть на меня так, как сейчас, Bella, и мы покинем эту вечеринку до того, как она закончится.

Я дрожу от его горячего дыхания у моего уха, тело жаждет его прикосновений. Не имеет значения, что мы занимались любовью этим утром, я желаю этого мужчине каждую секунду каждого дня.

— Прости, — шепчу я, хотя мне совсем не жаль. — Когда ты рядом, мои гормоны живут собственной жизнью.

Он касается губами моей щеки.

— Не волнуйся, детка. Я тоже пилился на тебя.

Ха! Я знала.

Его руки двигаются по моему животу, прикосновения нежные и оберегающие. Он не перестает делать так с тех пор, как узнал о маленькой жизни, растущей внутри меня. Сюрприз, который никто из нас не ждал. Мы говорили о том, чтобы немного насладиться супружеской жизнью, прежде чем сделать такой важный шаг. Однако, кажется, двух месяцев было достаточно, по крайней мере, судьба решила именно так. Какой бы неожиданной не была эта новость, мы безумно счастливы.

— Ты привлекаешь внимание, — шепчу я, опираясь спиной на его грудь. — Если не будешь вести себя осторожно, люди начнут задавать вопросы.

— Ничего не могу поделать. Меня возбуждает мысль о том, что ты носишь моего ребёнка в этом прекрасном теле.

От этого я чувствую всевозможные вещи, которые не могу объяснить. Чувство полного удовлетворения и счастья, которые я никогда не знала. Меня убивает то, что я не могу рассказать другим, особенно Эмили, так как она снова беременна. На четыре месяца дольше, чем я. Но мы сами узнали о ребенке лишь несколько дней назад и хотим подождать, пока не пройдет немного времени.

Улыбаясь, я наблюдаю за тем, как Роза, заметно волнуясь, продолжает разрывать подарки.

— Не могу дождаться, когда же она откроет наш, — шепчу я.

— Ей понравится, а вот Райдеру... — Усмехается Гейб.

Без сомнения, сначала он будет ворчать, думая, что я порчу его милую девочку, но, как только увидит улыбку на ее лице, он оценит подарок, даже Эмили в восторге.

К тому времени, как Роза заканчивает открывать остальные подарки, я практически подпрыгиваю от нетерпения.

— Последний от тети СиСи и дяди Гейба, — объявляет Эмили, вручая ей большой подарок в блестящей упаковке.

Светло-голубые глазки Розы смотрят на меня, на лице появляется полная надежды улыбка.

— Это то, о чем я думаю? — взволнованно спрашивает она.

— Думаю, стоит открыть и проверить.

Она начинает рвать бумагу.

— И почему я так боюсь этого подарка? — бормочет Райдер, но я слышу его. За что получает локтем в бок от своей жены.

Посылаю ему лучшую улыбку.

— Потому что это от меня, и ты знаешь, что он потрясающий.

По иронии, написанной на его лице, ясно, что это не так, но моя улыбка не исчезает, и я продолжаю смотреть на Розу.

Ее визг наполняет воздух, когда она вытаскивает розовую сумочку с игрушечным чихуахуа.

— Ты сделала его для меня! — Роза вытаскивает собаку из сумочки и обнимает игрушку. — Мой собственный Пепп и сумочка.

— Покопайся внутри, там есть кое-что еще, — говорю ей.

Она кладет собачку на колени и снова тянется в коробку, вытаскивая пару крошечных солнцезащитных очков Coach, схожих с моими, блеск для губ и... ключи.

— Зачем они?

— Почему бы тебе не пойти в гараж и не посмотреть, — говорит Эмили со знающей улыбкой на лице.

Райдер, однако, совершенно растерян и нервно смотрит на меня.

— Гараж? Что, черт возьми, ты купила?

Когда он получает от меня лишь ухмылку, переводит взгляд на Гейба.

— Не смотри на меня, мужик. Это была ее идея. Я просто хочу, чтоб меня считали классным дядей.

Райдер что-то ворчит, я не могу разобрать, что именно, но игнорирую его и следую за визжащей маленькой девочкой.

Когда мы доходим до гаража, Эмили нажимает на кнопку открытия дверей, показывая розовый детский кабриолет «Фольксваген».

— Да ты издеваешься надо мной!

Совсем не восторженная реакция Райдера бледнеет по сравнению с радостным криком Розы.

— Моя собственная машина, как у тебя! — Она бросается ко мне, обнимая меня. — Спасибо, спасибо, спасибо. И тебе, дядя Гейб! — говорит она и обнимает его.

Гейб поднимает ее, прижимая ближе.

— Пожалуйста, *niña hermosa*. Только одно правило.

— Какое?

— Никаких мальчиков в этой машине. Никогда.

Она смеется вместе со всеми остальными.

— Идет!

Как только Гейб ставит ее на ноги, она бежит к маленькой машине и забирается внутрь, некоторые из ее друзей втискиваются вместе с ней.

— Пристегнитесь, — кричит она, прежде чем залезть в свою сумочку и вытащить новые солнечные очки.

Я умиляюсь тому, как прелестно она выглядит.

Глядя на меня, она показывает поднятые вверх большие пальцы, затем смотрит на Райдера.

— Увидимся позже, папочка. — Роза нажимает на педаль, автомобиль катится вперед, музыка ревет, когда она и ее друзья

спускаются по подъездной дорожке.

Улыбаясь, я смотрю на Райдера и практически съеживаюсь от взгляда, направленного на меня.

— Долбаная машина, СиСи? Серьезно?

— И что? — спорю я. — Я ее единственная тетя. И могу ее баловать.

— Она права, — говорит Эмили, защищая меня. — Как ты можешь расстраиваться, когда Роза так улыбается?

Выражение его лица смягчается, когда он смотрит на свою дочь.

— Прекрасно, — уступает он, снова глядя на меня. — Но будь готова, однажды все это дерьмо вернется к тебе.

— Прости, мужик, но у меня не будет никаких девочек, — говорит Гейб. — Только парни.

Райдер хмыкает.

— Ага, ну удачи тебе. — Он идет к своей дочери, и Эмили следует за ними, фотографируясь вместе со всеми остальными.

Поворачиваясь к Гейбу, я выгибаю бровь.

— Только парни, правда, чтоль?

Он оборачивает руки вокруг моей талии, притягивая меня ближе.

— Прости, Блондиночка, я так решил. Ни за что на свете у меня не будет красавиц дочек, которые выглядят как их мать. Иначе я не выживу, особенно, если их будет семь.

— Семь! — кричу я.

— Ага. Столько у нас будет детей.

— Не думаю, Пожарничек. Я не смогу родить семерых.

— Ладно, шесть.

— Три, — парирую я.

— Пять.

— Четыре.

На пару секунд повисает тишина, а затем он ухмыляется.

— Ладно, четыре.

Обнимаю его за шею, крепко прижимаясь к нему.

— А представь, что все четыре будут девочками?

Теперь ситуация не кажется ему забавной.

— Не смешно.

Я нахожу ужас на его лице довольно уморительным.

— Да ладно, разве такие принцессы, как я, так плохи?

Выражение его лица смягчается, глаза темного шоколада смотрят прямо мне в душу.

— Нет, Bella, я буду очень счастлив.

Улыбаясь, я поднимаюсь на цыпочки и прикасаюсь губами к его губам.

— Важно лишь то, что все наши дети будут такими же изумительными и честными, как ты.

Он обнимает меня крепче, немного приподнимая.

— Принцы или принцессы, у нас будет хорошая семья, Блондиночка. Это я тебе обещаю.

Он уже лучший муж, поэтому я не сомневаюсь, что он станет удивительным отцом для наших детей. Независимо от того, будут это мальчики, девочки или и те и другие, я надеюсь, что все они будут здоровы, будут расти в традициях его семьи, а так же унаследуют мое чувство безупречного стиля.

Его губы опускаются на мои, и все вокруг исчезает, мы уносимся в особое место, где существуем лишь мы вдвоем. Место, наполненное любовью.

Вот она, настоящая сказка.

КОНЕЦ